

охота

и охотничье хозяйство

8

2005

ПРИШЛА ПОРА

Д. ЖИТЕНЁВ. Фото А. ДИГИЛЕВИЧА

Легашатники который уже день топчутся со своими собачками по лугам, по закрайкам болот, постреливают бекасиков, дупелей да коростелей. Ну и пусть — их дичь не наша, нам такая дичь не нужна. Наша посolidнее — утка! Дождались и мы, утятники, своего праздника! Ведь открытие охоты — это великий день, который празднуют охотники всего-то два раза в году, весной и осенью. Весенний сезон короткий — десяток дней. Да из них, дай Бог, используем три-четыре. Зато ранняя осень открывает самый большой сезон — до января, а где и дольше.

Ну, вот и оно, первое утро! Еще и не светало, а все охотники на базе уже копошатся — снуют от дома к лодкам и обратно, таскают ружья, патронташи, рюкзаки. Места распределены с вечера. Все знают, кому к какому шалашу грести, а бесшалашные — в какой куст куги или тростника становиться. Разговаривают вполголоса, словно боятся спугнуть дичь, которая затаилась где-то по своим укромным местам.

В шалаше тесновато даже для одного охотника, а молодого, как правило, берут в шалаш вместе со старшим. Ну, ничего! В тесноте, да не в обиде.

Таинственно и как будто незнакомо все вокруг, хоть и видел такие утра уже много раз.

За шалашом плотная стенка тростника. Где-то под ним плеснула рыба, и расходящиеся оттуда круги обеспокоили около твоего шалаша недвижную гладь воды. Хорошо видно, как от нее поднимается пар, и она поэтому кажется теплой.

Предрассветный туман плотнеет и плотнеет. Он влажной паутиной садится на лицо, на стволы ружья, которые словно седеют. Понемногу начинает развидняться. Небывалая тишина объяла пространство — плес водохранилища, застывшие шарообразные ивы, невидимый пока лес на далеком берегу. Где-то там схоронились по шалашам и затолканным в тростники лодкам, ждут своего счастья охотники. И вот кто-то дождался! Издалека доносится «троп-троп» первого торопливого дуплета, и дальний лес отражает его эхо. Началось!..

Так или примерно так начинается открытие охоты по утке. Охота эта, в общем-то, коллективная, компанейская. Хоть и сидишь ты в шалаше или лодке один на один с собой и тростниками, но потом все сходятся на базе или скоротечном привале, где и шутка, и разговоры, и, естественно, застолье.

Однако все начинается с выбора места для охоты. Конечно, на охотбазах, куда съезжаются охотники на открытие охоты, все места давно уже присмотрены и распределены. Без егеря куда не сунешься, какой бы ты ни был распрекрасный и опытный охотник. Тут никакие советы по выбору места не помогут — куда егеря посадит, там и будешь сидеть. Иногда жеребьевка бывает, но это прекрасное исключение, о котором можно только мечтать в нашей современности.

Если уж и попалось место не очень хорошее, надо постараться действовать так, чтобы не остаться без добычи. Во-первых, следует хорошенько замаскироваться. Если ты в лодке, то

загнать ее поглубже в тростники и завалить тростником же, нарезанным где-нибудь в сторонке, или соорудить подобие шалаша на ней. Не следует только накрываться, как говорится, с головой — стрелять-то придется влет. Во-вторых, постараться не двигаться до момента выстрела. Понимаю, что это довольно трудно даже для бывалого охотника, что уж говорить о новичке. И если в сумраке рассвета утка может и не разглядеть замаскированного охотника, то когда развидняется, то даже самая неопытная постарается увернуться от выстрела. К слову сказать, маскировке очень помогает охотничья камуфляжная одежда. В магазинах сегодня можно подобрать такую, что утка или даже осторожный гусь тебя и не заметят, конечно если не дергаться и не бегать с места на место.

Становиться следует лицом к восходу на утренней зорьке или к закату на вечерней. Проще стрелять утром, потому что все время светает, а вот вечером, когда птица летит почти в темноте, труднее. Чем ближе к осени, тем позднее начинается перелет. Есть такие «охотнички», кто стреляет даже в полной темноте, на звук утиных крыль-

ев. Однако настоящему охотнику не-
же плодить подранков, которые при
такой стрельбе неизбежны. То же са-
мое относится и к расстоянию, с кото-
рого ведется стрельба. Не след палить
дальше полусотни шагов, потому что на
утиных перелетах утка рано или поздно
налетит на верный выстрел, метров на
пятнадцать-двадцать. Тут уж прома-
зать трудновато, хотя и возможно, а
готовым к выстрелу надо быть ежесе-
кундно, особенно в сильный туман.

Очень хорошо помню свою первую
охоту на торфяных карьерах около де-
ревни Тереньково, что неподалеку от
Куровской. Я совершенно не ожидал
этой кряквы, которая выскочила из све-
тящегося на солнце тумана прямо мне
в лоб. Я успел только направить в ее
сторону стволину своей одностволки и
пальнуть, что называется, от бедра. И
это было просто потрясение! Я впер-
вые увидел так близко настоящую кряк-
ву, держа в руках настоящее ружье.
Умение попадать по летящей птице
приходит с опытом, когда вырабатыва-
ется автоматизм, привычка стрелять и
навскидку и с поводкой, а взлет дичи
волнует уже не так, как в далекой юно-
сти. Поэтому не стоит сильно огорчать-
ся из-за первых промахов — все при-
ходит со временем. Хотя, признаюсь
честно, вид летящих вдалеке даже го-
родских уток меня волнует так же, как
и полвека назад.

Но есть еще уголки в нашей стране,
особенно на Севере и в Сибири, где
места для охоты приходится выбирать
самому. Конечно, большинству мест-
ных охотников они давно известны, но
если ты попал туда впервые, стоит при-
смотреться к характеру местности, по-
советоваться со старожилами.

Летне-осенние охоты на уток много-
кратно описаны у таких корифеев, как
Сабанеев, Алфераки, Рахманин, Ка-
верзнев и других, поэтому и повторять-
ся вроде бы ни к чему. Однако читать
их произведения надо, одновременно
приучая себя наблюдать за природой —
как ведут себя животные в привычной
для них среде, где места дневок, куда
птица летит на вечернюю и ночную жи-
ровки. Пути, по которым они переме-
щаются, как правило, постоянны. Пти-
це, как говорится, не с руки искать что-
то новое.

Много лет тому назад на берегах
тверской реки Медведицы я учился ос-
ваивать эту немудреную науку отыски-
вания утиных дворов, как мы тогда
называли места скопления утиных вы-
водков и стаяк на кормежках и дне-
вках. Одно из таких укромных местечек
мы присмотрели совсем недалеко от
нашей деревни. Охотников в те сла-
вные времена и в тех местах почти не
было. Мы дождались открытия охоты,
что случилось, помнится, 5 августа, и
стреляли уток в этом месте почти каж-
дую утреннюю и вечернюю зарю. Не-
смотря на постоянную стрельбу, стай-
ки их с завидным упорством стреми-
лись именно на это, видимо, очень
кормное и привычное место. Шло лето
1954 года, на всю округу было всего че-
тыре приезжих охотника-москвича —
два художника и два студента-охото-
веда (ныне покойный Борис Молоканов
и я). Почти через тридцать лет мне при-
шлось быть на открытии охоты по ут-
кам примерно в тех же местах на Мед-
ведице. По берегам было столько охот-
ников, что приткнуться где-нибудь
было просто немислимо. Утром нача-
лась стрельба, сравнимая с артилле-

рийской подготовкой перед какой-ни-
будь большой войсковой операцией.
Конечно, это не прибавляет прелести
первому охотничьему утру, но такова
уж теперь специфика охоты в густона-
селенных местах, в окрестностях боль-
ших городов.

И вот в таких-то условиях особенно
важно соблюдать технику безопасно-
сти. Возможность того, что тебя может
подстрелить какой-нибудь азартный
охотник, особенно из тех, кто «наотме-
чался» накануне, возрастает во много
раз. Поэтому и маскироваться надо с
умом и стараться видеть не только
уток, но и всех потенциальных «стрел-
ков», особенно тех, кто наплодил под-
ранков и старается их дострелить, не
жалея патронов и сидящих неподалеку
охотников. Тот, кто побывал на таких
открытиях охоты, знает, что всякое
может случиться, а уж дробью сверху
посыпят — это точно. Хорошо еще, что
дробь в это время не такая крупная —
шестерка, семерка, но бывают «чуда-
ки», которые кладут в патрон тройку, а
то и единицу. Считают, что такой вер-
нее дичь достанешь.

Кстати, и самому надо быть аккурат-
нее с выстрелами и стараться стрелять
только вверх, выше тростников, чтобы
не зацепить, не дай Бог, соседа. А если
уж придется достреливать подранка,
надо убедиться, что на линии выстре-
ла нет ни человека, ни собаки, которая
тоже может их подбирать.

Вообще-то отыскать без собаки би-
тую дичь, которая упала в крепкое ме-
сто, а тем более подранка, довольно
сложно. Когда добыча падает, надо
обязательно заметить какие-нибудь
ориентиры, чтобы потом можно было
легче искать. У меня был случай, когда

я сбил чирка и нашел его только после долгих поисков. Он поднялся с пожни, залитой водой, упал в двух десятках шагов на чистое место и тут же нырнул. Если нырнул, то должен был поплыть к соседним камышам и показать себя. Тут, думал я, и дострелю его. Однако время шло, а он все не проявлялся. Воды было совсем немного, чуть ниже колен. Я пошел к тому месту и был поражен. Чирок действительно нырнул, но никуда не уплыл, а уцепился клювом за травинку и держался, умерев, но так и не всплыв.

Тут мне хочется сказать несколько слов в защиту самотопа, так нелюбимого легашатниками. Какое-то время, признаюсь, и сам принадлежал к его противникам, хотя легавых никогда не держал, предпочитая лаек. Однако именно самотоп, то бишь вытаптывание дичи без собаки, воспитывает, мне кажется, большую самостоятельность охотника, приучает его наблюдать за жизнью природы более внимательно, учит выслеживать дичь, почти тропить ее. И еще одно, на мой взгляд, немаловажное соображение. Самотоп, мне думается, дает дичи больше шансов на выживание. Хороший же азартный стрелок с четко работающей подружейной собакой прочесывает луг, словно густым гребешком, считая порой, что соблюдать нормы отстрела значит заведомо портить собаку. Я понимаю, что противоречу сам себе, знаю, что навлекаю на себя праведный гнев легашатников, которые, строго говоря, занимаются тем же самым самотопом, только на пару с собакой.

Справедливости ради повторю, что хорошо апортирующая собака, особенно спаниель, — прекрасный помощник

охотнику-утятнику. С такой собакой ни один подранок или даже намертво битая, но упавшая в крепь птица не пропадет, ни своя ни чужая.

Собственно говоря, все мы начинали свою охотничью историю с самотопа, чаще всего с открытия летне-осенней охоты и именно по утке. Ведь во все времена она была самым доступным объектом охоты для начинающего охотника и первой его добычей. Влет добыта она или «в сидячку» — неважно, но это была утка, настоящий трофей. Говорят, что этот первый сбитый крякаш или чирок делают юношу приверженцем утиной охоты до конца жизни.

В те далекие годы, когда охотиться разрешалось целый день, с утренней до вечерней зари, одной из самых интересных охот на утку, для меня во всяком случае, была охота с подъезда. Охотиться можно и вдвоем и одному. Сядишься в лодку и плывешь вдоль тростников и камышей, покрикиваешь, постукиваешь или шлепаешь веслом по воде, чтобы спугнуть схоронившуюся утку. Если ты в лодке с товарищем, то один гребет, а второй стреляет. У нас с Борисом, которого я уже вспоминал, было правило — после выстрела или дуплета мы менялись местами только когда стрелявший мазал. Я стрелял хуже Бориса, и приходилось за веслами сидеть чаще. Именно поэтому мне так нравилось охотиться в одиночку. Правда, сначала было сложновато управляться с лодкой и стрелять одновременно. Однако я быстро придумал способ, который сразу оправдал себя: положил досочку поперек лодки на борта позади скамеечки для гребца и сидя на ней греб движениями от себя.

Кое-где я действовал веслом как шестом. Лодка шла носом вперед, я тоже смотрел вперед, а ружье лежало наготове на скамеечке. Времени выстрелить по взлетевшей утке вполне хватало. Именно тогда я научился неплохо стрелять, потому что выстрел по подлетающей и угонной птице самый, пожалуй, легкий. Думаю также, что отсутствие хорошо стрелявшего напарника и его ехидных подначек помогло мне справиться с неизбежным волнением во время взлета утки.

На лодках, которые нам выдают на охотничьих базах, плоховато охотиться с подъезда, но все же можно. Лучшими же для этой охоты считаются лодки, как я их называю, народного типа — ботники, обласки, ветки, куласы. Однако управляться с ними надо шестом, а это требует особой сноровки.

О снаряжении говорить особенно много не стоит. Надо только не обманываться теплой погодой. Августовские зори и ночи бывают очень холодными, а временами и дождик зарядит на неделю. Так что снаряжаться надо по обстоятельствам. Если же еще тепло, то для ходовой охоты, самотопа, обуви лучше, чем обыкновенные кеды, не подберешь, а так — обычные болотники не подведут в любую погоду.

На утренних зорях спокойно жить не даст комариная рать, особенно в сырые годы. Даже в Подмоскovie есть места, где комара, на мой взгляд, бывает иной год поболее, чем где-нибудь в тайге или тундре. Как защититься от него? Лучше всего намазаться заранее каким-нибудь «антикомарином». Накомарник мешает обзору и стрельбе, поэтому им не стоит пользоваться. По

мейки. Жаль только, что одну кряковую не удалось найти. Шарил, шарил по тростникам с фонариком, но так и не нашел. Видно, все-таки подранок. Обидно! Надо будет после утрянки еще поискать, может, повезет.

Все когда-нибудь да кончается. Вот и завтра надо уезжать. Дома утки будут ошипаны и торжественно съедены за обедом под рассказ о том, как они были добыты. Однако этот прозаический эпизод, завершающий удачную охоту, всего лишь эпизод, перед которым были и поднимающееся над плесом Солнце, и мелькание быстрых утиных крыльев, и привычный толчок выстрела в плечо, и словно замедленное падение утки, и вдребезги разбитое зеркало спокойной утренней воды, и знакомый восторг от сопричастности великому таинству Охоты.

мне так лучше всего подходит в такой ситуации маскировочная сетка, сшитая свободным мешочком, которую можно найти почти в любом охотничьем магазине. Она не только скрывает светлое лицо охотника, маскирует его, но и прекрасно защищает от комарья, а видно сквозь нее очень хорошо.

Но вот мы отохотились и даже трофеями можем похвалиться. Но как сохранить дичь до дома? Погода еще достаточно теплая, а главные враги битой дичи, мухи, так и норовят ее испортить, накидать на кровяные места, под перья и под крылья, в клюв и в глаза гроздь яичек, счищать которые просто противно. Во-первых, дичь надо проветрить в тенечке и холодке, надежно укрыв ее марлевым мешком. И никаких полиэтиленов! Если на базе есть погреб со льдом, холодильник или морозильная камера, воспользуйтесь ими. Но в любом случае дичь советую выпотрошить, особенно если путь домой предстоит далекий. Во многих руководствах по сохранению дичи настоятельно рекомендуется потрошить дичь, вытягивая специальным крючком через задний проход только кишечник. Неумелому лучше и не пытаться это делать, потому что кишки легко порвать. Тогда, считай, дичь испорчена. Поэтому надо просто вынуть все внутренности через вскрытую брюшину, протереть ее сухой тряпочкой или туалетной бумагой и натолкать туда свежей крапивы, а между тушками тоже положить пучки крапивы. Насколько мне известно, это самый надежный способ сохранения дичи в теплое время года. Можно также обильно присыпать влажные места и нутро тушки порошком горчицы. Не прячьте головку птицы под крыло — обязательно запреет.

...Возвращаюсь с последней вечерней зорьки на охотбазу. Лодка беззвучно скользит по черной, словно нефть, воде, и кажется, что ты завис в пространстве, настолько темна наступившая августовская ночь, настолько беззвучно все вокруг тебя. Стрелял я сегодня неплохо, и пара кряковых да чирочек аккуратно лежат поперек ска-

Оружие + патрон

— залог успеха

О. НАУМОВ

В числе традиционно русских охот до недавнего времени отсутствовали такие, которые бы требовали высокой точности стрельбы при достаточно большом расстоянии до малоразмерной цели. Зарубежные же охотники давно практикуют подобный вид охот («варминт», «варминтинг»), преимущественно на степных грызунов, добыть которых в силу их природной осторожности и зачастую непростых метеорологических условий на открытом пространстве достаточно сложно.

Основной трудностью при таких охотах является быстрое определение на глаз расстояния до животного, его возраста и веса. При отсутствии качественного дальномера реальной помощи здесь не окажут ни шкалы оптических приспособлений, ни баллистические таблицы, ни изучение специальной литературы. Только постоянная практическая стрельба в реальных полевых условиях, тренировка в определении расстояний до цели, знание убойных мест животных и настойчивость определяют в итоге мастерство охотника.

Все вышеперечисленные факторы предъявляют особые требования к применяемому оружию и боеприпасу. С учетом того, что зона поражения основного объекта охоты в степных и лесостепных районах России — сурка (байбака) составляет в диаметре не более 10 см, выбор комплекса «оружие + боеприпас» весьма проблематичен. Во-первых, его стоимость должна быть приемлемой с учетом большого расхода патронов на тренировочные цели. Во-вторых, ствол оружия, а также и его основные детали, должны обладать качествами прецизионности. В-третьих, сам боеприпас должен быть доступен, иметь максимально стабильную скорость и отвечать своему предназначению.

В качестве такого комплекса мною после продолжительных поисков был выбран карабин Вятско-Полянского завода «Вепрь». 223-Супер под патрон .225 Rem. (5,56x45), имеющий относительно толстостенный ствол с долами длиной 650 мм (подарочный вариант), магазином вместимостью 10 патронов, позволяющим вести эффективную полувинтовочную стрельбу по малоразмерным целям (цена в магазинах г. Москвы 13—16 тыс. рублей).

Была произведена доработка данного оружия, включающая в себя стандартную установку телескопических со-

шек и видоизмененного крепления под достаточно сильную оптику, позволяющего разбирать и чистить карабин без переустановки оптического прицела, что очень важно для стабильной стрельбы. Общий вес оружия получился несколько больше, чем у базовой модели, но именно такая конструкция позволяет уверенно стрелять на дальние дистанции. Что касается боеприпаса, то его выбор был обусловлен следующими основными моментами:

- достаточной освоенностью российских производителей,
- относительной дешевизной,
- доступностью при покупке в охотничьих магазинах,
- необходимыми поражающими свойствами, позволяющими вести отстрел как мелких грызунов и птиц, так и дичь весом до 80 кг на дистанции до 100 м,
- баллистическими характеристиками (настильной траекторией полета пули), позволяющими из карабина, пристрелянного на 150-метровую дистанцию, уверенно поражать того же сурка на расстояниях до 225 м без переустановки шкал оптического прицела.

В процессе эксплуатации оружия, приобретения определенных навыков по стрельбе в полевых условиях и выбора оптимального боеприпаса мною совместно с моим закадычным другом, жителем Чувашской Республики Виктором К., заядлым охотником, имеющим аналогичный карабин и оптику под него, были испытаны патроны трех основных российских производителей: ОАО «Тульский патронный завод», ОАО «Барнаульский станкостроительный завод» и ГПО «Ульяновский машиностроительный завод». Отстреливались партии боеприпасов, имеющих оболочечные (FMJ), полуболочечные (SP) и экспансивные (HP) пули весом 3,56 г (55 гран) и 4,0 г (62 грана). По итогам отстрела наше мнение безоговорочно склонилось в пользу продукции ОАО «Тульский патронный завод», показавшей высокую кучность и давшей наиболее стабильный результат, особенно боеприпаса с весом пули 4,0 г, менее чувствительной к боковому ветру, имеющей заявленную начальную скорость 912 м/сек. торговой марки «WOLF». При относительно спокойном боковом ветре на 100 м все пули уверенно ложатся в одну угловую минуту,

что позволяет при определенных навыках поражать сурка на расстояниях до 300 м. Необходимо отметить также, что гильзы тульских патронов имеют полимерное покрытие, препятствующее коррозии, а пули — латунную оболочку, предотвращающую преждевременный износ ствола. Для сравнения были отстреляны широко распространенные в России патроны чешской фирмы «S&W», имевшие оболочечную пулю весом 3,6 г, давшие в итоге аналогичный результат, но при этом стоящие в 5—7 раз дороже.

В июне 2004 г. (в Чувашии была открыта охота на байбака) тем же Виктором К. с дистанции от 65 до 170 м с первого выстрела было добыто 5 сурков, наиболее крупный из которых «потянул» на 9,5 кг. При этом использовались оболочечные боеприпасы Тульского патронного завода калибра .223 Rem. торговой марки «WOLF» серии P194.

Подкрепленный теоретическими знаниями о байбаке как грызуне, чрезвычайно крепком на рану, мой товарищ, всячески поощряемый другим опытным чебоксарским охотником Николаем Г., первоначально применял для отстрела полуболочечные пули указанного выше калибра, которые основательно разрушали добытый трофей, унося с избыточной энергией часть тушки. В последующем для данной охоты стали применять только оболочечные пули, которые, обладая так называемым эффектом «временной пульсирующей полости», также уверенно поражают зверька, не позволяя ему в последний момент скрыться в норе, причиняя при этом значительно меньший ущерб. Сам эффект высокоскоростного патрона, каким является .223 Rem, заключается в том, что пуля, проходя через мягкие ткани животного, вызывает сильный гидроудар мышечной жидкости по внутренним органам, мгновенно вызывая тем самым болевой шок.

Выбор оружия для «варминта» и подбор боеприпасов под него (в домашних условиях самостоятельное снаряжение патронов под нарезное оружие законодательно запрещено) — дело творческое, зачастую длительное, однако верно найденный баланс вкупе с правильно выбранным объектом предполагаемой охоты способен доставить немало приятных и волнующих минут, память о которых останется на долгое время.

С любимой ирландкой. Осень 2001 г.

Охотничьи страницы жизни

Интервью с экологом
Вячеславом Крыловым

Крылов Вячеслав Андреевич в 1974 г. окончил физический факультет ЛГУ, затем аспирантуру Института прикладной геофизики. Специалист в области радиофизики, космофизики, экологии. Кандидат физико-математических наук. В настоящее время работает ведущим специалистом Отдела экологического надзора по Тверской области Федеральной службы РФ по экологическому, технологическому и атомному надзору.

— Как вы стали охотником?

— В шутку я объясняю это так. Когда-то в древние времена из-за мутации генов под влиянием космических факторов человечество разделилось на две части: одни стали охотниками, другие землепашцами. Я думаю, что если ученые еще как следует покопаются в геноме человека, то они обязательно найдут и этот злополучный «ген охотника». Но если говорить серьезно, то я охотник уже по крайней мере в третьем поколении. И дед мой, и отец охотились в этих местах. Деда я, правда, не помню: он умер сразу после войны, как раз в тот год, когда я появился на свет. Осталась мне в наследство изготовленная умелыми дедовыми руками табакерка из польского серебра (так тогда назывался мельхиор) с его инициалами на крышке, в которой он, а потом и отец мой хранили пистоны к латунным гильзам. Я с детства помню эту табакерку-шкатулку, наполненную, как казалось мне, сказочными охотничьими сокровищами. Естественно, что меня к ней близко не подпускали, и оттого она была более сказочно-таинственной. Эти воспоминания до сих пор живы во мне...

Честно говоря, целенаправленным воспитанием меня как охотника в семье никто не занимался. Но отец, возвращаясь с охоты, как бы невзначай

доставал мне из рюкзака в подарок кусочек хлеба — «от лисички», и мне он казался слаще обычного хлеба, особенно если был слегка подморожен. Да и других сластей мы в то время не знали. А еще в доме довольно часто крутили патефонную пластинку с шутилкой песенкой незадачливого охотника: «Хожу я по болотам, брожу я по лесам... Охота, охота, охота — страсть моя!»

Детство мое проходило в местах не слишком удобных для охоты, поскольку окрестности Оленинского района, где я родился, в ту пору были буквально нагромождены неразорвавшимися минами и снарядами. И я, появившись на свет, наверное, так бы и думал, что весь мир устроен из ржавых обломков танков и бронемашин, воронок от снарядов, заполненных тухлой водой, и что где-то обязательно должны греметь взрывы обезвреживаемых бомб и на горизонте черными фонтанами подниматься столбы дыма. Но обстановка чудесным образом изменялась, когда отец собирался на охоту и брал меня с собой. Летом мы усаживались вместе с ним в выдавший виды «козелок» — машину фронтовиков, в кабине которой удивительно вкусно пахло смесью потертого дерматина, разогретого двигателяльного масла и бензина; зимой отец запрягал лошадей в розвальни, и мы отправлялись в другой, сказочно

красивый мир Бельских лесов, уже успевших кое-как залечить свои раны после минувшей войны. И я помню ни с чем не сравнимое ощущение, когда мы, зарывшись от жгучего мороза в сено, въезжаем на поскрипывающих полозьях по рыхлому снегу деревенских саянх в таинственный зимний лес и седые совы с любопытством глядят нам вслед, сидя на покрытых белым инеем ветках...

— Что побудило вас взять в руки охотничье ружье?

— У многих, даже простых охотников, в ту пору были дорогие (как бы сейчас сказали, раритетные) ружья. Это были необычайно красивые ружья: или вывезенные трофеями из поверженной Германии, или выменянные у спешивших домой в теплушках солдат (так, видимо, и разошлась знаменитая коллекция Геринга). Помню, что и у моего отца была прекрасная курковка со стволами из «букетной» дамасской стали. Конечно, это была и моя мечта — стать обладателем одного из таких сказочно красивых ружей. Она сбылась, когда мне исполнилось 14 лет и отец подарил прекрасную трофейную двустволку 12 калибра с прямой английской ложей из орехового дерева. Впрочем, для моего возраста у нее было два «недостатка»: она была слишком изящная и слишком легкая для сво-

его калибра и имела к тому же укороченный патронник. Это приводило к тому, что при поспешных выстрелах, которыми я, как и всякий начинающий охотник, изрядно грешил в то время, я чуть ли не до крови разбивал себе беззЫманный палец о скобу из-за слишком сильной отдачи. Чего греха таить, это доводило меня порою до слез.

— Где и на что вы преимущественно охотились? Где пролегали ваши охотничьи маршруты?

— С ружьем бывать доводилось и на Колском полуострове, и на Памире. А лучше всего охотиться в средней полосе России. Начиная охотиться со спаниелем. Редкоко по тем временам породистого щенка кофейной масти подарили мне примерно в одно время с ружьем. Надо сказать, что с этой собакой я сразу же, в первое поле, охотился в исключительно серьезную для новичка августовскую охоту по глухариным выводкам, которыми в ту пору изобиловали леса на севере Бологовского района. Так что собака с коротким поиском оказалась для этой охоты весьма кстати. Излюбленным местом охоты была деревня с незабываемым для меня названием Росстани. Она стояла в глухом лесу, на перекрестке лесных дорог, соединявших чуть ли не с пяток соседних деревень. Там я и произвел свой первый удачный выстрел влет. Собака подняла птицу из-за кустов, и я, не видя ее поначалу, слышал только громоподобное хлопанье крыльев. Но вот она вырвалась на простор сбоку от меня — это был громадный мошник с проседью на грудных перьях — и я, практически не целясь, нажал на спусковой крючок. После выстрела грузная птица, тяжело оседая, приземлилась шагах в 30 от меня на поляне и побежала. Я видел, как моя собака смело накинута на нее, но тотчас отпрянула, поскольку птица ударила ее наотмашь здоровым крылом и вдобавок еще долбанула белым, как кость, клювом. Но пес все же схитрил: перехватил глухаря за шею, после чего они оба закувыркались по траве... Стрелял я шестым номером, поскольку патроны были снаряжены на рябчика, и такая дробь едва ли причинила бы мощной птице большие неприятности, но пять или шесть дробин, как потом я разглядел, кучно ударили ей в самый сустав крыла — это и привело ее к падению.

На протяжении всей своей жизни я любил возвращаться в эту деревню, вернее в те места, где начиналась моя охота, потому что от деревни уже абсолютно ничего не сохранилось, кроме названия на километровых картах. Последний раз я посетил эти места года три назад. Ничто, кроме одичавших яблонь, уже не напоминало мне, что здесь когда-то жили дорогие мне люди, поили меня чаем с липовым медом. Высоченный кипрей под яблонями был сплошь укатан медведями, оставившими после себя громадные кучи фруктового помета.

— А какая у вас излюбленная охота и почему?

— Пусть это сравнение покажется избитым, но охота — это как большая книга, которую охотник прочитывает на протяжении всей своей жизни, переворачивая страницу за страницей. Некоторые наиболее поэтичные страницы этой книги он перечитывает по нескольку раз, какие-то может и пропустить. Тот, кто не прочел первые главы этой книги, рискует не понять ее содержание вообще. К первой главе этой книги я бы отнес охоту на рябчиков. Она не требует от начинающего охотника большого знания и опыта. И экипировка минимальная — ружье и патроны. За день ходьбы по вырубам и лесным дорожкам можно вытоптать и подстрелить в наших лесах одного или двух рябчиков, но не более. Достоинство этой охоты состоит в том, что новичок учится ходить по лесу, высматривать переместившуюся и тщательно замаскировавшуюся на дереве птицу; учится прицельно стрелять по сидячей, а не делать подранка по летящей птице. Дальше любитель охоты на рябчиков захочет обзавестись манком — это уже другая страница. Здесь уровень мастерства повышается, поскольку он начинает изучать повадки птиц, находясь с ними в звуковом контакте. Охота с собакой по движущейся цели — это более высокая ступень мастерства. Здесь промах, так же как и удачный выстрел, возбуждает охотника. Зверовая охота с собакой — это третья ступень. По мере того как непрочитанных страниц становится все меньше, охотник вдруг обнаруживает, что и промахов он делает все меньше, но и удачный выстрел все меньше будоражит его кровь. Это верный признак того, что пора переходить к подбору и натаске собаки. Сейчас я как раз нахожусь в той стадии, когда только сочетание умелой работы собаки и удачный выстрел могут доставить мне настоящее удовольствие.

— Более 10 лет вы работаете ведущим специалистом Отдела по экологическому надзору по Тверской области, контролируете деятельность одной из крупнейших станций — Калининской АЭС. Как сочетается увлечение охотой с вашей работой?

— Если говорить о взаимоотношениях АЭС и природы, то после Чернобыля ее пытались решить в рамках постулата Евклида о двух параллельных прямых, которые никогда не пересекутся в пространстве, сколько бы мы их ни продолжали. Однако очевидно, что развитие технологической цивилизации требует от человека и развития неевклидова склада мышления. Проиллюстрирую это простым примером. Лет шесть назад мне довелось участвовать в совещании по проблеме телефонизации нашего района. Начальник местного узла связи сказал, что он готов решить эту задачу, но для этого на весь район ему понадобится... 50 тысяч новых телеграфных столбов — старые уже изрядно подгнили. Я тогда еще поду-

мал: «Эх, сколько полувековых елей придется срубить на благо цивилизации!» Но прошло всего два или три года, и практически весь район оказался охвачен мобильной связью. И благодаря этому лес устоял. Но тут стали говорить о том, что радиоизлучение от мобильных наносит вред здоровью, а от телеграфных столбов вреда нет, разве что они гудят зимой во время мороза. Так же и в случае с АЭС: в экологическом плане они, несомненно, приносят пользу, поскольку не выбрасывают в атмосферу парниковые газы, приводящие к росту температуры на земном шаре, а тепловые станции и начавшаяся в последние годы чрезмерная вырубка лесов вызывают повышение температуры. Так вот, специалисты считают, что этот рост температуры способствует катастрофическому размножению лесных вредителей. Раньше на наших северных широтах личинки их вымерзали под корой деревьев из-за сильных морозов. Теперь зимы пошли год за годом теплые, и численность короеда-типографа начала расти в геометрической прогрессии. Эта беда коснулась и нашего района и Тверской области в целом.

Если говорить о воздействии радиации от АЭС, что больше всего беспокоит общественность, то здесь необходим очень тщательный контроль со стороны государства. Имеется целевая государственная программа ЕГАСРО (Единая система государственного автоматического контроля за радиационной обстановкой). Мы работали несколько лет над созданием своей Тверской подсистемы автоматического контроля за радиационной обстановкой. Но теперь, в результате непрерывного преобразования природоохранительных органов, она оказалась неустойчивой. В шутку могу утверждать, что на «гены охотников» в Удомельском районе радиация воздействует благотворно, поскольку число их заметно прибавилось за последние годы. А вот про «гены землелашцев» этого сказать никак нельзя: пахари исчезли практически повсеместно. Но здесь, разумеется, виновата не радиация, а системный развал сельского хозяйства за последние годы. Что касается охоты, то я считаю, что именно охота лучше любого экологического мониторинга сигнализирует о состоянии природы. Если в окрестных лесах в изобилии водятся дикий зверь и птица, то мне как охотнику никакого иного доказательства экологического благополучия окружающей среды не требуется. Ну и, конечно, не нужно забывать, что патрон — это лучшее средство от ожирения.

— Как вы относитесь к «самотопу», Вячеслав Андреевич? И почему из подружных собак вы выбрали ирландского сеттера?

— К «самотопу» я отношусь, в общем-то, нормально. В любом случае это полезно для здоровья. Да и для того, чтобы обзавестись собакой, од-

ного желания иногда бывает мало, необходимо еще определенная степень оседлости. Не всегда это удается, особенно молодому охотнику. Но если имеется возможность обзавестись собакой, то «самотоп» — это дурной тон в охоте. Собака нужна охотнику уже хотя бы потому, чтобы найти подранка. Помнится, поехали мы как-то с друзьями охотиться под Красный Холм на гусей на весеннем перелете. Я взял с собой на всякий случай своего ирландца. Гуси, что называется, «валили валом», стреляли со всех сторон. Но у меня стрельба в то утро явно не заладилась. Когда утренний перелет закончился и мои друзья стали собираться к бивуаку, то выяснилось, что только я один оказался без трофеев. После короткого отдыха решил с приятелем обойти окрестные поля. За разговором не успел заметить, как собака потянула к меже, обернулся уже на громкое хлопанье крыльев. После первой добычи стали двигаться более целенаправленно, вдоль закрайков полей. Спустя некоторое время собака вновь делает потяжку — второй гуменник у меня в руках... За час с небольшим взяли таким образом трех гусей, не сделав при этом ни одного выстрела. Такая охота запоминается надолго.

Что касается предпочтения ирландцам, то причина здесь скорее романтическая. Когда-то в молодости, во время летних студенческих каникул, я возвращался с охоты на поезде. На одном из полустанков в вагон зашла оживленная ватага явно городских охотников вместе с собакой — это был ирландский сеттер. Меня поразила ее благородный вид, аристократический профиль ее головы с характерной выемкой ото лба к носу, волнистая, отливающая медным блеском шерсть. Я как замороженный следил за особой пластикой ее движений, столь характерной для этой породы собак. После простора полей и лугов ей явно не хватало места в тесном купе вагона. Тогда мне показалось, что это охотничий ангел в собачьем облике посетил наш вагон. С тех пор у меня и была мечта обзавестись такой собакой. Эту породу я держу неизменно уже более 20 лет.

— Сказалось ли на ваших охотничьих пристрастиях соседство с бывшей усадьбой знаменитого волчатника Зворыкина, знакомство с его прозой?

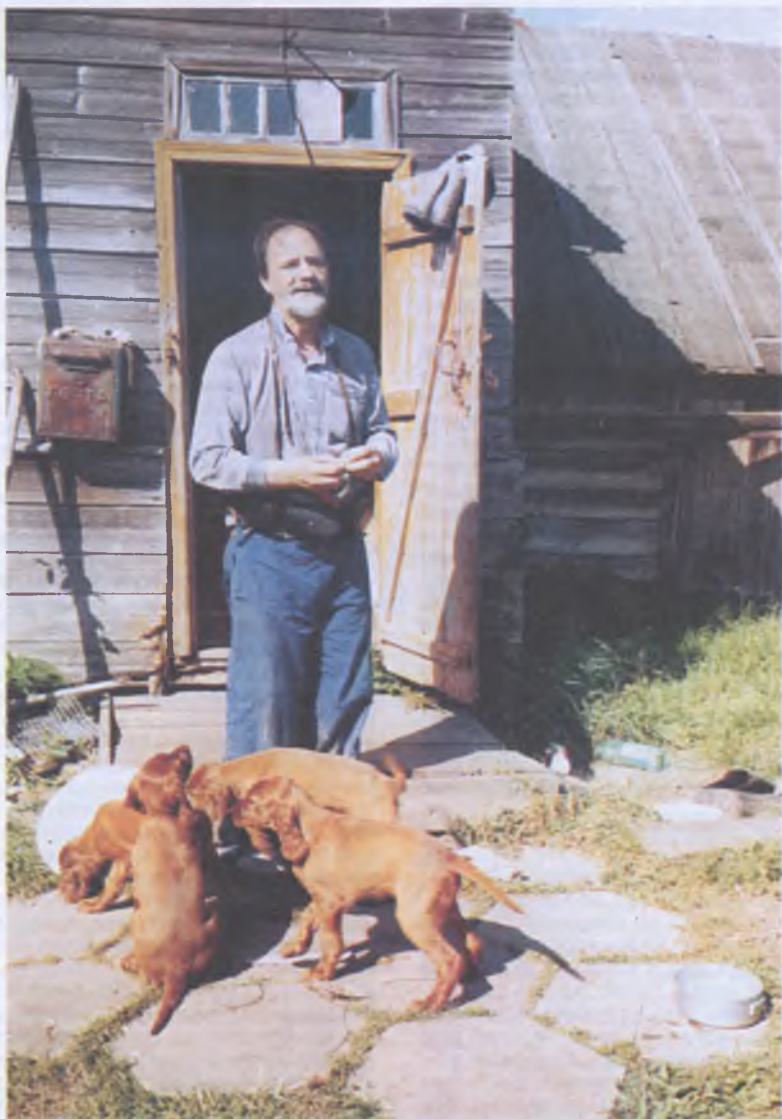
— Помню, довелось как-то заночевать у знакомого лесника в сторожке. За окном лил затяжной весенний дождь, и нечего было думать идти на вальдшнепиную тягу. От нечего делать взял с полки пополам разорванный вдоль корешка томик, как выяснилось, охотничьих рассказов. На первой уцелевшей странице было всего две строки; последнюю я помню до сих пор, она заканчивалась примерно так: «Мы гнали по степи лошадей, догоняя отлетающие стаи гусей». На второй странице я обнаружил удивительный по своей красоте рассказ об охоте на волков неизвестного мне тогда автора, но с та-

кой знакомой фамилией — Зворыкин. Эта звонкая, как промерзшая санная колея, фамилия с детских лет была у меня на слуху; ее довольно часто упоминал отец, хотя он никогда не был заядлым книголюбом. Это показавшееся мне тогда загадочным обстоятельство выяснилось много лет спустя, когда я приобрел для охоты деревенский дом в нескольких километрах от бывшей усадьбы Зворыкина (сейчас от нее остались одни развалины). Оказалось, что мои предки были родом из тех же самых мест, что и помещики Зворыкины.

Если давать общую оценку Зворыкину как писателю, то больше всего мне нравится экологическая направленность его творчества. История распорядилась таким образом, что он прожил трудную жизнь, но в литературном плане выиграл. Сознательно или нет, он ушел в своем творчестве в мир веч-

ной красоты природы, охотничьих страстей, где не было необходимости подстраиваться под официальную линию и в литературе, и в жизни. Самое поразительное, что вся охотничья обстановка в окрестностях его бывшей усадьбы сохранилась практически в неизменном виде до наших дней и все те же охотничьи ситуации разыгрываются у нас чуть ли не каждый год: все так же матерые волки норовят снять с гола выжлецов, как и во времена Зворыкина...

Нам удалось отметить 125-летний юбилей со дня рождения Николая Зворыкина на его родине облавной охотой на волков. Охоту проводили буквально в тех же самых местах, которые были описаны им в одном из очерков, — возле деревни Анкудиниха. Были приглашены иностранцы, для которых все это выглядело абсолютной экзотикой. Мне посчастливилось в том окладе под-

У своего дома, единственного уцелевшего в деревне Матренино. Удомельский р-н Тверской области

Фото В. Чернышева

стрелить матерую волчицу. Англичане под впечатлением этой охоты написали очерк, который вскоре был опубликован в журнале «Таймс» с красочными фотографиями.

— Как относится служба экологического надзора к хищнической рубке лесов в Удомельском, в Вышневолоцком районе и во всей Тверской области?

— Следует различать по крайней мере три точки зрения на лес: эстетическую, хозяйственную и экологическую. Если посмотреть на положение дел в наших лесах с эстетической точки зрения, — на что прежде всего обращают внимание наши граждане, — то оно, несомненно, безобразное.

Леса сейчас вырубаются преимущественно вдоль дорог, чтобы сократить издержки (да и украсть так легче). Вырубленные вдоль дорог леса, да еще воровским способом, когда делянки остаются неубранными, производят действительно отталкивающее впечатление. Но если вы начнете говорить о проблемах леса с нашими лесохозяйственниками, то выяснится ситуация прямо-таки парадоксальная; выяснится, что леса у нас не уничтожаются, а наоборот по всей области идет хронический недоруб расчетной лесосеки — освоение ее составляет едва ли третью часть от положенного. Причина здесь банальная: лес у нас есть, но взять древесину без дополнительных капитальных вложений лесозаготовителям пока не удастся, поскольку сама природа в нашем районе, изобилующая непроходимыми болотами, лесными речками и ручьями, защищает лес от топора лесоруба. Да к тому же лет 15 назад, в период еще активного экологического движения, нам удалось добиться того, чтобы вокруг Калининской атомной станции была создана 20-километровая защитная лесная зона, где рубки главного пользования были запрещены. Правда, эти наши благие намерения экономически ничем оказались не подкреплены: руководство района пожалело средств, и цех по переработке неделовой древесины, остающейся от санитарной рубки, своевременно так и не был построен, и она так и остается лежать в лесу невостребованной. Это привело, в свою очередь, к возрастанию угрозы возникновения пожаров в наших лесах и размножению лесного

вредителя — короеда-типографа. Теперь лес уже приходится вырубать «сплошняком» на больших площадях для того, чтобы приостановить дальнейшее распространение этого жучка. Захламление леса порубочными остатками — одна из основных причин, почему экологическое равновесие в наших лесах оказалось основательно нарушенным.

Другая причина чисто экологическая. Если посмотреть на эту проблему пошире, то я уже говорил, что леса надо охранять потому, что они играют основную роль в поддержании теплового баланса на нашей планете. Однако, как мне кажется, сейчас возобладало официальное мнение, что эту проблему можно решить чисто технологическим, а не природоохранным путем. После подписания Киотского соглашения и объединения в нашей стране экологического и атомного надзора стало очевидным, что именно на эту точку зрения встало и политическое руководство нашей страны. А это означает, что охрана лесов отойдет на второй план.

— Какие недостатки вы видите в организации любительской охоты в России и как, на наш взгляд, с ними можно бороться?

— Это прежде всего невиданный до того рост браконьерства. Причина роста браконьерства объективна. У нас есть законопослушные граждане, готовые недополучать положенную им за их нелегкий труд заработную плату (а заработная плата лесника и егеря едва дотягивает до тысячи рублей) и согласные с тем, что доходы от продажи природных ресурсов почти целиком уйдут за границу в непонятный для их ума «стабилизационный фонд». Но есть и другие, менее законопослушные граждане, которые считают, что не только олигархи, но и они тоже могут кое-что урвать для себя от природных богатств страны. В этом и состоит внутренняя суть браконьерства в современной охотничьей России. Есть еще и внешние причины. За рубежом дикие животные уже давно воспринимаются одними как украшение природы, другими — как объект спортивной охоты. Из-за этого и идут распри между «зелеными» и охотниками: стрелять или не стрелять? У нас в стране дикие животные всегда были и остаются не-

прикосновенным запасом продовольственного ресурса (кстати, сохранение и поддержание этого «стада» — одна из основных задач охотничьих коллективов). В связи с этим, а отнюдь не из-за протестов «зеленых», за браконьерский отстрел, например, лося могли привлечь и к уголовной ответственности. Но сейчас органы охотничьей инспекции поставлены в такие условия, что напоминают мне героя из рассказа Ивана Бунина «Я все молчу!» — одного из отпрысков обедневшего, некогда славного дворянского рода. Этот малый любил приходить на каждую ярмарку одетым в праздничный сюртук, на голову напяливал дворянский картуз. И каждый раз местные мужики зло издевались над ним и жестоко избивали его. Он же каждый раз грозил им словами: «Я все молчу!»

Государство не платит егерям, но зато им охоту платят иностранцы, которые стали частыми гостями в наших лесных угодьях. Как образно выразился один знакомый деревенский мужик: «Да за такие баксы я и сам любого иностранца на собственных плечах к медвежьей берлоге поднесу».

Далее, необходим подъем охотничьей культуры. Нужно пропагандировать славные страницы нашей охотничьей истории. Если раньше состоятельные охотники соревновались друг с другом — у кого лучше стая или свора охотничьих собак, то теперь хвастают друг перед другом — у кого «круче» джип. Вот мы издали книгу Зворыкина «Охота на волков» (кстати, на деньги Калининской атомной станции), планируем проводить конкурс его имени на звание лучшего охотника-волчатника. Этот конкурс можно было бы проводить и в масштабе всей страны. Сейчас ведем переговоры с руководством Калининской атомной станции об организации музея-заповедника на базе бывшей родовой усадьбы Зворыкина. Неподалеку от этого места жил выдающийся художник-живописец Бялыницкий-Бируля, который тоже слыл заядлым охотником и оставил после себя множество полотен с изумительными мотивами нашей природы и замечательные охотничьи рассказы. Нужно сохранить все это для будущих поколений, для которых охота, я надеюсь, так же, как и для нас с вами, все еще будет «пуще неволи».

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, ДРУЗЬЯ!

С 1 СЕНТЯБРЯ 2005 г.

НАЧИНАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»

НА 2006 г.

Наши индексы 70673 на полгода,

72376 на год

по каталогу Роспечати

«ООО «ОКС-ГАЛЬСТОН»

ЗАКУПАЕТ

ЖЕЛЧЬ МЕДВЕЖЬЮ, СТРИЖУ КАБАРГИ,

РОГА СЕВЕРНОГО ОЛЕНЯ,

ХВОСТЫ МАРАЛА И ИЗЮБРА

Контактные телефоны:

8 (3812)-233-775, 8 (3812)-252-622

С конца сентября и весь октябрь у пятнистых оленей проходит свадебная пора — самец собирает «гарем» из четырех-пяти, а то и восьми невест
Фото А. Дигилевича

Олень-цветок

С. КУЧЕРЕНКО

Весна была в разгаре. Буйно и радостно озеленялась травами и листьями уссурийская природа с кустарниками и деревьями, благоухало лесное разноцветье, неистово токовали всякоразные птицы, а более всего — кукушки. Жаворонки, повиснув в голубой вышине, захлебывались своими песнями так страстно, что казалось: вот-вот перестанут трепыхать крылышками и шлепнутся оземь. А выше, в глубокой небесной бездне, на кругах пластались коршуны, еще более разжигая весенние страсти переливчатым свистом.

Любуясь пробуждением земли, я тихо шел по лесу с веселыми полянами и живописными опушками, сбивая кедами утреннюю росу, смотрел, как впереди пылали зеленым пожаром кедровые сопки, с одной стороны бело пламенел березняк, с другой же, в напитанном светом тихом плесе, купалось голубое небо в чистейших облаках.

И вдруг не далее как в 15 метрах увидел я перед собой пятнистую оленуху — одну из тех, которых по праву называют чудом света и оленем-цветком.

Стройноногую, лебединошею и огромноглазую. Огненно-рыжую, в рядах ослепительно белых пятен. Она мелко дрожала в страхе, часто переминая острыми шлифованными копытами землю, и бросала тревожные взгляды то на меня, то в недалекую сторону, вроде бы силась что-то мне сказать.

Нетрудно было догадаться, что это мать, а где-то близко ее дитя, но я недоумевал, почему она не убегает, отводя опасного недруга от теленка, как всегда делают матери в диком мире. Я стал подходить как можно медленнее и осторожнее, чтобы не допугать зверя до смерти, а самому его понять... Когда расстояние сократилось до 5 метров и я отчетливо увидел не только опухшую ресниц, но и весь рисунок больших карих глаз, в которых было все, кроме безразличия, а больше всего страдания, оленуха сорвалась с места, неторопливо запрыгала от меня в естественной, вовсе не наигранной грациозности. Но через десяток прыжков остановилась и повернула ко мне голову, потом вся обернулась легким

махом... И снова затопталась на месте в волнении и страдании.

Осмотревшись и осторожно похаживая немного, я увидел застрявшего в низкой развилке маньчжурского ореха теленочка, такого же райски красивого, как его мать, но до невозможности нежного и трогательного. Скорее всего несмысленный в детской резвости неправильно прыгнул и вот так застрял в шершавой коре дерева, не доставая ювелирно отточенными копытцами землю. Застрял так предательски прочно, что и мать ничем не могла помочь.

Теленок был еще живой, но когда я вытащил его из коварной ловушки и опустил на траву, он безвольно растекся по глянцево-зелени в снежном крапе цветков ландыша таким ярким восточным ковриком. Я отчаянно попытался ему помочь: сильно дул в рот, делал искусственное дыхание и просто трепал, то нашептывая, то вскрикивая: ну встань же!

Но все было напрасно.

Когда я выпрямился, утирая вспотев-

шее лицо, то даже вздрогнул от неожиданности: оленуха стояла рядом со мною, и крик застыл в ее горле. Она, наверное, из-за моей спины внимательно следила за всем, что я делал с ее теленочком. Я пробормотал виновато: «Ничем не могу помочь». Она же в ответ, словно поняв смысл слов по тону голоса, горестно опустила на колени перед дитем, обнюхала его и стала лизать, изредка шевеля полутруп влажным носом.

И я оставил их вдвоем.

Но только успел я отшагать с полсотни метров, как оленуха догнала меня и перегородила мою тропинку. Я обошел ее стороной, а она зачем-то больно ткнула меня головой в спину. Ей так хотелось что-то сказать мне. Впрочем, нетрудно было догадаться, что именно. И я ответил: «Извини, не могу. Мы, люди, далеко не так всемогущи, как кажется вам, зверям. Мы часто слабее и беспомощнее вас...»

С пятнистыми оленями мне приходилось встречаться много раз — и на лесной уссурийской воле, и в оленосовхозах, но так обостренно четко увидеть зверя в деталях, в частности и в единстве я сумел в ту встречу с несчастной оленухой. Тогда я словно впервые заметил, что у нее не просто длинная шея, но и с плавно горделивым изгибом, что глаза не только большие и красивые, а настороженно-пугливые и задумчиво-печальные, с каким-то таинственным внутренним светом, который странно плещется в расчудесных веерах ресниц. Глядя в эти глаза, я вспоминал в те минуты прочитанное у Пришвина: «Глаза эти у оленя были именно так хороши, что требовали себе продолжения».

Только в Южном Приморье, и более нигде во всей России, естественно обитает удивительно красивое и ценное животное, эндемик Уссурийского края — пятнистый олень. В книгах о Дальнем Востоке его всегда упоминают как одно из чудес и нередко называют оленем-цветком. И он этого заслуживает! Заслуживает не только за стать и красоту, но еще и потому, что уссурийскую тайгу невозможно представить не только без тигра и гималайского медведя, но и без пятнистого оленя.

Это изящное и стройное, легкого телосложения, неповторимо гармоничное создание, в общих чертах похожее на благородного оленя. Однако создавая пятнистого собрата, природа проявила так много художественного вкуса и ювелирного искусства, что вряд ли с ним сравнится кто-либо из обитателей уссурийской тайги.

И в самом деле! У нашего героя все «точное», все «шлифованное». Пропорционально сложенное тело легко и гордо высит на тонких сильных ногах. На очень гибкой шее красиво посажена благородно сухая голова с воистину экзотическими глазами, четко

очерченным носом и подвижными ушами. Голову самца такой единственной в своем роде короной увенчивают изящные темно-коричневые рога, имеющие обычно четыре отростка со светлыми концами. Они не так велики размерами, как, скажем, у изюбра, однако столь эффектно их форма!

Впрочем, о рогах пятнистого оленя нужно рассказать подробнее, ибо в определенной стадии роста они являются знаменитыми пантами. Появляются они у бычков по второму году жизни. Маленькие — со спичечный коробок, но к августу «парни» уже очищают о кору деревьев еще не ветвящиеся, но уже похожие на рога этикие «шилья» и носят их до весны своего третьего года жизни. Летом у них отрастают настоящие ветвистые рога, однако полной силы, крепости и красоты они достигнут еще через год. Полностью окостеневшие к началу осени рога зрелого быка достигают без малого метровой длины.

И еще к «портрету» нашего героя «в полный рост». Основной фон его легкой окраски золотисто-рыжий. По нему живописно разбросаны ослепительно белые, резко очерченные пятна в 5—6 продольных рядов, мелкие на спине, крупные на боках и животе. Вдоль шеи и хребта тянется темный «ремень», у хвоста — белое «зеркало» треугольной формы, сверху оттененное черной полосой. А в общем олень летом как бы затанут в расчудесный маскировочный комбинезон, который по праву можно назвать и царской мантией, и рабочей спецовкой. Но вот зимой окраска пышного волосяного покрова становится буровато-серой, а пятна — расплывчатыми и малозаметными.

Размерами пятнистый олень поменьше благородного. И все же он вызывает уважение. Вес взрослых самцов обычно составляет от 100—130 до 140 кг, подружки же примерно на треть легче. У быков длина тела достигает без малого двух метров, а высота в плечах до 120 см. Оленухи, конечно же, не столь большие.

Что ни говори, очень красив спокойный стоящий пятнистый олень, особенно если он застыл на скальной круче. Но вот в беге и прыжках он куда величественнее. Это невозможно описать — это надо видеть. Бегущий олень, право же, подобен мастеру балета на сцене. Изыскан он и при ходьбе рысью или шагом. В каждом его движении — непринужденная грация и легкость. Он одинаково хорошо и плавает, и скачет по крутым каменистым склонам. Прыжки его достигают 2,5 м в высоту и 8—10 в длину. Вот послушайте быть.

Тайфун повалил на высокую металлическую сетку, ограждающую территорию оленосовхоза, громадное старое дерево, и оно сделало на верхнем крае этой сетки глубокую вмятину. Дерево спилили и убрали, а вмятина осталась. Через несколько дней кем-то напуганное стадо мчалось вдоль ограждения, а заметив вмятину в сетке, олени устремились к ней. Случайно

оказавшись около, я видел, как легкие красавцы золотистыми птицами буквально перелетали через ограду в этом месте, вытянувшись в копыте и поджав ноги. Потом я подошел и поинтересовался способностями оленей в прыжках: длина их была чуть поболее 10 м, а высота 2,6 м. На такое даже изюбр и тигр не способны.

Пятнистый олень — типичный представитель теплолюбивой фауны. Его ареал простирается по Юго-Восточной Азии от Вьетнама до Японии и Приморского края России. Но у нас он живет на пределе экологических возможностей. И вот почему. Он боится глубокого снега, потому что со своими небольшими копытами глубоко вязнет в нем. При снеге толще 0,5 м оленю не житье. Вот почему пятнистый олень в Приморье естественно обитает на малоснежном южном и юго-восточном побережье края, в 10-километровой полосе, примыкающей к Японскому морю. Кстати, здесь же живут на пределе экологических возможностей и другие экзотические выходцы из теплых стран — барс, лесной кот, харза, горал, которым снег — тоже нелегкое испытание.

Южное Приморье характерно не только обычно неглубоким снегом и сравнительной непродолжительностью его залегания. Здесь по невысоким горам простираются обширные широколиственные леса с дубом, ясенем, амурским бархатом, маньчжурским орехом, аралией и другими выходцами из теплых стран. В них много светлых лужаек и опушек, тенистых распадков и долин, а это для пятнистого оленя как раз то, что и требуется: они любят умеренно влажный, солнечный, однако не жаркий климат лета. И к тому же в тех лесах днями так переливиста игра светотеней и солнечных зайчиков, что замри олень — и растворился он в них в своем «маскахлате», и стал невидимкой. А это так важно, когда кругом полно врагов.

И не просто любят олени прибрежные леса — они тянутся и к морю: летом ищут здесь прохладу, освежающий ветер, отдохновение от многочисленных лесных кровососов, зимой же, когда в горах навалит снег, переживают трудное время на крутых берегах, с которых снег сползает или сравнительно быстро стаивает.

Основной харч пятнистого оленя — листья и побеги деревьев и кустарников, разнотравье. Важным осенним кормом являются желуди, на которых он быстро набирается сил и жиреет. В общем этот зверь в питании неприхотлив, хотя и любит вкусно и плотно поесть. А кто не любит? Он легко осваивает разные растения в местах акклиматизации вдали от родных палестин, но в определенной мере он — гурман. В списке его кормов в Южном Приморье значится 280 растений, и около половины их — лекарственные, только здесь и произрастающие.

В свой рацион эти лакомки включают нежные всходы трав и цветов, сочные побеги и развертывающиеся листья диких груш, яблонь, винограда, бесчисленные полевые цветы. И не потому ли панты — еще не окостеневшие, растущие рога именно приморских оленей — обладают чудодейственной для человеческого организма силой и самым высоким содержанием биологически активных веществ? Ведь во многих местах акклиматизации, где нет приморского обилия лекарственных растений, панты завезенных оленей не содержат в себе целительной силы.

Пятнистые олени, как и все копытные, испытывают солевое голодание, особенно весной, после скудности кормов, когда растут панты, линяет волос, донашиваются и выкармливаются телята. И потому они активно ходят на всякие солонцы, особенно охотно спускаются к морю, где жадно едят выброшенные на берег морем соленые водоросли, в том числе целебную морскую капусту, лижут пену и камни, пьют морскую воду маленькими глоточками.

Они подолгу греются на солнце, блаженно пережевывая жвачку и, возмужав, любясь морскими далями с одной стороны и зелеными горами с другой. Тоже ведь воспринимают радости бытия, когда они есть.

Наш герой удивительно привязан к месту своего рождения и стремится всю жизнь быть там, где увидел свет и вкусил материнской заботы. И потому ведет строго оседлый образ жизни, а если его не беспокоят, подолгу держится на небольшом «собственном» участке, особенно в пору зимних тягот.

С конца сентября и весь октябрь у пятнистых оленей проходит свадебная пора, и это самое благодатное время, потому что за лето они поставили на ноги молодняк, отдохнули, на зелени основательно отъелись, а на желудках даже зажирили. Гнуса нет, летняя духота позади, до холодов еще далеко. А осенний лес такой ароматный, и такое высокое ясное небо над ним. Пятнистые олени по природе и от рождения пугливы и осторожны, особенно пантаци — с мая по сентябрь. А тут, в октябре, они словно перерождаются: утрачивают бдительность, а в сильном возбуждении захлебываются брачными песнями и боевыми криками. Слово бес в них вселяется.

Я был свидетелем такого случая. В гон бык перепрыгнул совхозное ограждение и с низко и грозно опущенными рогами пошел на людей. Одну непроворную старушку едва не забодал, благо отбить ее успели.

Голос женихов в этот период похож на разбойный свист, заканчивающийся хриплым ревом наподобие брани загулявшего молодца. А в остальном пора любви у пятнистых оленей очень схожа с многократно описанной у благородного оленя. Те же страстные переклички самцов, яростные турнирные поединки, купальки, точки. Те же «гаремы» из 4—6, а то и 8, вроде бы невозмутимых невест.

Кавалерам, разумеется, не до еды почти месяц, а потому они быстро и сильно худеют. Оттого-то после этих своеобразных карнавалов они собираются в холостяцкие табунки и удаляются, напроць забыв своих совсем еще недавних подруг, за которых готовы были драться насмерть. Теперь та страсть замещается у них другой: есть, есть и опять есть, чтобы войти в суровую зиму с восстановленными силами.

Отел бывает обычно в мае. Оленуха перед родами уединяется и становится вдесятеро осторожнее. Оленята на свет появляются до смешного неуклюжими, большеголовыми, длинноногими. Но они, в пятнисто-рыжей шерстке и с симпатичнейшей мордашкой, удивительно милы. На жирном материнском молоке — а кормит мать детеныша 8—10 раз в сутки — оленята растут «не по дням, а по часам». В 2-месячном возрасте телосложением они уподобляются взрослым, сохраняя прелесть юности, уже едят то же, что и мать, но и сосут ее вовсю. Годовалые размерами побольше половинки родителей. А во вторую свою осень самочки становятся взрослыми, к самцам же эта взрослость приходит годом позднее.

Расцвет сил у этих прекрасных животных — во втором пятилетии жизни, на воле их век не более 10—12 лет, хотя могли бы прожить вдвое больше — слишком много врагов и невзгод.

У самцов рога сменяются каждую весну. Растут они 3—4 месяца. Панты пятнистого оленя в несколько раз целебнее пантов марала и изюбря, хотя размерами сравнительно невелики. А кроме пантов высоко ценятся зародыши, хвостовая железа и другие части тела. И потому-то за ними человек охотился издавна, а в конце XIX и начале XX вв. эта охота стала истребительной.

С 80-х гг. позапрошлого столетия пятнистых оленей принялись содержать и разводить в неволе, а делали это так. Предприимчивые промышленники сначала ловили рогачей живьем, вывозили и держали в загонах и сараях, а летом пантацией забивали. Затем для разведения этих дорогих животных стали использовать острова и полуострова с узким перешейком, где небольшими усилиями и средствами оленей содержали изолированно, но на таких просторах, что жили звери полувольно. Благодаря охране, борьбе с хищниками, а в голодное время и подкормке,

Осенняя уссурийская тайга — основное место обитания пятнистых оленей

Фото А. Баталова

поголовье оленей быстро росло, панты с быков срезали в специальных станках и выпускали для продолжения нормальной жизни. Предприниматели же получали большие доходы.

А в XX в. пантовое оленеводство было поставлено на промышленную основу. В Приморье организовалось 13 больших совхозов с общим поголовьем до полусотни тысяч животных. Олени настолько привыкли к человеку, что их обыкновенно выпасали на воле, перегоняя из одного кормового урочища в другое. И все же часть из них сбегала подальше от человека и вполне осваивалась с жизнью по законам дикой природы и собственного естества.

Не счесть теперь и совхозных оленей, и завезенных из множества стран. А вот с аборигенным диким пятнистым оленем дело обстоит гораздо хуже. За последние 100 лет его распространение и численность сократились многократно, и о восстановлении былого нет даже речи. Судите сами. Знаменитый географ-путешественник Пржевальский писал, что пятнистый олень в середине позапрошлого века в большом числе водился по югу Уссурийского края, причем большими стадами. Этот

первопроходец успешно охотился на оленей в окрестностях Владивостока. На рынках самым дешевым и обычным мясом была оленина.

Все это теперь в прошлом. Вольный пятнистый абориген Приморья оказался на страницах Красных книг в числе первых. Разве мог олень-цветок устоять против жадных до легкой добычи людей, а еще от периодически случавшихся завально многоснежных зим. Беды приносили и многочисленные хищники: тигр, леопард, волк.

Кстати, немаловажно отметить незаинтересный экологический фактор. У каждого крупного хищника есть излюбленные жертвы: у тигра — кабан, у волка — изюбр или козуля, у рыси — кабарга, у амурского лесного кота — маньчжурский заяц. А вот пятнистого оленя природа искони как бы повязала с леопардом. Оба они — «экзоты» южно-азиатского происхождения, оба избегают глубокоснежные регионы, оба любят крутосклонные горные широколиственные леса. Даже окрас у обоих золотисто-пятнистый. А добывать пятнистого оленя леопард всегда был большим любителем и мастером. Я говорю «был» потому, что теперь этих

хищников у нас осталось совсем немного, причем живут они на крайнем юге Приморья, где пятнистый олень почти совсем исчез, и приходится гордой суперкошке довольствоваться козулькой, барсуком, даже вонючим енотом. А хозяином оленьих стад стал не в меру расплодившийся тигр.

От окончательного исчезновения уссурийского пятнистого оленя спасла его довольно высокая плодовитость. Яловость в естественных условиях редка, прирост стада за год составляет 15—20, а при охране от браконьерства и хищников — до 30 % и более. В прошлом веке пятнистые олени после губительных многоснежных зим быстро восстанавливали свое поголовье, однако сейчас такие катастрофы они переживают очень тяжело, потому что уцелевших додавливают двуногие и четвероногие враги. Одна надежда на заповедники.

При соответствующей заботе человека пятнистые олени легко осваиваются в самых разнообразных ландшафтах. И будем надеяться, что со временем эти прекрасные олени-цветки станут украшать пригородные зоны и национальные парки.

Голову самца этойкой единственной в своем роде короной увенчивают изящные темно-коричневые рога

Фото А. Дигилевича

Осенний пролет вальдшнепов

Л. МАЛОВИЧКО, доктор биологических наук, профессор кафедры Экологии
Ставропольского Государственного университета
В. ФЕДОСОВ, председатель районного Общества охраны природы

Вальдшнеп как объект спортивной охоты в Западной Европе и в России вызывает повышенный интерес у биологов и охотоведов, поскольку специалистам охотничьего хозяйства важно знать возможности рационального использования дичи, факторы, обуславливающие устойчивость существования популяций, и перспективы увеличения численности объекта охоты. Российская научная группа «Вальдшнеп» ГУ Центрохотконтроль и Национальное управление Франции в рамках совместной программы выполнили большую научную работу по исследованию вальдшнепа в основных местах гнездования — в центральных и северных областях Европейской России и на зимовках в странах Западной Европы. Однако по-прежнему недостаточно научной информации о другом пролетном пути вальдшнепов — на юг по долине р. Волги, далее через Предкавказье.

Мы наблюдали за осенним пролетом вальдшнепов в Апанасенковском районе на севере Ставропольского края в течение последних 16 лет. Исследованная территория протекает вдоль южного побережья озера Маныч и представляет собой сухие полупустынные степи. Очевидно, данный ландшафт в прошлом для лесных куликов не представлял интереса и они преодолевали широкую полосу сухих степей без остановок, задерживаясь на кормежку в лесах предгорий. Хозяйственная деятельность человека позитивно повлияла на вальдшнепов как в гнездовой части ареала (Фокин, 2003), так и в местах пролета. Распашка степей, выпас скота, а особенно посадка защитных лесонасаждений, садов и строительство оросительных каналов, изменили степи в лучшую сторону для лесных куликов. Они оказались привлекательными для осенних жировок вальдшнепа. В рыхлой обрабатываемой земле, в отличие от целины, куликам легче добывать корм. Ночью часть вальдшнепов вылетает на пастбища, где зондирует «коровьи лепешки». Оросительная сеть увлажняет почву и создает условия обитания для дождевых червей, поэтому даже в сухую погоду на откосах и берегах каналов и арыков вальдшнепы находят пищу. Достаточно богатая энтомофауна формируется в лесном опаде, поэтому искусственные лесонасаждения и сады также привлекают куликов. Кроме того, лесонасаждения обеспечивают хорошие защитные условия.

Осенние высыпки вальдшнепов в Приманье наблюдались почти ежегодно с 1988 по 2004 годы. Только в

1998 году кулики не были отмечены из-за чрезмерной засухи (с августа по октябрь выпало всего 12 мм осадков при среднегодовой норме за этот же период 117 мм). Сроки пролета вальдшнепов в Приманье зависят от погодных условий в северной части ареала. Средняя дата прилета — 7 октября (от 27.09. до 21.10). Индикатором появления первых вальдшнепов являются певчие дрозды. Сроки прилета тех и других практически совпадают. Дроздов обнаружить гораздо легче, поскольку они крикливы и кормятся достаточно открыто. Пик массового пролета вальдшнепов отмечается, как правило, через две недели после появления первых дроздов. Высыпки вальдшнепов в Предкавказье иногда задерживаются, если в местах их гнездования длительное время сохраняется теплая осенняя погода. Так, в 2003 году первого пролетного вальдшнепа в Приманье отметили только 21 октября (в этот год в лесной зоне Европейской России и в Западной Сибири осень была очень теплой). Прилет в этот год был дружный. Максимальные высыпки жирующих вальдшнепов наблюдались уже через неделю после начала пролета 27—28 октября.

Для осенних жировок в степной зоне вальдшнепы останавливаются в садах, питомниках, дачах, искусственных лесных насаждениях, расположенных вдоль пастбищ, в лесополосах вдоль каналов.

Осенью на утренних и вечерних зорях лесных куликов нередко можно увидеть летящими над селом. Здесь они кормятся на приусадебных участках: среди грядок, под ягодными кустарниками, у навозных куч. Среди лесных насаждений вальдшнепы предпочитают участки с небольшими куртинами кустов или с густым и низким древостоем, которые они используют в случае опасности. Вальдшнепы не любят мест с густой травой и дерниной, предпочитая угодья с изреженным травяным покровом, с голыми проплешинами или участки, покрытые лесным опадом из листьев, коры и веток. В выборе остановочных стадий для вальдшнепа основным критерием все же является наличие угодий с богатой и доступной кормовой базой вблизи древесных насаждений. Для них желательны соседство лесных полос с каналами и орошаемыми землями.

Вальдшнепы избегают лесополос, расположенных среди полей зерновых и пропашных культур. На таких полях беден и однороден видовой состав энтомофауны и отсутствуют дождевые

черви. В биотопах, лишенных древесно-кустарниковой растительности, лесные кулики останавливаются крайне редко. Так, один сильно истощенный мертвый кулик был найден нами на реке Дунда у кромки тростниковых зарослей. Другой был поднят днем на склоне балки, поросшей только травой.

В сумерках на кормежку вальдшнепы часто вылетают на грунтовые дороги и на пастбища, что подтверждено визуальными наблюдениями в этих станциях при свете фар движущегося автомобиля. Грунтовые дороги, протекающие среди дач, садов и огородов, после дождя изобилуют дождевыми червями, которых и собирают вальдшнепы. Анализ содержимого пищеводов и желудков добытых куликов (п-4) показал, что основу их питания в степном Приманье составляют дождевые черви и жесткокрылые.

Обилие вальдшнепиных высыпок в Приманье существенно колеблется по годам и зависит от погодных условий и, вероятно, от успешности размножения в северных частях ареала.

Вальдшнепы любят осенью дождливую, не обязательно теплую, погоду, но без продолжительных или сильных морозов (ниже 5° С). Они успешно переживают временный снежный покров (до трех суток), если только не промерзает почва. В дождливую осень на севере Ставрополя вальдшнепы задерживаются на более длительный срок, и численность их значительно возрастает. Так, 28 октября 2003 года в характерных для вальдшнепиных высыпок местах на маршруте протяжением 5 км мы подняли на крыло 22 вальдшнепа. Сплошным пересчетом на прогонных лентах 16 ноября учтено 18 птиц на 30 га дачных участков. Высокая плотность вальдшнепиных высыпок сохранялась до 20 ноября, а одиночные птицы встречались весь декабрь. Последний вальдшнеп был добыт 2 января 2004 года. Значительно более крупные высыпки, по данным охотников, наблюдались этой же осенью и в лесах Ставропольского возвышенности, и в предгорьях Кавказских Минеральных Вод.

Сухое лето на севере и в центральной части Европейской России и теплая малождливая осень на Ставрополье в 2002 году обусловили низкую успешность размножения вальдшнепов и неблагоприятные условия для их жировок на пролетах. На том же самом маршруте 27 октября 2002 года нами было учтено всего лишь 5 вальдшнепов. В благоприятном по метеоусловиям 2001 году на 5 км постоянного учетного

маршрута 28 октября было поднято 17 птиц.

С середины ноября вальдшнепы отлетают к югу в более благоприятные для зимовки регионы, и их численность в Приманье уменьшается. Некоторые особи остаются здесь до наступления зимы. После замерзания поверхностного слоя почвы вальдшнепы исчезают вовсе. Лишь отдельные птицы делают попытки зимовать (Хохлов и

др., 2001), которые, вероятно, чаще всего заканчиваются неудачно. Самая поздняя дата их встречи на севере Ставрополя — 20 января 2005 года.

Весенний пролет вальдшнепов к местам гнездования совершается без остановок в степях Ставрополя. За все годы наблюдений весной нами были встречены всего две птицы. Лишь март 2004 г. явился исключением. Весна в тот год случилась ранняя, но холодная, сырая и затяжная. Небольшое количество вернувшихся с зимовок вальдшнепов вынуждено было задержаться в садах и на дачах Ставрополя. В ранних сумерках (18 час. 45 мин.) 18 марта, заканчивая работу на дачах у с. Дивное, мы неожиданно услышали близкое цви-канье — в двух метрах над землей летела пара вальдшнепов. Второй вибрировал, как бы заигрывая, над первым — очевидно, самкой. Вплоть до 7 апреля почти каждый вечер мы наблюдали над дачами тягу одного, реже — двух куликов.

Охота на вальдшнепов в Старопольских степях для большинства охотников не знакома и не пользуется популярностью. К тому же для нее необходима хорошая подружейная собака, которых здесь не держат. Охотники-степняки отдают предпочтение охоте с гончими, борзыми и норными. Вальдшнепы становятся их добычей редко. Куликов отстреливают в лесополосах попутно на заячьих охотах по чернотро-

Следы ног и клюва вальдшнепа, доставшего корм из мягкой, влажной почвы. Задний палец короткий и едва касается земли, второй, третий и четвертый пальцы тонки и почти одинаковой длины

Рис. А. Формозова

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Виноградов В. И. С ружьем, удочкой и фотоаппаратом по земле русской. М.: «Издательский Дом Рученькиных», 2004. — 256 с.

Все мы связаны с природой неразрывными узами, но не все чувствуем это так живо и сильно, как автор настоящей книги. В описании длительного путешествия, в небольшом охотничьем рассказе или маленькой зарисовке — всюду читатель найдет искренние чувства истинного любителя русской природы. Эта книга лишь повод для очередной встречи с еще одним диким уголком нашей необъятной Родины.

Зернов А. А. Как научиться хорошо стрелять на охоте из дробового ружья. Справочник. — М.: ООО «ПТР Эра», «ИДР», 2004. — 32 с.

Все изложенное в книжке основано на опыте лучших охотников-стрелков России, Англии, Германии и Франции и на работе специальных испытательных учреждений.

Каморников М. А. Руководство к практическим занятиям по курсу товароведения пушно-мехового сырья (раздел «Основы сортировки отдельных видов пушно-мехового сырья»). Учебное пособие для студентов факультета охотоведения. Иркутск: ИГСХА, 2004. — 99 с.

В пособии описаны: товарные свойства пушно-мехового сырья; сезонные изменения волосного и кожного покровов пушных зверей; методика определения качества пушно-мехового сырья; методы определения товарных свойств шкурок; факторы, обуславливающие качество пушной шкурки; пороки пушно-мехового сырья; первичная обработка и дообработка шкурок отдельных видов пушных зверей; основные принципы сортировки пушно-мехового сырья; характерные отличительные признаки шкур волков, волчат от шкур собак и щенят породы немецкой овчарки; мероприятия, направленные на улучшение качества пушно-мехового сырья; основы сортировки отдельных видов пушно-мехового сырья. Дается расчет стоимости шкурок по стандарту на пушно-меховое сырье.

Заказы на книгу направлять по адресам: 664033, Иркутск, пос. Молодежный, ул. Тимирязева, 59. 664007, Иркутск, ИГСХА, факультет охотоведения, Каморникову М. А.

Вышла из печати книга о жизни диких зверей известного писателя Виктора Потиевского «Мага уводит стаю». В нее вошли повести и рассказы о рыси, лосе, волках, барсуке и амурском тигре. Приключенческое повествование увлекательно раскрывает жизнь дикого лесного мира. Особенность этих произведений в том, что они несут правдивую информацию о диких животных. В книге 408 страниц, оформлена она известным художником-анималистом Вадимом Горбатовым.

Книгу можно заказать по адресу: 125212, Москва, Головинское шоссе, 1, ассоциация «Росохотрыболовсоюз», редакция. Тел.: 708-03-19.

Охотничье-промысловые звери России и охота на них

Н. РУКОВСКИЙ,
кандидат биологических наук

ОТРЯД ЗАЙЦЕОБРАЗНЫЕ. К этой систематической группе относятся зайцы и похожие на них более мелкие зверьки пищухи. Все они напоминают грызунов, но отличаются от них по ряду признаков и представляют собой обособленный отряд, состоящий из двух семейств. **СЕМЕЙСТВО ЗАЙЦЫ.** На территории России в семействе насчитывается 5 видов: заяц-беляк, заяц-русак, заяц-толай, маньчжурский заяц и дикий кролик.

Заяц-беляк

Наиболее широко распространенный вид. Длина его тела колеблется, в зависимости от района обитания, от 45 до 65 см, вес от 2,5 до 5,5 кг. Уши у беляка короче, чем у других зайцев: пригнутые вперед, своими концами они едва достигают носа зверька. Хвост белый, по форме округлый, а не клиновидный, как у других видов семейства. Ступни задних лап широкие, что хорошо заметно на следах зверька. Волосьяной покров мягкий и густой. Сезонность в окраске меха выражена очень резко: летом зверек покрыт рыжевато-бурой шерстью, зимой — снежно-белой, черными бывают лишь кончики ушей.

Беляк населяет всю северную часть России от западных границ до Камчатки и Тихого океана. Он обитает в тундре и в лесной зоне, встречается в лесостепи и даже в некоторых степных районах, где раньше были леса. На большей части своего ареала беляк — типичный лесной житель. Однако сплошных массивов темнохвойных насаждений зверек избегает, предпочитая смешанные леса. Редок беляк и в чисто лиственных насаждениях лесной полосы, хотя в березовых колках Западной Сибири это обычный вид. Наибольшей численности он достигает в местах, где различные типы лесных угодий расположены мозаично, как, например, на островах леса среди зарастающих вырубок и гарей, в пойменных лесах, зарослях вдоль водоемов, на опушках лесных полян, в увлажненных низинах и в других подобных местах, где хорошо развиты травостой и подлесок из лиственных пород.

Питание беляка изменчиво по сезонам года. Летом он поедает сочные корма — различные виды травянистой растительности. Испытывая в это время солевое голодание, беляк гложет кости павших животных, сброшенные оленьи рога, посещает солонцы — естественные выходы соли. Осенью беляк постепенно переходит на питание грубыми веточными кормами и корой, которые на зиму остаются почти единственной его пищей. Наиболее часто он

Осенняя линька беляка. Летняя окраска переходит в белую, зимнюю

Зимой заяц-беляк белый, черными остаются лишь кончики ушей

поедает тонкие ветки и побеги мягких лиственных пород: ивы, осины, березы и, реже, некоторых широколиственных видов. Особенно охотно зайцы поедают кору осины. Если в лесу или на вырубке ветер свалит осину, беляки собираются возле нее на пиршество. Через некоторое время все сучки упавшего дерева, покрытые неглубокой светло-зеленой корой, бывают обгрызены зайцами. Ветки, до которых зайцы не дотягиваются, «обрабатывают» лоси, и в скором времени на снегу, густо усыпанном шариками заячьего помета, остается лишь белый ствол упавшей осины. Кроме веточных кормов, беляки в небольшом количестве едят сухую траву, находя ее среди бурьяна, торчащего из-под снега, выбирают листочки из стогов, оставленных на лесных полянах или в поймах рек, подбирают на дорогах клочки утерянного сена. Недостаток в кормах беляк обычно не испытывает, но в северных районах в глубоководные зимы на ограниченных участках зверьки иногда начисто выедают ивняки и предпринимают массовые кочевки в поисках корма.

Плодовитость беляка в различных частях ареала не одинакова. В средней полосе Европейской России в течение лета у него три помета, в северо-таежных районах — два, в Якутии — только один. Первый гон бывает в конце зимы и протекает он бурно. В это время ночью или на зорях в местах обитания зайцев можно услышать верещащие крики нескольких самцов, затеявших драку возле одной самки.

После 49—51 дня беременности самка приносит потомство. В годы с поздней весной первый помет у беляка появляется, когда еще не стаял снег. Таких ранних зайчат охотники называют «настовиками». Зайчата рождаются зрячими, способными передвигаться с первого же дня. Развиваются они быстро и на 9-10-й день начинают уже поедать траву. Вскоре после родов самка, продолжая кормить новорожденных, спаривается снова и в середине лета приносит потомство во второй раз. В южной части ареала последний (третий) помет появляется осенью, в сентябре. Этих поздних зайчат, среди которых выживают не все, охотники называют «листопадниками».

В помете у беляка бывает от 3 до 7 зайчат, причем замечено, что в тех местах, где самка приносит три выводка, в каждом из них детенышей меньше, чем в районах, где зайчиха приносит только один помет. В Якутии известны случаи, когда зайчихи приносили по 12 детенышей.

В поймах больших рек зайцы, особенно молодежь, нередко гибнут в половодье. От хищников гибель беляка не так велика, как принято думать. Некоторое количество зайцев уничтожает лисица, местами — рысь, а из пернатых хищников — редкие в наше время беркут и филин. Резкое снижение численности беляка вызывает периодически вспыхивающие эпизоотии, ха-

рактерные для этого вида. Зайцы гибнут от различных глистных инвазий, от туляремии, особенно часто от кокцидиоза. Массовые заболевания и гибель особенно часты в холодные дождливые годы.

Заяц-беляк имеет существенное значение и как промысловый вид, и как объект спортивной охоты. Шкурки его используют в натуральном и в крашеном виде, а волос идет на изготовление высокосортного фетра.

В средней полосе самая распространенная спортивная охота на беляка — охота с гончими. Она бывает особенно успешно по чернотропу или по первым мягким снегам, когда собакам ходить легко (они не сбивают лапы), а влажная почва долго удерживает запах следов зверька. Успешной бывает охота и во время оттепелей по таящему снегу, пока он еще неглубок. Беляк ложится на дневку обычно в крепких, захлаленных местах и, поднятый собаками, первое время ходит на небольших кругах, пробегая в непосредственной близости от лежки, чем и пользуются охотники. Если зверек не был добыт на первых кругах, неудачно стреляя или напуган неосторожным охотником, он делает большой круг, переходит в другой отъем леса, где опять пытается запутать следы на малых кругах.

Особенность поднятого беляка — возвращаться в район лежки — используется охотниками для добычи зверька и без собаки. В этом случае, подняв зайца с лежки, один охотник маскируется около нее, а другой идет по следу, изредка подавая голос, как бы «гонит» зверька. Если не спеша, но настойчиво преследовать беляка, не создавая при этом много шума, он делает небольшой круг и проходит вблизи своей лежки, попадая под выстрел.

Очень интересна, а в иные годы и добычлива охота на беляка «в зерку» (от слова «узреть», т. е. увидеть). Так охотятся в годы, когда заяц надевает свой снежно-белый наряд до выпадения снега. Это случается, если зима запоздала и долго тянется чернотроп или если внезапная оттепель сгонит выпавший снег. В такое время беляк хорошо заметен на общем темном фоне осеннего леса и его можно стрелять с подхода прямо на лежке. Лучшее время для охоты «в зерку» — теплые влажные дни, когда заяц лежит особенно крепко, а лист под ногами не шуршит.

В местах, где зайцев много, на них устраивают облавы. Для этого охотники делятся на две партии, и каждая выполняет поочередно роль то стрелков, то загонщиков. Массовые отловы зайцев для переселения в другие охотхозяйства или новые места обитания проводят с помощью тенетов. Тенета — это сетевое полотно с ячейей в 10—12 см, длиной 50—60 м, посаженное на крепкий, но не крученый шпагат. Для отлова нужно не менее десяти таких кусков, то есть около 500 м сети. При отлове тенетами обносят одну сторону участка леса, остров или лесной отъем, а с

другой стороны проводят загон. Сеть легко навешивают на воткнутые в снег тычки с таким расчетом, чтобы ткнувшийся в нее на ходу заяц сбивал сеть и запутывался.

Основной прием промысловой добычи зайца-беляка — отлов петлями из мягкой отожженной проволоки толщиной в 0,6—1 мм. Лучшей считается так называемая «печная» проволока. Зайцы обладают хорошим чутьем, поэтому петли нужно обрабатывать так же, как капканы, а перед постановкой протереть пучком хвоя или другой растительной ветоши. Петли устанавливают на заячьих тропах среди кустов или под нависшими еловыми лапами: беляк достаточно осторожен и петлю на открытом месте обходит. Диаметр петли должен быть около 25 см, а нижний ее край отстоять от снега на 15 см. В некоторых областях заячьи петли принято ставить с «очепом» — приспособлением вроде колодезного «журавля», поднимающим попавшего в ловушку зайца над землей. Известны случаи, когда в такую ловушку попадали лисицы, часто использующие заячьи тропы.

Заяц-русак

Этот заяц несколько крупнее беляка. Длина его тела 55—60 см, вес 4—7 кг. Хвост у него, в отличие от беляка, не короткий округлый, а вытянутый клиновидный, и он не весь белый, а с черной или темной отметиной сверху. Уши длиннее, чем у беляка: будучи пригнутыми вперед, они заходят за конец носа; ступни лап узкие, на снегу они оставляют как бы заостренные отпечатки.

Сезонное изменение окраски меха у этого зайца выражено слабо. Летом его мех желтовато-палево-рыжий, то есть значительно ярче, чем у беляка. Зимний мех у русаков южной части ареала по цвету почти не отличается от летнего; он становится только более густым и пышным. В северных районах русак частично белеет.

Русак — обитатель открытых пространств. Он заселяет только южную половину европейской части страны и в небольшом количестве встречается за Уралом, на юге Западной и Средней Сибири. Излюбленные места его обитания — целинные степи, открытые поймы широких рек, небольшие перелески и заросли кустарников среди пуштой и сельскохозяйственные угодья. Он не избегает близости жилья человека, а зимой даже придерживается окрестностей населенных пунктов и нередко не только кормится в садах и огородах, но и остается там на дневку.

Летом русаки питаются сочной травянистой растительностью, зимой поедают более грубые корма: сухие травы, их семена, мелкие веточки и кору лиственных древесных пород. В сельскохозяйственных угодьях они кормятся на озимях, находят остатки огородных растений, на дорогах и у стогов поедают сено, проникая в сады, обгла-

дывают кору на яблонях и грушах. В некоторых районах русаки приносят существенный вред лесопосадкам и фруктовым садам.

По характеру размножения русак несколько отличается от беляка. Как у южной формы, период размножения у него более растянут, срок беременности короче — 45—48 дней, количество выводков в году больше, чем у беляка (иногда до четырех), а число детенышей в каждом из них меньше. В средней полосе самка русака приносит в течение года 7—8 детенышей, в южных областях — до 12. Зайчата растут быстро, с двухнедельного возраста они уже поедают зелень, а вскоре переходят и к самостоятельному образу жизни. В размножении молодые участвуют на

Охотники-любители чаще всего добывают его с гончими, но ведет он себя под собаками не так, как беляк. Под гоном он идет более открытыми местами, используя опушки леса, поляны, заболоченные низины, просеки и особенно часто дороги. Он ходит на более широких кругах, часто бросает участок, где был поднят, и перебегают на другой, порой за 2—3 км, запутывает свои следы, выскакивая для этого на наезженные дороги.

Широко распространенная в прошлые века охота на русака с борзыми собаками в настоящее время утратила свое значение.

Русаки не набивают, подобно белякам, тропных троп, так как в открытых местах снег всегда плотнее, чем в лесу,

Мех зайца-русака желтовато-палево-рыжий. Зимний мех не отличается от летнего, но становится более густым

втором году жизни, но иногда самки раннего помета приплод уже в первую осень.

В средней полосе русак иногда дает помеси с беляком, способные в дальнейшем приносить потомство. Этих зайцев, похожих одновременно и на русака и на беляка, но не белеющих на зиму, охотники называют тумакими. Встречаются они редко, но возможно также, что охотники, добыв тумака, принимают его за еще не успевшего перелинять позднопопавшего.

От хищников (особенно пернатых) и весенних паводков русак страдает больше, чем беляк, но, обитая в открытых пространствах с более сухим климатом, он менее подвержен гельминтозным заболеваниям, а потому годовые колебания численности у него происходят в меньших пределах.

Русак — в большей мере объект спортивной, чем промысловой охоты.

и больше наезженных дорог, которыми они охотно пользуются. Но зато они, передвигаясь по целине, более изоциренно запутывают следы по сравнению со своими лесными собратьями. В начале зимы, когда снег еще не глубок и ходить можно без лыж, большой спортивный интерес представляет добыча русака троплением. Успех этой охоты во многом зависит от умения охотника разбираться в заячьих следах, различать жировочные, ходовые и гонные их следы. Тропить лучше всего по пороше, когда сохраняются следы только прошлой ночи. Ранним утром, выходя в угодья, охотник разыскивает следы зайца, идущего на лежку. Этот след отличается от жировочного более длинными прыжками, а от вечернего тем, что на нем зверек обычно не оставляет шариков помета. Если след привел на жировку, охотник обходит ее кругом и берет новый выходной

след. Он приводит охотника либо к дургой жировке, либо к петлям, «двойкам» и «тройкам», а это признак того, что близко находится лежка. Перед тем как залечь на дневку, русак делает две-три петли. Их следует выхаживать лишь в том случае, если нет уверенности, что это след того же зайца. Надо помнить старинную пословицу: «За двумя зайцами погонишься...» После петли зверек обычно делает «двойку» или «тройку», то есть поворачивает назад и проходит некоторое расстояние своим следом один или два раза. Далее следует «сметка» — большой скачок в сторону. При этом заяц старается скрыть сметки: прыгает в куст, на кочку, в пучок бурьяна или в другое место, где его след менее заметен. Нередко зверек сдвигает след на наезженной дороге. Здесь охотник должен быть особенно внимателен, так как сметка с дороги может быть в самом неожиданном месте и ее легко пропустить. После сметки зверек может залечь сразу или сделать еще несколько петель и сметок. Нужно очень внимательно осматривать те места, где мог залечь заяц, и в любой момент быть готовым к выстрелу. Если охотник заметил зверька на лежке, он приближается к нему не напрямик, а постепенно, как бы проходя мимо.

В спортивно-охотничьих хозяйствах в годы обилия зайцев на них устраивают коллективные облавные охоты.

В некоторых районах принято стрелять русаков на засидках. В светлые ночи их подстораживают у стогов сена, на озимях, у гумен, садов, огородов и в других местах, где заметны следы жировок. Иногда для привлечения зайцев в удобное для засидки место выкладывают подкормку — заготовленные с лета веники лиственных пород или снопы необмолоченного овса.

В Казахстане, в странах Средней Азии и в степных районах России, прилежащих к этим регионам, русака добывали, наряду с другими видами, с приученными к охоте беркутами. В настоящее время ловчие птицы применяются в основном редкими охотниками-любителями.

Шкурки зайца-русака, точнее сказать его волос, который обладает особым свойством свойлачивания, служит ценным сырьем для изготовления лучших сортов фетра. К сожалению, это недооценивается охотниками-любителями: шкурки снимаются кое-как, а то и просто выбрасываются, и производство безусловно несет потери. После отделения от России Украины и Белоруссии заготовки зайца-русака в нашей стране значительно сократились.

Мясо зайцев богато витаминами и является ценным пищевым продуктом.

Окончание следует

Фото А. Севастьянова

7-11 сентября 2005
МОСКВА, ВВЦ
павильон 70

ХVIII МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА РЫБОЛОВНЫЙ И ОХОТНИЧИЙ РАЙ

ОРГАНИЗАТОР
ВЫСТАВКИ: РУССКАЯ ВЫСТАВОЧНАЯ
КОМПАНИЯ «ЭКСПОДИЗАЙН»
тел./факс: +7 (800) 880-44-73 e-mail: zoulia@online.ptt.ru
+7 (800) 226-87-05 web: www.expo-design.ru

Курьезы охотничьей жизни

Новогодний подарок

Здравствуй, уважаемые издатели нашего журнала! Спасибо вам, что даете читателям так много информации на разные охотничьи темы. Сам я держу русского пегого выжлеца 2,5 лет и гладкошерстную таксу 3-х лет. При нагонке и натаске своих четвероногих помощников пользовался статьями из вашего журнала, который выписываю уже 14 лет.

В 2002 году вы опубликовали мое письмо. От радости, что оно дошло из сибирской глубинки и было опубликовано в журнале, ходил целую неделю, как «индюк». Хочу теперь рассказать вам случай про охоту, который, мне кажется, может подойти в «Курьезы охотничьей жизни».

На охоту 13 января решил пойти с русским пегим выжлецом Алтаем. Прошли вниз по течению Енисея рядом со скалой, густо заросшей молодым березняком и акацией — глухо, ни единого следа. Затем обошли небольшой островок — ничего, сплошная белая целина. Свернул на проезжую дорогу, ко-

торая вела к посадкам обленихи, и не поверил своим глазам: след! И не просто след, а печатный, парной, как у нас говорят. Выжлец, принухавшись, тут же натянул поводок. Я подумал: зайца тропят по следу, попробуем и с лисой проделать то же самое, узнать, куда она направилась не торопясь. Так Алтай «дотащил» меня на поводке до норы с двумя отнорками (про которую я раньше и слыхом не слыхал). Мелькнула мысль, что это работа для другого моего охотничьего друга — таксы Грея.

До дома километра четыре долетел как на крыльях, таксёра — в рюкзак, рюкзак — на плечи, и через час мы у заветной норы. Грея лихорадит от предстоящей работы, успокаиваю его, собираю ружье, а самого колотит ничуть не меньше.

Собака ушла в нору и подала голос, я же отошел метров на пятнадцать, чтобы держать дистанцию. Место ровное, обзор хороший, нора расположена прямо на целине среди ковыля, так что выцеливать и стрелять удобно. Пошли минуты: для меня — ожидания, для

собаки — борьбы. На охоте по белой тропе я всегда использую белый костюм, и сейчас я был в нем. Прошло около часа... Или лиса попалась матерая, или очень не хотела покидать свое теплое жилище. Я весь в напряжении и как-то боковым зрением справа увидел лисицу, скачущую метрах в 25. Моментально с упреждением стреляю — падает, а вслед за ней в десяти метрах еще одна — и снова точный выстрел. Замер, ничего не понимая, всего трясет... Переломил ружье с дымящимися стволами, а в этот момент из норы пробкой вылетает... лиса, а за ней мой таксёр с голосом и, как во сне, оба исчезают.

Я несколько не жалею, что та лиса, за которой ушел Грей, осталась цела и невредима, ведь благодаря ей у меня получился королевский дуплет по лисам, да еще в канун Нового года (хоть и старого). За четырнадцать охотничьих сезонов были дуплеты по уткам, куропаткам, голубям, но чтобы по лисицам... Об этом стоило рассказать.

Е. САВУШКИН
Хакасия

Гималайский медведь устраивает себе берлогу только в дупле дерева

Берлоги, медведи и я

Половину активной жизни гималаец проводит на деревьях
Фото И. Середкина

Написать о берлогах гималайского медведя (ну пусть не все «от» и «до», но хотя бы кое-что) меня подтолкнул тот факт, что я нигде не встречал такой книги, где бы об этих берлогах был написано. Работая в Лазовском заповеднике, я изучал экологию гималайского медведя и, конечно, не мог обойти такой важный аспект в его жизни, как берлоги.

Берлога — это зимнее жилище (логово) медведя. Берлога спасает зверя от зимней стужи, и вообще жизнь у медведей так устроена, что, считай, половину своей жизни они проводят в спячке. Чтобы благополучно перезимовать, пережить холод и голод, медведь залегает в берлогу и спит в ней до наступления весны. Но не так-то просто найти такую надежную, теплую и безопасную берлогу. Дело в том, что гималайский медведь, в отличие от бурого, который сооружает себе берлоги на земле, устраивает себе берлоги только в дуплах деревьев.

Вообще половину своей активной жизни гималаец проводит на деревьях. На дереве он находит пищу (ягоды, орехи), на дереве он спасается от врагов (тигр, бурый медведь), на дереве, или, точнее, в дереве он устраивает себе берлогу.

Изучая экологию гималайского медведя, я веду поиски берлог, описываю их и размещаю на схематической карте. Всего мной найдено 60 берлог, точнее — таких деревьев, в которых медведи устраивают берлоги. Эти деревья располагаются обычно в долинах рек, ключей, в распадках и на пологих склонах сопков.

Большая доля (около 50 %) берлог найдена в тополях Максимовича. До 20 % берлог приходится на липу. Встречаются берлоги в ясене, дубе, ильме. Но самым удобным и самым излюбленным деревом для устройства берлог является, конечно, тополь Максимовича. Это огромные деревья, окружность ствола которых у основания

достигает 3,5—4 м. У тополя рано появляется дуплистость внутри ствола. Дерево еще растет, но внутри уже пустое.

Медведю не составляет большого труда проделать дыру (лаз) в стволе, и вот уже берлога почти готова. Потом медведь обдирает внутри труху со стенок дупла, устраивает из трухи мягкое и теплое ложе. Берлога готова. И, конечно, лучше, если лежка где-то посередине ствола или чуть ниже, но не у самой земли, так как это опасно для залегшего в такую берлогу зверя. Случается, что бурый медведь обнаруживает такую берлогу, прогрызает дыру и через нее вытаскивает спящего гималайца. В вершине ручья Широкий Лог мне удалось обнаружить берлогу с дырой внизу. Берлога была устроена в дупле толстого дуба, и так устроена, что лежка оказалась на уровне земли. Бурый медведь выгрыз дыру, вытащил гималайца и тут же его съел. У основания дуба лежали кости черепа. Судя по

черепу и костям, можно сделать вывод, что медведь был молодой. Старый, опытный медведь в такой берлоге зимовать не стал бы.

В долине ключа Валуновка мне показал берлогу лесник заповедника Н. И. Галайда. Берлога была устроена в тополе, но опять же лежка была низко, от уровня земли около 50 см. Бурый медведь прогрыз дыру и, конечно, задушил гималайца. Череп этого медведя я потом сдал в музей заповедника. Охотники, обнаружив берлогу гималайца, продельвают в ней сначала буравом дыры: одну-другую, пока не обнаружат лежащего там медведя. Отстреляв его, охотники вырубают дыру и вытаскивают тушу. Берлога, разумеется, испорчена. Такие берлоги с дырами внизу мне приходилось находить и в заповеднике, и на сопредельной территории. На индивидуальном участке, занимаемом медведем, обычно находятся две, иногда три берлоги. Одну берлогу он занимает постоянно, другие — в запасе.

Случается, что охотник обнаруживает медведя в берлоге, но не решается в одиночку его добыть. Он оставляет зверя и идет за подмогой. Пока охотники собираются, пока добираются, медведь тем временем покидает обнаруженную ими берлогу и уходит в запасную. Или бывает, что ветер валит дерево на землю вместе со спавшим медведем. Если при этом ствол рушится или трескается от удара, медведь покидает берлогу в таком дереве и уходит в запасную.

Обычно вход (лаз) в берлогу располагается на высоте 7–8 м, но бывает и до 12 м. Обхват ствола у основания берлоги достигает от 2–2,5 м до 3–4-х м в зависимости от породы дерева и его возраста.

В последние 10–15 лет численность гималайского медведя резко сократилась. Одной из причин сокращения явилось уничтожение берлог. Достаточно в стволе сделать дыру, и медве-

ди в такую берлогу, со сквозняком, уже не ложатся. К сожалению, на сопредельной территории (угодьях лесхоза) берлог гималайского медведя уже нет или почти нет. Я говорю «почти» потому, что мне не удалось обследовать вершины гор, крупные склоны сопки, узкие распадки и горельники. Возможно, там, в глухих местах, еще сохранились берлоги, но в целом, если брать весь юго-восточный район Сихотэ-Алиня, то можно сказать, что берлоги здесь практически уже уничтожены. И самое обидное то, что уничтожили их сами же охотники. Бывает так, что в берлоге залегает медведица с медвежонком. Медведица очень упорно не выходит из берлоги, когда ее начинают беспокоить охотники. Тогда, чтобы вынудить ее выйти из дупла, охотники прорубают дыру и устраивают дымкур. И, конечно, медведица вынуждена выходить наружу, где ее ожидает явная смерть. Гибнет, разумеется, и ее детеныш. Запрет на охоту по берлогам положительных результатов не дает. Те гималайские медведи, которые еще сохранились в уссурийской тайге, вынуждены зимовать или в скалах (пещерах), или просто на земле. Но если в пещерах медведи более-менее благополучно переносят зиму, то на земле они просто обречены: или тигр задавит, или охотники с собаками обнаружат — так или иначе, но дожить до весны им не удастся.

Останки таких медведей (шкурки, череп, кости) я находил в урочищах Алтайка, Чашевитом, Жуковском.

В настоящее время я продолжаю заниматься экологией, проверяю берлоги — те, которые раньше обнаружил, ищу новые, ремонтирую (забиваю дыры) поврежденные. К сожалению, одна отремонтированная берлога пропала — дерево от старости рухнуло. Другое дерево с берлогой в Чашевитом ключе еще стоит. За ней я веду наблюдения.

В. ХРАМЦОВ

Берлога, испорченная охотниками-браконьерами

Фото А. Зборовского

Огонек над домиком

С малых лет, занимаясь охотой и рыбалкой в Тянь-Шанских горах, я вроде бы кое-чему научился. Большую роль в этом сыграл мой отчим Вологодский Василий Яковлевич. Будучи сам страстным рыбаком и охотником, он с малых лет всюду брал меня с собой. К шестому классу я уже свободно в одиночку ходил на охоту по горам не только днем, но и ночью на барсуков и диких бразов. К окончанию школы научился стрелять влет с любого положения, свободно ориентироваться на местности в любое время дня и ночи.

Молодости свойствен максимализм и повышенное самомнение, у меня в вопросах охоты оно было на самой верхней планке. Но жизнь всегда все ставит на свои места. В конце семидесятых годов, попав на работу в отдаленный степной поселок, я столкнулся с совершенно новыми, непривычными для меня условиями охоты, в которых я выглядел полным профаном. Почти весь мой предыдущий опыт, грубо говоря, ушел коту под хвост.

Больше всего меня поражали ночные поездки по степи. Мотаясь по ней всю ночь в поисках дичи, местные охотники уезжали весьма далеко от поселка и умудрялись безошибочно, по звездам, находить дорогу домой на любом расстоянии.

Я также стал присматриваться к созвездиям, запоминая их приблизительное расположение на небе в разное время ночи, что позволило мне в дальнейшем спокойно ориентироваться на местности.

Как-то осенней ночью после рыбалки на реке Чу, сорентировавшись по Полярной звезде, мы тронулись в обратный путь. До поселка было часа два езды. Через час мы увидели над горизонтом красный свет лампочки, что горела над домиком строителей, который стоял в карьере у дороги, в десяти километрах от поселка. Обрадовавшись, что едем точно, мы прибавили газу. Машина «Урал» неслась по степной дороге, насколько ей позволял двигатель и сама дорога. Настроение после удачной рыбалки было приподнятое. Но странно, несмотря на то что мы проехали уже около часа, лампочка все так же продолжала мерцать над горизонтом, несколько не приблизившись к нам, а ведь мы уже должны были быть возле поселка.

Почуввав неладное, я попросил остановить машину, вылез из кабины, встал на крыло, огляделся. И тут до меня дошло, что мы целый час гнались по ночной степи за Марсом, который спокойно мерцал над горизонтом, но в другой стороне. Судя по времени, скорости движения, направлению, мы уже давно проехали поселок и были километрах в 30 от него на востоке.

Как потом выяснилось, злую шутку с нами сыграл ограниченный кругозор и подсветка в кабине машины.

В. КОРДОВАТОВ

ОХОТНИЧЬИ ЗОРИ

Неподалеку шум крыльев взлетающих уток — и руки крепче сжимают ружье. Не промахнуться бы. Но подлетят ли на выстрел? Нет, свернули к лесу...

И все равно: побольше бы таких мгновений.

А в перерывах между ними можно любоваться зарей, пейзажами, похожими на картины, плавающими вдали стайками лысух.

Не только добычей манят в леса и болота охотничьи зори.

А. СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

В долгожданном августе

М. ПАВЛОВ,

биолог-охотовед, Заслуженный работник охотничьего хозяйства России

Август! Охотника России, для которого поиск дичи с легавой собакой составляет необъяснимую благодать жизни, это слово, означающее последний месяц календарного лета, тотчас озабочивает — а с каких дней в очередном охотничьем сезоне будет разрешена летне-осенняя охота?..

Потаенная мечта — вновь побродить по зеленеющим покосам в просторных поймах разновеликих бассейнов рек Средней Руси. И побродить с легавой в поисках особой дичи — дупеля! Ценность его многозначна. Как дичь, для охотника-легашатника он примечателен прежде всего тем, что, зимую на африканском континенте и в некоторых прилегающих к нему странах, к середине мая по обыкновению ежегодно прилетает в поймы рек Европейской России, где, оттоковавшись, выращивает свое куличье потомство. Оно не велико, в выводке бывает не больше четырех птенцов. Другая, сугубо дупелиная примечательность заключается в том, что прилетает этот завидный кулик, как глухарь, на свое облюбованное для токования луговое место, где поблизости от него самки устраиваются на гнездовье. Ну а как только они перестают подлетать на тока, их «кавалеры» постепенно разлетаются по лугам в места, обеспечивающие нагул жира, после чего уже с середины июля либо августа вновь отправляются в Африку на зимовку. К августу для того же нагула жира с мест гнездовий на кормные участки лугов начинает вылетать и подросшее потомство этих птиц. В это августовское время на просторах природных лугов происходит сезонное возрождение благодатных для легашатников дупелиных, как их называют, высыпок.

Особенность дупелиных высыпок (и это важно отметить) в том, что из года в год они возрождаются на одних и тех же строго определенных участках лугов. В этом я убедился на охотах в пойменных просторах Кировской области. В охотхозяйстве ВНИИОЗ в 60-х годах по моей инициативе была сооружена охотизбушка, ставшая для меня пристанищем как в весенний, так и в летне-осенний охотсезоны. Местом послужила старица в пойме реки Чепцы в Слободском районе, полностью затопливаемая в пик весеннего паводка. Примечательна эта старица была и тем, что вдоль припойменного ее берега простирался сосновый бор, тогда как на противоположной луговой его стороне помимо озерин виднелись лишь небольшие островки ивняковых зарослей вперемеж-

Михаил Павлович Павлов. 2001 г.

ку с ольшаниками. Там, где находилась самая крутая излучина русла старицы, оказывался охваченным ею широкий клин разнотравного покосного луга, который полностью просматривался от охотизбушки. По весне вечерними присадами этот луг привлекал на ночевку стайки пролетных гусей.

В первый же год освоения охотничьих угодий в окрестностях охотизбушки я, проходя как-то в мае этим луговым клином, неожиданно спугнул трех дупелей. Сидели они в небольшой низинке с подрастающей травой, позволившей мне считать, что спугнутыми были явно пролетные птицы. Спустя после этого две недели я вновь оказался на том же месте, где уже поднялся на крыло дупелей. Осмотрев все как следует, я уразумел, что здесь находится постоянное дупелиное токовище.

Получилось так, что, проживая до середины 90-х годов в своей охотизбушке, я получил каждую весну возможность впервые, видимо, установить многолетнее существование дупелиного тока на одном когда-то облюбованном этими куликами месте. Площадь всего токовища не превышала и полгектара. При проверке его я спугивал по обыкновению от трех до восьми токо-

виков. Но однажды их здесь оказалось двенадцать. Небезынтересным для меня стало то, что, когда вдруг с начала 90-х годов травостой на этой пристаричной луговине перестали выкашивать, дупеля по-прежнему прилетали сюда и протапывали хорошо заметные в высокостой жухлой траве токовые тропки...

С июля все токовики отсюда разлетались, а уже в августе, как и в сентябре, ни в какой год никакие дупеля здесь не обнаруживались, хотя, прогуливая с конца мая на этой луговине свою легавую собаку, я изредка набредал на гнезда этих птиц с полной кладкой яиц.

С наступлением в августе долгожданного для охотников-легашатников летне-осеннего охотничьего сезона дупель сразу же становился самым желанным трофеем. В это время появлялись в лугах своеобразные дупелиные высыпки. Примечательность их заключалась прежде всего в том, что и они из года в год находились на одном чем-то привлекательном для этой дичи луговом месте. Причем оно не выделялось чем-либо на его пространстве и обнаруживалось как на потных, так и на слегка холмистых, но заливных припойменных луговинах, используемых под покосы.

Таким образом, сам поиск дупелиной сысыпки уже составлял большое охотничье увлечение, а в случае ее обнаружения и непременно душевную радость. Естественно, что всякая находка места такой сысыпки предопределяла потребность утаивать его, сделать неведомым для других охотников-легашатников, что, как известно, практикуется и при поиске глухариных токов. Долгое время я пытался установить, что же конкретно привлекало дупелей ежегодно слетаться в одно и то же определенное место, обеспечивающее их зимовку перед отлетом на зимовку в дальние страны. Наличие нужного наживочного корма могло быть для дупеля постоянной притягательной силой к месту, где такой корм всегда находился. Сам же этот корм, как известно, составляют беспозвоночные животные. При этом в первую очередь дождевые черви. В настоящее время специальными исследованиями установлено, что дождевые черви — мощный источник полноценного белка, что они естественная белковая пища для многих животных. В частности, при сравнении полноценности аминокислотного состава 17 компонентов, составляющих белок различного происхождения, было определено, что в муке из червей подавляющее число его компонентов превосходит по полноценности таковые в других видах кормов. Кроме того, в муке из дождевых червей 8 компонентов составляют незаменимые аминокислоты: трионин, валин, метионин, изойлецин, лейцин, феналанин, лизин и триптофан.

Дождевые черви являются весьма привлекательной пищей. С какой жадностью их поедают домашние птицы, если обнаруживают где-либо. А вспомните, как во время пахоты слетаются на поля грачи и другие врановые птицы, некоторые буквально следуют за плугом, распаивающим залежь. Зная об этом, нельзя не придать значения и тому, что почвенный покров по своей структуре качественно не одинаков для жизнедеятельности в нем беспозвоночных животных, включая и дождевых червей. Есть в этом покрове и благодатные для них участки, отличающиеся поэтому их обилием. В их число входят и такие, где осуществляется постоянная пастбища скота. Обеспечиваемые природой высококормные участки каким-то образом и обнаруживаются дупелем, в результате чего и происходит их августовская концентрация, определяемая впоследствии охотником как дупелиная сысыпка. Однако и при знании всех этих обстоятельств поиск такой сысыпки является далеко не простым делом. Первопричина тому — способность дупеля крепко таиться при приближении к нему человека. Эта дичь может и не подняться с места затайки на крыло, если даже охотник проходит в 5—10 шагах от него. Поэтому только при использовании легавой собаки для поиска сысыпки и воз-

можна увлекательная августовская охота по обнаруженным дупелям.

В довоенный период, да и в первые 50-е годы успех обеспечивался открытием летне-осеннего сезона охоты с первого августа, что было исключительно важно для центральных областей Европейской России, где только и практиковалась по-настоящему охота на дупеля, а попутно и на другие мелкие виды дичи. И как-то так случилось, что в последующие годы, вняв доводам каких-то властных охотчиновников, всякая охота на пернатую дичь стала разрешаться со второй, а в иной год и с третьей декады августа. Наступил период неблагоприятный для почитателей охоты с пойнтерами и сеттерами. К примеру, на вятской земле, равной трем Швейцариям и отличающейся массовым гнездованием дупелей, бекасов и другой мелкой болотно-луговой дичи (насмешливо называемой «поткой»), насчитывалось всего 10 охотников-легашатников, да и они проживали в большинстве своем в областном городе, где содержали в основном ирландских сеттеров, используемых преимущественно при охоте на уток. В результате всего этого между охотниками-легашатниками и аппаратом облохотупления возникла непримиримая тяжба, приобретшая затяжной характер. Причиной тому явилось и то, что решение о новых сроках открытия летне-осеннего охотничьего сезона практически не опротестовывалось многочисленными охотниками-утятами.

Ввиду этого мне лично сразу же пришлось включиться в спровоцированную тяжбу с охотуправлениями, чтобы отстаивать интересы охотников-легашатников. Дело это, естественно, затянулось. Но в то время при телесъемке кировчанами в 20-х числах августа охоты

с легавой собакой в угодьях охотхозяйства ВНИИОЗ я отстрелял дупеля, который привлек всеобщее внимание тем, что оказался окольцованным с пометками на иностранном языке. Это побудило меня незамедлительно отправить кольцо в Москву в активно функционирующее Бюро кольцевания птиц. Оттуда я неожиданно быстро получил сообщение о том, что сей дупель годом раньше был окольцован, тоже в августе, но уже в африканской Намибии!

Эта столь интересная и важная для охотников-легашатников информация позволила мне с удвоенной силой вступить в борьбу за отмену порядка, не разрешающего охоту с первого августа даже с легавой собакой. В конце концов удалось убедить руководство Глав-охоты России в том, что дупель уже с августа улетает на зимовку с мест своего размножения и что особенно активно он их покидает, если устанавливается засушливое лето. К изложенному доводу был подключен и тот факт, что улетающий на зимовку дупель, в отличие от вальдшнепа и перепела, не концентрируется при осенних перелетах в отдельных регионах Кавказа и Украины и, следовательно, если где и становится объектом охоты, то лишь за пределами европейской части бывшей Советской России. Все вышесказанное и предопределило в 80-х годах решение Глав-охоты России рекомендовать облохотуплениям предоставлять возможность охотиться с легавой собакой не только на дупелей, но и на всю мелкую болотную дичь на две недели раньше устанавливаемого срока открытия летне-осеннего охотничьего сезона.

При таких эксцессах следующими оказались мои, к примеру, личные результаты за дни охоты на дупелей в пятилетия 70-х, 80-х, 90-х годов в пойменных охотугодьях вятских рек.

Павловская охотничья избушка в охотхозяйстве ВНИИОЗ

РЕЗУЛЬТАТЫ ОХОТЫ НА ДУПЕЛЕЙ

Годы	Добыто шт	Дней охоты
1976	101	21
1977	22	22
1978	36	12
1979	31	16
1980	23	15
Всего:	213	86

Годы	Добыто шт	Дней охоты
1986	10	15
1987	74	19
1988	9	5
1989	21	19
1990	65	23
Всего:	179	81

Годы	Добыто шт	Дней охоты
1991	45	15
1992	1	11
1993	10	12
1994	26	15
1995	16	16
Всего:	98	69

В эти пятилетия особо памятной для меня стала охота с хорошей легавой в 1976 г. В том году выдалось очень дождливое лето. В такое лето, как известно, на луговой поверхности почвы всегда бывает много разных кормов, включая и дождевых червей, вследствие чего

дупель в августе не только концентрируется на местах высыпок, но и задерживается на них (нередко и молодняк) до первых недель сентября...

В результате только в охотсезоне 1976 г. я за один выход на поиск такой дичи, расстреляв все патроны, впервые добыл 37 дупелей... Но в те же годы я запомнил и весьма засушливый 1992 г., когда за 11 выходов лишь в середине августа мне удалось добыть всего одного дупеля.

В завершение описания результатов охоты на дупелиных высыпках хочется упомянуть о том, как эту охоту воспринимали мои легавые собаки. Так вот первое, чем они меня удивляли: каждая из них хорошо запоминала места высыпок. Если даже в позднеосеннее время я неподалеку проходил мимо них, они не упускали возможности самовольно прочесать все те места, где ранее находили эту дичь. Правда, чтобы понять это, нужно знать, что у таких собак если и развивается охотничья страсть, то только к поиску такой дичи, которая с той же страстью разыскивается и охотником, что в итоге и способствует ее добыче. Более того, по мере приобретения охотничьего опыта у толковой легавой собаки проявляется и понимание ее нужности при обслуживании охотника. Убедиться в этом мне удалось при очередной охоте на дупелей в первый же год, когда из-за весомого удорожания стоимости патронов я перестал стрелять по вертким в полете бекасам. Тогда, после отстрела из-под стоек двух дупелей и оставленных тут же без выстрелов двух бекасов, мой дратхаар снова оказался на стойке по причуенному очередному бекасу. Но когда и он был поднят на крыло, да еще и полетел низом, ровно по-дупелиному, мой многоопытный пес, повернув голову, пристально посмотрел мне в глаза, словно говоря: «Ну, а в него-то ты почему не стрелял?..» После этого все последующие годы бекас уже не привлекал его и при обнаружении не только на дупелиных высыпках.

Подтверждением понимания собакой сущности охоты стал однажды и мой поиск с английским сеттером августовских дупелей, когда после довольно длинной и весьма напряженной потяжки он словно застыл в типичной для него полулежачей стойке возле куртинки высоковатой отавы, проросшей в узковатой низинке. Я тогда, любуясь всем

этим великолепием поиска, не спеша подошел к месту, где возле сеттера должен бы таиться причуанный им дупель. Дальше получилось так, что этот дупель с места затайки неожиданно для меня шумно взлетел ввысь, но в левую от собаки и удобную по обыкновению для стрельбы сторону. Это позволило мне, как и в былые годы, немедленно точным выстрелом навскидку чисто сбить его. После этого произошло такое, что даже не могло быть мною предвидено. Всегда послушный сеттер вдруг с визгом устремился к так удачно сбитому дупелю и сразу же захватил его в пасть. А затем как бы игриво начал бегать с ним вокруг меня, не давая прикоснуться к удерживаемому в пасти дупелю, но явно радуясь тому, что тот стал трофеем в этой охоте...

Тем августовским днем и завершилась моя ходовая охотничья деятельность, но завершилась в уже солидном, почти 80-летнем возрасте. В тот день с этим единственным, хотя и самым тогда дорогим для меня трофеем я в сопровождении своего последнего английского сеттера отправился с лугов в свою многим памятную охотизбушку. Отправился к ней вековым сосновым бором, где с благодушием посидел в густогадных куртинах черничника, прошелся по вызревающим брусничникам, полакомился на ароматных земляничниках, ну и, конечно, не упустил возможности разыскать попутно с десятком завидных августовских белых грибов!

Август. На дупелиной высыпке

Результат охоты на дупелей в пойме реки Чепцы в сезон 1976 года

ОАО «Вологодский оптико-механический завод»

Предлагает к рассылке наложенным платежом:

- **оптические дневные прицелы**
Прилад П4х32, П8х48, П8х56 с подсветкой сетки
Прилад П4х32L, П8х48L, П8х56L
Прилад П8х56L с фокусируемым объективом
Прилад П3,5х20
- **прицелы ночного видения**
PNS 2,4х30, PNS 4,6х52, PNS 2,5х50
- **кронштейны для крепления прицелов на карабины и ружья с вертикальным расположением стволов**
(в заявке желательно указать марку оружия)
- **Фотообъективы, лупы**
- **а также оптическую продукцию (биноклы, зрительные трубы, прицелы, дальномеры) российских и зарубежных производителей**
 Дополнительная информация по тел. (8172) 25-98-15

Заявки можно направлять: по адресу **160001 г. Вологда, ул. Малышева, 54**, коммерческий отдел;
 по факсу **(8172) 72-61-45**, электронной почтой **commerce@vologda.ru, vomz@vologda.ru**

или оформить на сайте **www/vomz/ru**

Пожалуйста, укажите в заявке Ваш контактный телефон

ОАО «Вологодский оптико-механический завод»

Оптические прицелы

«ПИПАД»

П4х32L

П8х48L

	П4х32 (L)	П8х48 (L)	П 8х56 (L)	П 3,5х20
Увеличение, крат	4	8	8	3,5
Посадочный диаметр, мм	25,4	25,4	25,4	25,4
Диаметр объектива, мм	32	48	56	20
Диаметр окуляра, мм	41	41	41	36
Длина, мм	269	303	303	180
Масса, г	300(420)	480(600)	500(620)	250

Виды сеток:

для П4х32, П8х48, П8х56 — дуплекс (крест с утоньшением), полукрест (пенек),
 Парабола (с дальномерной шкалой), Мил Дот (крест с боковыми делениями);
 для П4х32L, П8х48L, П8х56L — парабола (с дальномерной шкалой);
 для П3,5х20 — полукрест (пенек)

П8х56L

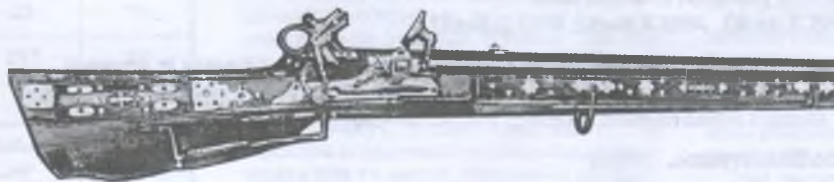

П3,5х20

160001 г. Вологда, ул. Малышева, 54.

Тел. ((8172) 25-98-15, 53-66-10, 25-94-98; факс (8172) 72-61-45,
e-mail: commerce@vologda.ru, vomz@vologda.ru; www/vomz/ru

Зверовые и птичьи пищали

1

Ю. ШОКАРЕВ

В XVII столетии охота для русских царей была весьма важным делом. Для Михаила Романова (1613—1645) она была больше обязанностью, чем удовольствием. В ранние годы он баловался зверовой охотой, но позднее ему больше нравились всякого рода «забавы» — игрища и бои с медведями и слонами. Порой государя тешили стрельбой в шапки из луков, пистолей и пищалей. В охоте царя больше привлекала обрядовая сторона, и Михаил Романов следил за тем, чтобы сама охота, а тем более оружие для нее, были на должном уровне. Изготовление охотничьего оружия являлось делом «государевым».

Помимо участия в парадных охотах и торжественных выездах, охотники постоянно снабжали мясом и дичью обильные пиры в Кремле. Для стрельбы по пернатым и всякому зверью из Оружейной палаты стрелкам выдавались охотничьи пищали.

Следующий царь из династии Романовых — Алексей Михайлович (1645—1676) — был настоящим охотником. При нем в третьей четверти XVII в. придворная охота стала постоянным занятием царя и его приближенных. Современниками описаны охоты, в которых участвовали тысячи людей. Царя сопровождали его свита и сподвижники, а также псары, ловчие, стрельцы, рейтары и «младшие» дворяне. Вся охрана, бояре и дворяне, были разодеты в «цветное» платье, ехали на великолепных лошадях, в дорогих седлах, с красивым оружием.

Оружие хранилось в Оружейной палате и считалось государственной собственностью. При Алексее Михайловиче его производство достигло небывалого размаха. До наших дней сохранились великолепно украшенные пищали. В изготовлении охотничьего ружья принимало участие не менее трех-четырех мастеров, не считая помощников и учеников более низкой квалифика-

ции. Мастера делились на ствольщиков, замочников, станочников (ложечников) и специалистов по украшению — косторезов, живописцев, мастеров золотого и серебряного дела. Иные оружейники именовались «самопальными мастерами», и на них лежала работа по сборке ружья, его отделке и пристрелке.

Какое же охотничье оружие делала Оружейная палата? Для ее мастеров не были редкостью нарезные ружья. Обычно нарезов в стволе было 4, 6 либо 8. Нарезы всегда были спиральными (винтовыми), и отсюда название пищалей — «винтованные» или «винтовые».

В зависимости от калибра каждая пищаль имела свое назначение. Самыми малыми считались пищали калибром 6 мм, их образно именовали пищали «малая пулька» или просто «птичьи». Создание стволов для птичьих пищалей было делом не простым. Ведь стволы с диаметром канала в 6 мм имели длину до 100—110 см. В них нужно было просверлить отверстие для канала ствола и протянуть 6 или 8 нарезов. Они использовались для стрельбы по птицам и по мелкому пушному зверю.

Следующими были нарезные пищали среднего калибра в 8—10 мм. Их стволы делали немного короче, но также достаточно длинными (около 85—105 см). Эти ружья составляют большинство дошедших до нас изделий. Наконец, самыми большими — «зверовыми» — являлись пищали калибром 17—18 мм. Их часто называли пищальями «большая пулька».

Кроме нарезных, существовали пищали с гладким каналом ствола. Они были, как правило, калибром от 10 до 18 мм. Стрельба из них могла вестись как дробью, так и пулей.

Стволы ружей часто сваривались из кованого «красного железа». На поверхности стволов «красного железа» просматривается тонкий и красивый узор, из-за которого и возникло назва-

ние — «красное», то есть красивое, железо. Достигался такой рисунок особым способомковки, при котором полоса железа для ствола предварительно сваривалась из крученой проволоки и отдельных лент железа разного качества. Затем эту полосу железа разогревали в горне и начинали наворачивать на оправку виток к витку. Работа шла медленно и требовала много времени и терпения. После того как ствол был набран по всей длине, его сверлили и полировали внутри, а потом опиливали и полировали снаружи. Затем протравляли поверхность ствола кислотой, и на ней выступали узоры и кольца, которые были тем мельче, чем тщательнее была прокована первоначальная полоса железа.

Сверху стволы отделялись золочением или серебрением, а некоторые имели декоративные желобки. Чаще всего использовался растительный орнамент «из трав», а в казенной части стволов делалось изображение двуглавого орла под короной как государственного символа. Дульное завершение стволов часто исполнялось в виде разинутой пасти фантастического животного, и получалось, что оно извергает пулю. Орнамент и геральдические фигуры вырезались стальными резцами. После резьбы орнамент покрывался сусальным золотом, и украшенный ствол пищали сверкал на солнце.

Не менее важным, чем ствол, являлся механизм, воспламенявший пороховой заряд. В первой половине XVII в. чаще всего делали голландский замок и родственные ему английский и шотландский варианты, а со второй половины столетия более популярным стал русский замок.

Замки украшались не менее пышно, чем стволы. На замочных досках и курках вырезались или гравировались изображения сирен, драконов, звериные морды, рыцари, часто охотничьи сцены и воинская арматура. Губки курков выполнялись в виде пасти драко-

на, в которой и зажимался кремень. Курки и замочные доски частично или полностью золотились.

Богатству отделки стальных деталей должны были соответствовать деревянные ложи, или, как тогда говорили, «станки». Они украшались с большой фантазией инкрустацией из кости и перламутра. Нередко кость подкрашивали, и орнамент становился ярким и праздничным. Художественному стилю русских пищалей свойствен свой оригинальный декор. Орнамент на ложах составлялся из переплетающихся растительных побегов, геометрических фигур с включением гротескных изображений зверей и птиц. Эти узоры из кости и перламутра по сей день поражают оригинальностью композиции и нарядностью расцветки.

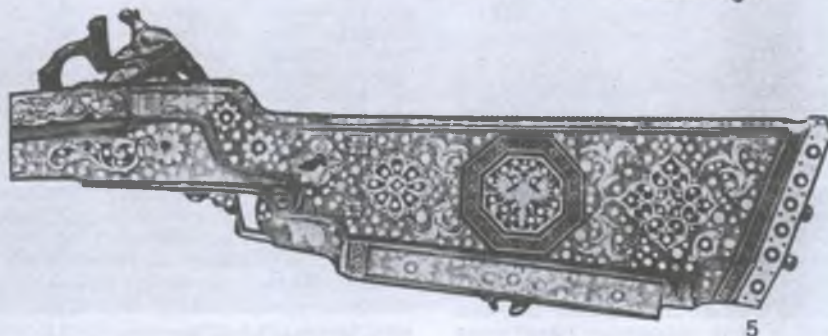
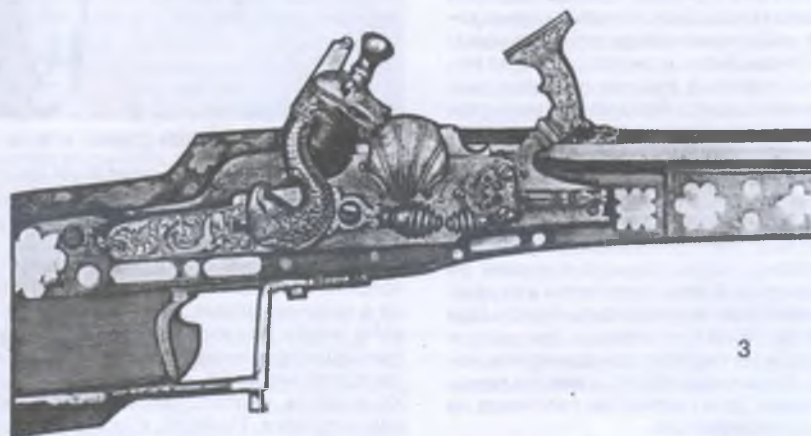
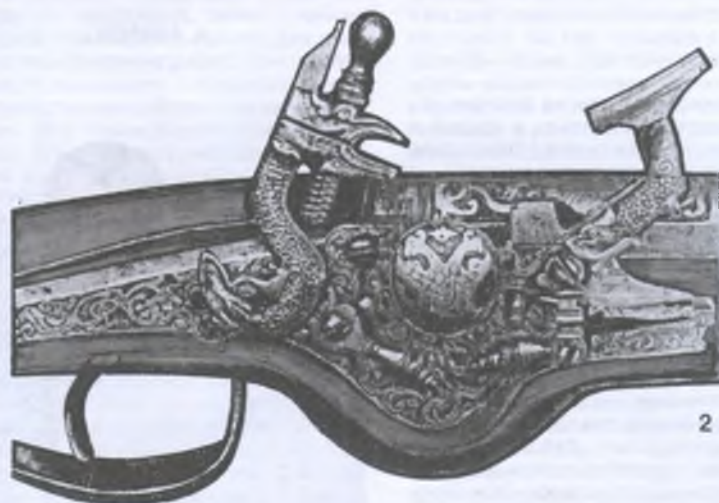
Ложи существовали разных форм. Для оружия первой половины XVII в. была характерна мушкетная форма приклада с вырезом в шейке для большого пальца. Такой приклад не прижимали к плечу, а держали на некотором расстоянии от груди. Объяснялось это боязнью отдачи, поскольку применялись усиленные заряды пороха. Стрелок, рискнувший прижать ружье к плечу, мог получить перелом или огромный синяк.

Со второй четверти XVII в. ложи охотничьих пищалей получили иной облик, характерный для изделий Оружейной палаты. Приклад стал прямой формы без всякого сужения или выемки в шейке. Его поверхность имела несколько граней, а в разрезе он выглядел как прямоугольник. Затылок приклада шел вниз под довольно острым углом и был защищен двумя винтами с большими головками.

Особенностью таких прикладов была широкая, опущенная вниз левая сторона приклада, именовавшаяся полкой или «щекой» приклада. Можно предположить, что прообразом таких прикладов послужили ложи аркебуз немецкого происхождения. Недаром в описи 1687 г. приклады русских ружей названы «аркебузными».

Эти приклады так же не прижимались к плечу, что было сложно сделать из-за выступавших винтов. Стрелок держал ружье на весу двумя руками и лишь прикладывал щекой к «полке» приклада для прицеливания. Для удобства пользования предохранительная скоба пищали, которая поддерживалась правой рукой, делалась с ложбинами для пальцев.

Боевые возможности тогдашнего охотничьего оружия были весьма значительны. Малопульные пищали били до 100 м, а пули «зверовых» ружей стреляли на 200 и более метров.

1. Русская «зверовая» пищаль, XVII в.

2—3. Кремневые замки на охотничьих пищалах

4—5. Разные варианты отделки прикладов

Экипировка охотника

А. АЗАРОВ

Посвящается М. М. Блюму

От экипировки охотника зависит успех охоты, здоровье, а порой и жизнь самого охотника. Попробую предложить свои советы по экипировке для охоты. Конечно, обязательных стандартов быть не может, так как бывают разные условия и виды охот, разные сезоны, разная погода.

Одежду я предпочитаю шерстяную и суконную. На модные жилеты и синтепоновые куртки так и не перешел. Два свитера, суконная куртка, двое шерстяных брюк, шерстяные носки с шерстяными портянками или войлочные чуночелки с надетыми поверх чулками из дедерона (женскими). Для защиты шеи и горла вместо шарфов использую шерстяные вязаные нагрудники. Они плотно облегают шею, не сбиваются, прикрывают грудь. Вместо кепи осенью хороши шерстяные шапки или подшлемник «Труд». Кепи, конечно, создают неплохой внешний вид, но козырек частично закрывает обзор на гусиных охотах, а в ледяной ветер с мокрым снегом его не прикроешь ни шее, ни уши.

Сапоги нужны болотные или резиновые, короткие, на 2 размера больше, с войлочными стельками. Для передвижения по дороге до леса лучше надевать кроссовки, чтобы раньше времени не парить ноги. У моих приятелей уже приобретены болотники фирмы «Рокс». При охоте на гусей они хороши тем, что не блестят и не скрипят при движении ногами. Но мне они кажутся все же тяжеловатыми, да и свернутые голенища на них плохо держатся.

В ветреную, холодную погоду с дождем и снегом сзади к шапочке подкалывается наплечник. Он защищает шею от ветра, влаги и кухты. Поверх — камуфлированные куртка и брюки из синтетиче- шате (не блестящей). Главное, чтобы экипировка не давала бликов. В противном случае лучше любой порыжелый ватничек. А в шерстяной одежде даже намочнув можно ждать, пока переоденешься в запасной комплект. Да и просушить шерстяную одежду легче и быстрее на костре, солнце, у печки. В условиях сырости она меньше впитывает влаги, в ней не потеешь при ходьбе.

Руки от мороза защищают рукавицы, а в осенний холод — пятипалые шерстяные перчатки. В них же можно сидеть зимой на засидках. В сильный дождь лучше всего закрывает прорезиненный плащ от армейского ОЗК. Даже плащ-накидка офицерская со временем промокает насквозь, хотя и пришил к ней рукава, не говоря уж о различных костюмах с пропиткой. На всякий случай желательно в вещмешке иметь при себе кусок полиэтиленовой пленки для изготовления лузана на случай внезапного дождя (если по какой-то причине остался без плаща). Лузан делается очень просто — надо посередине полотнища

Автор статьи А. Г. Азаров (слева) и М. М. Блум на охотничьей выставке

прорезать дырку для надевания на голову. Накинуть его на себя, а на голову дополнительно надеть какой-нибудь полиэтиленовый мешок.

Весьма нужны пенополиуретановые коврики на подстилку в скрадок. На спине в осеннее время желательно постоянно иметь притороченную на резинке пенополиуретановую «сидушку». Для августовских охот, когда еще донимают комары, необходимо иметь с собой накомарники. Но не те, с сеточками, из магазина, а скроенные по типу шлем-маски (закрыты голова, шея, плечи). Короче, открыто только лицо. В чашобе сеточный накомарник порвется за один выход. Кроме того, все время будет мешать, сбиваясь с лица. В шлеме-маске, конечно, лицо не защищено, но не душно и хороший обзор, так что можно стрелять не снимая его. Важно и то, что он прочный. Его выкройка есть в справочниках охотника-промысловика 1950—60-х гг.

Для охоты на гусей хорошо применять кусок рыболовной сетки, чтобы обметывать тычки высотой 0,4 м вокруг скрад- ка — выше нельзя. Эта сеточка, утыканная бурьяном, смахивает на заросшую борозду. В момент активного лета гусей надо иметь патронташи — некогда шарить по карманам, доставая патроны. Кроме того, удобно вести учет — взял патронташ с 24 патронами, и знаешь, сколько боеприпасов осталось вечером после стрельбы.

Для охоты на гусей предпочтительно ружье 12 калибра с патронником 70 мм, лучше самозарядное. Но не с патронниками 76 или 89 мм. Наши ружья МР-153 и большинство импортных ружей с такими патронниками — это вовсе не «магнумы» (их масса — не масса ружей

под патроны «магнум»). Поэтому стрельба из них магнумовскими патронами допускается изредка. Возникает большая отдача, а сильный звук выстрела утомляет.

С самозарядным ружьем при налете стайки птиц охотник имеет больше шансов. И быстрее можно добрать подранка. Не дать ему убежать или отлететь, пока будешь перезаряжать ружье. Патроны желательно иметь с дробью № 1 и № 0.

Для промысловых охот вполне подходит ружье МЦ20-01 с магазином на три патрона. Стрельба из него, как правило, неспешная. 20 калибр годится для отстрела белок, соболей, куниц или рябчиков. Не подведет оно и при встрече с хозяином тайги.

Для обычных любительских ходовых охот лучше всего иметь обычную двустволку. Можно всегда держать наготове второй патрон другой снарядки (с пулей, картечью или с другим номером дроби). А при охоте на крупных и опасных зверей эти ружья дают больше уверенности, что не подведут в самый критический момент. Вопрос о том, какое ружье лучше — с горизонтальным или с вертикальным расположением стволов, — в основном зависит от предпочтения охотника. Считается, что вертикалки более современны. Но ведь многие полюбили определенный тип ружья еще с детства.

Рюкзак для переноски больших грузов можно использовать туристский. Груз должен быть как можно ближе к спине, чтобы не гнуть в три погибели. Тогда легче будет передвигаться на большие расстояния, не сбивая дыхания и не уставая. При переходах по дорогам и тропам лучше идти в кроссовках, а

сапоги приторочить к рюкзаку.

Для однодневной охоты вполне подходит небольшой вещмешок наподобие солдатского. Солдатский мешок удобен еще и тем, что сбоку можно на шлевках пристегнуть и плащ, и верхнюю куртку.

Штыковую лопату берем всегда — копать щель для скрадка. Необходим топор, ножовка, большой нож. Топоров лучше иметь два. Один полечкой, ходовой, граммов 600—800. Второй тяжелее — около 1 кг. Строение топоров особое — охотничье. Сечение клинка не чисто клиновидное, а слегка выпуклое, чтобы при врубании в сырое дерево топор не залипал.

О ножах, на более подходящих для конкретных охот, говорят много. А вот как претворить в жизнь эти советы? Например, собрались вы в охотничью экспедицию. Там предстоит поохотиться на глухарей с лайкой, попытаться перехватить осенний пролет уток, сказали, что у хозяина есть гончая, возможно участие и в лосиной охоте. Обещали свозить и на проверку рыболовных сетей. Ну и как же быть с охотничьим функциональным ножом? Брать тяжелый нож для тайги, складшюк для утиных перелетов, шкурный (скинер) для лосиной охоты, да не забыть и о рыбном? Не кажется ли вам, что ситуация выглядит абсурдной? Не брать же с собой весь этот клинковый арсенал.

Проще тому, кто на охоту выходит со своего крыльца уже с собранным ружьем. Здесь идя на охоту можно прихватить и топорик, и веревку, и шкурный нож. И при этом надо помнить, что ни один нож не сможет заменить топор. Но не на всякие охоты его носят с собой.

Городским охотникам придется воспользоваться скорее всего каким-то одним универсальным ножом. К нему охотник чаще всего привыкает, любит его, с ним чувствует себя увереннее, с ним связано много воспоминаний. Нож является предметом гордости охотника, его другом. Такой нож не меняют и не продают.

В каждой местности такие ножи сильно разнятся между собой по конструкции. Мне многие из них приходилось видеть и иметь. На Алтае выработан свой таежный нож. Массивный, с насаженной деревянной ручкой, с острием, поднятым вверх. Таким ножом можно срубить жердь для оцепы или просверлить острием дырочку в дощечке. Финский же удобно извлекать из ножен, а также вкладывать его обратно. Никаких сложных застежек. Ведь на морозе, в темноте, на ходу какие можно нащупать застежки где-то там ниже пояса? Якутским ножом с длинным и узким клинком удобно ремонтировать нарты, сверля дырочки под ремни в деревянных рейках. Тундровым ножом удобнее управляться в рукавицах, например подчищая площадку под капкан.

Лет тридцать назад мне приходилось много заниматься этой проблемой. В конце концов с годами на практике выработался такой подход. Идя на охоту на 2—3 и более дней, беру всегда свой

таежный нож и маленький складной нож с множеством предметов: шило, штопор, консервооткрыватель, отвертка, экстрактор, пробочник, пила, клинок. Складной нож беру не только для тонких и специфических работ, но и на случай утери основного — поясного ножа.

Устройство ножа более или менее известно. Его главной частью является клинок. Клинок имеет хвостовик, на котором крепится рукоять. Она может быть всадной, цельной, то есть насаженной на хвостовик как единая деталь. Но бывают и клепаемые рукояти. Они состоят из двух щечек, скрепленных заклепками. Удобство и прочность той или иной рукояти проявляется при работе ножа.

Разделять клинок и рукоять может ограничитель — гарда, служащая для упора кисти руки. Что же собой представляет мой таежный нож? Длина клинка 150 мм, длина рукояти 130 мм. Сразу поясню эти размеры. С одной стороны, для тяжелых работ длина клинка должна быть больше, к примеру 180—200 мм. Ведь первое, что требуется от ножа в лесу, — это срубить слегу для передвижения по болоту, на рубить жердочек для постройки бунгало-шалаша, сделать посох, чтобы переправиться через ручей или болотинку, а иногда и срубить деревцо, чтобы перебраться через разлившийся за ночь ручей. Часто бывает, ручей шириной всего 2,5 метра, а ведь не перепрыгнешь. Топор не всегда носишь с собой. А обходить 2—3 километра ох как не хочется.

В прессе же почему-то все время муссируют шкурный нож. Но не каждый же год разделываешь лося. Вы заметили, что общая длина моего ножа увеличена за счет ручки. В чем тут дело? Если надо срубить жердь — ладонью обхватываю

конец рукояти. Тогда инерция и сила удара увеличиваются; хотя клинок не очень длинный, но рубит неплохо. Рубящее действие ножа начинается при длине клинка 150 мм, толщине 4 мм и ширине 35—40 мм. При тонких работах рукоять обхватывается ближе к пятке клинка. Нож становится более управляемым. Да и рука при такой работе меньше устает. Баланс ножа хороший, если рукоять насажена на хвостовик клинка, а центр тяжести находится в клинке. Общий вес ножа в зависимости от материала рукояти — в пределах 220 г.

Приобретая нож, всегда имейте в виду прежде всего его надежность в экстремальных условиях охоты и таежного быта. Охотничье снаряжение, подобно военному, должно проходить строгую проверку в процессе эксплуатации. Одно дело — строгать дощечку на крыльце охотбазы, другое дело — вырубать в темноте на ощупь вмерзшую в лед дверь зимовья, когда клинок попадает и по сукам, и по смерзшимся комкам земли, и по гвоздям.

Складной нож с разными предметами должен всегда быть в кармане. Многие мелкие работы выполняются с его помощью. Десантную пилу-цепь лучше не брать. Ею не так просто пилить — надо прилагать большое усилие, а руки при этом держать так, чтобы у цепи был тупой угол. Половинкой от обычной двуручной пилы перепилить бревно для ногды гораздо проще. На биваке обычно хранится наждачный брусок для заточки топора и ножей и трехгранный напильник для правки ножовки. Желательно приобрести нож-мультипликатор (его называют «туул»). Это устройство, где смонтированы пассатижи, клинок, ключи, отвертки, пилки и пр.

Окончание следует

А. Азаров с приятелем после охоты на гусей

Опыт эксплуатации ТОЗ-87

С. ЛИСЕЙКИН

Поделиться опытом охоты с самозарядной моделью ТОЗ-87-03 меня подтолкнула статья И. И. Алёхина «Как обойтись без Бенелли», в которой автор посветовал на то, что до настоящего времени никто в журнале «Охота и охотничье хозяйство» не поделился своими впечатлениями об эксплуатации ружья модели ТОЗ-87.

В настоящее время я проживаю в г. Бородино Красноярского края и работаю в суде этого города. Охотой занимаюсь около 15 лет и столько же времени являюсь подписчиком вашего журнала, о котором у меня сложилось мнение как о самом лучшем охотничьем журнале в России.

За время охоты я имел несколько ружей. Моим первым ружьем была модель ТОЗ-63, затем я перешел на ружье ТОЗ-34, а позднее я длительное время охотился с моделью ИЖ-27. Расстаться с этим ружьем меня заставила его плохая прикладистость, хотя длительное время я пытался к нему привыкнуть. К бою этого ружья у меня особых претензий не было. К сожалению, довольно крупным недостатком модели ИЖ-27 является ее большой вес.

Получив определенный опыт охоты с классическими двустолками, летом 2001 года я решил приобрести самозарядное ружье ТОЗ-87. Ружья этой модели различных модификаций имелись в наличии во многих магазинах города Красноярска. Из них мне наиболее удачной показалась модификация ТОЗ-87-03, имевшая прицельную планку и дульные насадки трех видов, навинчивавшихся на ствол.

Цена этого ружья была около 9 тыс. рублей. После продажи ИЖ-27 я за несколько дней до открытия летне-осенней охоты в магазине «Щит» города Красноярска купил ружье ТОЗ-87-03. Ружье мне сразу понравилось, в первую очередь своей прикладистостью, небольшим весом и тем, что приклад и цевье были не лакированы, а покрыты олифой. Ствол ружья при осмотре снаружи и внутри оказался прекрасной сверловки, что подтвердилось на охоте. Ружья с такой хорошей резкостью боя у меня никогда не было.

После приобретения началось освоение этой самозарядки. Автоматика ружья основана на энергии пороховых газов, отводимых из канала ствола. Большинство проблем этого типа автоматики обычно связано с применением патронов, снаряженных разными порохами.

На открытии охоты я сделал порядка 60 выстрелов, никаких задержек в работе механизмов ружья не было. Но освоение ружья на этом считать законченным никак нельзя. Впереди начинался самый интересный этап этого процесса, связанный с возможными нарушениями работы ружья.

Ранее в печати встречались отзывы охотников, имеющих ТОЗ-87, о том, что из-за небольшого диаметра газоотводных отверстий и их загрязнения самозарядка не перезаряжается. Мое ружье было выпущено в 2001 г., и оно имеет 4 газоотводных отверстия. Задержек при стрельбе, связанных с подачей патронов из-за нечеткой работы газоотводного механизма, не было ни разу.

Первой серьезной неисправностью стало нарушение работы разобщителя, в результате чего ружье перестало стрелять. Чтобы заставить его это сделать, нужно было несколько раз нажать на спусковой крючок, после этого передвинуть его вперед, а только затем при нажатии происходил выстрел.

Ружье мной было направлено в магазин «Щит», где по гарантии мастером магазина неисправность была быстро устранена. Как оказалось, эта задержка была связана с некачественным изготовлением разобщителя. Во время эксплуатации ружья произошло смятие части предохранительного взвода разобщителя, после чего боек вставал на предохранительный взвод и с него соскочить не мог. Мастер заменил эту деталь, и работа автоматики ружья восстановилась, но, как оказалось, ненадолго.

Охотясь осенью с подхода на тетеревов, я произвел выстрел по влетевшему косачу, но допустил промах. К сожалению, повторный выстрел произвести мне не удалось. Причину осечки я смог установить только при внимательном осмотре ружья. Подаватель патронов, находясь в среднем положении, цеплялся за шляпку патрона, находящегося в магазине ружья. Правда, это происходило только с патронами «Тайга», а при стрельбе бийскими патронами задержка не было.

Установив эту особенность ружья, я взял напильник и подточил передний край подавателя патронов на 1,5 мм, устранив неисправность полностью. Теперь она не возникала и при стрельбе разными патронами.

Однако и после этих доработок работа ружья не стала идеальной. Если при стрельбе все проходило нормально, то при отведении затвора в заднее поло-

жение рукой в ствольную коробку из магазина подавалось сразу несколько патронов, и стрельба становилась невозможной. Причем это явление происходило при использовании патронов «Сафари» и «Тайга».

Естественно, что такое положение дел меня не устраивало, и я взялся за изучение механизмов ружья и их взаимодействия при работе. При отведении затвора в заднее положение патроны в магазине удерживаются выступом отсекавателя, кроме одного, подаваемого в ствольную коробку. Для проверки эффективности отсекавателя я отвел затвор в заднее положение и задержал его, а через окно ствольной коробки покачал патрон, находящийся в магазине, за шляпку. От этих движений патрон, несмотря на находящийся в рабочем положении выступ отсекавателя, перескочил через него и под действием пружины магазина подался в ствольную коробку.

Таким образом, стало ясно, что причиной нарушения работы автоматики ружья является слишком малый выступ отсекавателя. С этой проблемой я вновь обратился к мастеру магазина «Щит», и по моему желанию короткий выступ отсекавателя был увеличен. Это привело к полному перекрытию магазина и невозможности подачи нескольких патронов сразу. Заодно мастер частично сточил внешнюю часть ограничителя патронов. Это было нужно сделать, так как при использовании бийских патронов они часто останавливались на ограничителе и дальше в ствольную коробку не попадали. После доработки ограничителя и этот недостаток был устранен.

Вялые недоработки при создании ружья вначале вызвали во мне разочарование в нем, но сейчас я рад, что отказался от мысли продать ружье и занялся его улучшением. В настоящее время оно работает безукоризненно, отличаясь при этом хорошей прикладистостью.

Использование различных насадок легко решает вопрос увеличения или уменьшения кучности боя. После двухлетней эксплуатации ружья считаю, что насадок в 0,0, 0,5, 1,0 мм достаточно, а для особо дальних выстрелов можно приобрести насадку с сужением 1,0 мм, удлиняющую ствол до 760 мм. Но такой необходимости у меня не было, так как до 50 м при использовании качественных патронов выстрелы уверенные, дичь поражается чисто, без подранков, при условии точного прицеливания. При дистанции стрельбы свыше 50 м число подранков сразу возрастает, и поэтому

далее этого расстояния я стараюсь не стрелять.

Конструкцию ружья в целом считаю удачной. Она достаточно надежна и более проста, чем у МЦ 21-12. К определенной недоработке конструкции можно отнести отсутствие отсекателя патронов в магазине, что ведет к невозможности быстрой смены патрона, находящегося в патроннике. Помещение предохранителя в задней части спусковой скобы, на мой взгляд, было бы удобнее, хотя, немного привыкнув к ружью, внимание на расположение предохранителя уже не обращаешь.

С такой неисправностью, как нерасцепление затвора со стволом, сталкиваться в ружье ТОЗ-87 не приходилось ни разу. Боевой упор, выполненный в ружье ТОЗ-87 в виде прямоугольника, предпочтительнее круглого и позволяет увеличивать ресурс ружья.

Что касается субъективных ощущений при стрельбе, то отдача переносится легко даже в летней одежде. Ружье лег-

ко управляется. При охоте зимой, особенно при сильном морозе, никаких задержек не отмечалось, в отличие от многострадальных владельцев МЦ 21-12, у которых то смазка замерзла, то еще что-нибудь происходило. Ружье ТОЗ-87 имеет явное преимущество перед другими самозарядками по весу, не проигрывая, а зачастую выигрывая при этом по бою. Подгонка деревянных частей к металлическим претензий не вызывает, но после 2-х лет эксплуатации приклад ружья вытерся и требует пропитки олифой.

Охотникам, желающим приобрести ружье ТОЗ-87, мне бы хотелось посоветовать следующее. При проверке ружья в магазине надо пользоваться макетами патронов и проверять работу механизмов ружья в медленном и быстром темпе. Наполнив магазин 4 макетами патронов, отвести затвор в заднее положение и, удерживая его в этом положении, вынуть поданный патрон из окна ствольной коробки, а затем через

это окно покачать патрон, находящийся в магазине, за шляпку; если он не перескочит через выступ отсекателя, то все в порядке.

Обращаясь к охотникам, которые хотят приобрести данную модель, хочу сказать, что это ружье по боевым качествам их не разочарует. Тульскому же заводу мне хочется пожелать улучшить качество исполнения отдельных деталей ружья. Кроме того, снабдить его нормальным паспортом, отпечатанным на хорошей бумаге, с качественными схемами и рисунками.

Заводу необходимо расширять дилерскую сеть продаж своего оружия, так как цена ружей на местах раза в два выше, чем на заводе. Естественно, что это не способствует увеличению объемов продаваемого оружия. Надеюсь, что моя заметка поможет охотникам преодолеть заводские недоделки модели ТОЗ-87-03, которые, в общем не влияя на бой ружья, все же часто мешают на охоте.

Собираясь в дорогу охотники, рыбаки, автомобилисты и туристы, оказавшиеся в экстремальных ситуациях, теперь всегда могут рассчитывать на помощь. Немецкими учеными разработано «спасательное термозащитное покрывало», представляющее собой металлизированную полиэфирную пленку серебристого цвета с одной стороны и золотистого цвета с другой. Покрывало позволяет сохранить тепло если завернуться в него серебристой стороной внутрь и защищает от жары если накрыться золотистой стороной к телу. Кроме того, покрывало может использоваться как палатка, тент и даже носилки, выдерживающие вес человека при транспортировке.

ЧУДО-ПОКРЫВАЛО

«Чудо-покрывало» также работает как термос и надолго сохраняет свежими ваши продукты и напитки если они завернуты золотистой стороной внутрь, и наоборот – сохранит еду теплой при обертывании ее золотистой стороной наружу. Да и ваши добыча и улов останутся надолго свежими при обратной поездке домой.

Конечно, главное назначение покрывала – обеспечение безопасности людей. Оно незаменимо для попавших в беду людей, когда на жаре или морозе приходится подолгу ждать помощи или нести пострадавшего до ближайшей больницы. Легкое, весом всего 60 г, компактное покрывало дает шанс каждому из нас выжить.

Покрывало сертифицировано, прошло успешные испытания и принято на снабжение поисково-спасательными службами и подразделениями МЧС, МВД и Минобороны РФ (размеры покрывала 160x210 см).

Генеральный дистрибьютор покрывал на территории России и стран СНГ – ЗАО «ВИБА»
Адрес: Россия, 117405, ул. Дорожная, 54, корп.5. Тел/факс: (095) 786-3505 E-mail: rd@viba.ru Web: www.viba.ru

Юрий Анатольевич Масленников

«Господи! Дай мне вечную жизнь...»

Деревня Лжун

Памяти дорогой тещи моей Ольги Гавриловны Кудрявцевой, урожденной Вязниковой, великой труженицы и непревзойденной воспитательницы своих детей, внуков и правнуков, посвящаю.

Автор

ходных, и легко решался вопрос с пистолетом на охоту. Это была удача! И я напросился в гости.

В субботу, после обеда, я уже шагал по полям напрямую от поселка Михалкино к деревне Лжун, которая виднелась километрах в трех на пригорке.

Перед деревней ярко зеленел прекрасный покос почему-то не выкошенной травы, на пригорках же вправо к дороге трава была пожухлая — как-никак осень. Ближе к огородам паслось небольшое стадо местных коров, и пастух помахивал хворостиной, покрикивая. Чтобы не беспокоить стадо, я двинулся правее, надеясь обойти стороной, так как коровы прекратили жевать и все уставились на меня, хотя до них было метров сто пятьдесят.

Вдруг я почувствовал, что земля начинает уходить из-под ног и под сапогами захлюпала вода, взлетел бекас. Несомненно я попал на «потный» луг, но трава вокруг была не болотная, а луговая. Я взял еще правее, однако наткнулся на «окно» открытой воды, а сапоги все глубже уходили в трясину. Я был опытный ходок по болотам: вырос на болоте. Клюква, брусника, голубика, караси в кюветах, образовавшихся после добычи торфа в заводском районе, были немалым подспорьем на обеденном столе после войны. Да и сам торф на выделенном нам участке у «Морозовской ветки», который мы месили ногами, формовали, сушили, был единственным доступным топливом зимой.

Покрутившись на месте, я убедился, что вперед мне не пройти, обратно очень далеко, да и следы мои куда-то пропали. Вода уже доходила до колен, и под ногами было зыбко. Теперь я понял, почему коровы с удивлением смотрели на меня: с этой стороны к ним никто никогда не подходил.

На ровном зеленом лугу, ничуть не похожем на болото, стоял молодой мужчина атлетического сложения с рюкзаком и ружьем за плечами и — «погибал» на виду у всей деревни, коров и пастуха, но никому до него не было дела! Я стал кричать пастуху: «Где здесь можно пройти?» Но ни словом, ни жестом он мне не хотел помочь.

Вот, оказывается, почему деревня называется Лжун. Не потому, что здесь все обманщики и лгуны, а потому, что перед деревней обманчивый луг. Должно быть, это давно заросшее озеро, и глубина его здесь немерена.

Изрядно поволновавшись, зачерпнув

воды в сапоги, внимательно разглядывая свои следы, я вернулся обратно и только часа через два, мокрый и уставший, забрызганный выше пояса, предстал перед егерем. Оказалось, что во время войны немцы с ходу утопили здесь несколько танков, пытаюсь проехать к деревне напрямую, и я был в опасности, о которой в округе все хорошо знают: испокон веку приходилось вытаскивать всем миром и скотину, и лошадей с телегами и подпавшими возчиками.

Но все было позади. Мне нашли во что переодеться, усадили за стол. Молодая моя огненно-рыжая красавица, все время посмеиваясь, поставила на стол окрошку с настоящим деревенским квасом из квасника, которого я раньше никогда не видел: специальный бочонок с краником, выложенный изнутри, кажется, ячменной соломой. Бухнула в окрошку сметаны и почему-то большой кусок свежего творога, чему я был немало удивлен: мы творог в окрошку не кладем. И зря, такой чудной окрошки я не пробовал никогда. Перемешала и разлила по тарелкам, приглашая попробовать. Хозяин покопился на выставленную мною на стол бутылку «Столичной» и, улучив минутку, шепнул: «Убери! Я тут был провинившись...» Чем обрадовал меня: портить водкой предстоящую вечернюю зорю на охоте мне, признаться, не хотелось.

За деревней на озере прогремел выстрел, и я забеспокоился, не прозевать бы вечерний лёт утки. На что хозяин заметил: «Кушай, кушай! Здесь рядом!» Спустя час мы уже шли к лесу, видневшемуся за деревней, уходя от камышей, окаймлявших сверкающую гладь большого озера Михалкинское, истока реки Сороти.

Прошли по лесной дороге, миновали темный бор и вошли к заросшей ивняком низине с какими-то, видимо, мелiorативными неглубокими канавами, а за ними желтело живые скошенного хлеба. Стерня уходила по взгорью за горизонт, куда уже опустилось солнце. «Вот здесь! Выбирай место!» — сказал егерь.

Я осмотрелся. Выбрал местечко почище, без кустов, определил зону выстрела с расчетом, что утка пойдет с озера, где нет-нет да и бухали раскатыстые выстрелы, как из старинного ружья восьмого калибра с дымным порохом, или эхо так усиливало звуки выстрелов, отражаясь от розовых стволов корабельных сосен.

В те далекие незабвенные времена количество отстрелянных за день охоты уток не было ограничено. Это было так давно. Тем не менее кажется, что это было вчера...

Заброшенный по своим «ревизорским» делам в милый городок Новоржев, тем более милый, что Остров, Горай, Опочка, Пушкинские горы, Теплухино, Трухново, Бабино, Дарьино — земля моих прадедов, и бывая в этих местах, я всегда ощущаю божественную ауру той малой родины, где трепещет душа, восхищенная красотой этих мест. Возвращаясь из Новоржева, всегда прошу водителя остановиться, чтобы полюбоваться видом на Святые горы...

После рабочей недели в полутемном коридоре маленькой гостиницы я столкнулся с милым созданием. Это была молоденькая, лет 18–19, невысокая девушка в простеньком халатике, перехваченном тоненьким кушачком, с копной длинных темно-рыжих волос, вспыхивавших жаром в свете единственного окна в конце коридора. Халатик предательски распахивался при каждом ее шаге, обнажая гоченные ноги. Пройти мимо этого божественного создания было невозможно, и я заговорил. Смущаясь, ухватился за самую знакомую тему: красота этих мест, охота, собаки, предки («что к носу ближе»). Я тараторил без остановки, боясь, что незнакомка уйдет и я буду лишен возможности любоваться ею. Но мы разговорились...

Оказалось, что она из этих мест. Отец работает егерем в охотничьем хозяйстве, и родители живут на берегу озера в деревне Лжун, недалеко от поселка Михалкино, куда регулярно ходит пригородный автобус.

Сезон охоты на уток был открыт, бельгийское ружье и патроны с собой, резиновые сапоги-заколенники и штормовка в рюкзаке, впереди два вы-

Место мне не очень понравилось. Но я надеялся на пару прицельных выстрелов — повеселить душу. А большего после такой чудесной окрошки и милых улыбок молодой хозяйки я и не желал.

Посвистел егерю, получил ответ, помахали друг другу рукой: в эту сторону не стрелять.

На фоне алеющего неба не спеша прошла пара крупных кряковых уток метрах в тридцати — свободно можно было достать выстрелом.

— Чего не стрелял? — спросил егерь.

— Да над кустами шли, искать долго.

Вдалеке низко пронеслась стайка чирковых уток и опустилась где-то рядом с нами, скрываясь за ракитником. Мне казалось, что утки должны идти на стерню. Но у них был, видимо, другой план: они стали садиться к нам и, наверное, на стерню пойдут пешком, когда стемнеет. Крупная кряква попыталась сесть на мокрый лужок передо мной и была сбита точным выстрелом. Не спуская глаз с места падения утки, я сразу же нашел ее. Вот так и буду стрелять на фоне алеющего неба, чтобы падали передо мной — на чистое. И тут началось что-то невообразимое: утка шла, как заколдованная, прямо к нам, что называется валом валяла. Снижалась, замедляла полет и падала, сбита точными выстрелами.

Увлеченный охотой, я не видел, сбивал ли что-нибудь мой напарник, но больше десятка выстрелов прозвучало с его стороны.

За какой-то час я взял четырнадцать (!) крупных кряковых, не обращая внимания на чирков и тех, которые пролетали над кустами. Стрелял выборочно, только уток, падавших на виду. Чудесная моя старушка, бельгийское штучное ружье «Мануфактуры Льеж», — ни одного подранка! Ни одного утерянно-го трофея! Патронташ был пуст, и я окликнул егеря. Мы сошлись.

— Ну как? — спросил он.

— Ничего подобного в жизни мне не удавалось: четырнадцать уток, ни одного подранка! А ты?

— Да сбил немного, но ни одной не нашел.

— Как же так?! Ну, не горюй. Я всегда делюсь пополам... Но душу я отвел!

Мы двинулись в обратный путь к лесу, откуда шла черная туча и появились всполохи зарниц. Неожиданно стемнело так, что ничего не было видно под ногами. Я шел за егерем, нащупывая землю, чтобы не споткнуться. И подумывал, что, наверное, он плохо стреляет и постеснялся, узнав о моей удаче, сказать, что не попал ни в одну утку. Ничего удивительного, он же в деревне живет. А я и на стрелковом стенде, и на траншее, и на круглом, и в тире стреляю, и в командных соревнованиях участвую. В городе много возможностей потренироваться.

— Ну, а видел ли, куда падали утки-то? Может быть, утром пойдём и найдем. Вот собачку бы какую-нибудь, хоть захудаленькую, быстро бы отыскали.

— Да есть у меня семимесячный гончак, но он дура-ак... — протянул егерь. — А куда падали, помню — найду. Не видел гончака-то моего? Под яблоней навязан.

Я пожалел, что не видел щенка, так как питаю к гончим негасимую любовь и держу пару пегих Гатчинской царской охоты — чемпионов области.

Над лесом громыхнул гром, как будто раскололось небо... И мороз по коже: раздался вой за нашей спиной матерого волка. Я впервые слышал вой матерого. Да так близко!

Не хвастаясь скажу, что в жизни я никогда не знал страха, не было его в моей душе. Хотя во время войны после бомбежки в городе Полоцке двухлетний брат сказал: «Мама, Юйка боится бомба!» Я вел его из детского садика, когда стали пикировать фашистские самолеты и за Двиной застучали зенитки. Мы крались вдоль стен и забора, стараясь быстрее попасть домой. Но чувства страха я не помню и могу представить его только по памяти. Как-то мальчишкой стоял на десятиметровой вышке в бассейне Морского клуба и не мог прыгнуть. Боязнь высоты прошла, когда я поработал на монтаже Велюксской релейной линии на двухсотметровой мачте, — уже на второй или на третий день. Других страхов не знал никогда.

Но мой матерого волка в крошечной темноте леса, хотя я и был с ружьем на плече, заставил мурашки пробежать по спине. И в ту же секунду в округе начался «волчий концерт»: кругом ответили молодые волки. Мы были окружены, они были всюду и рядом, рядом... Я стоял потрясенный! Егерь уже отошел, но, не услышав моих шагов, окликнул: «Ты где?» — «Здесь!» — дрожащим и вдруг охрипшим голосом ответил я. Несколько капель дождя упали на лицо... Он вернулся, взял меня за руку: «Пойдем!» Но в это мгновение обвалом затряслась земля. Неожиданно рядом раздался грохочущий по сухой лесной дороге топот, и егерь потащил меня в кусты... Мимо, там, где мы только что стояли, с храпом и ржанием, невидимый в крошечной тьме, несясь к деревне табун лошадей, обдавая нас запахом конского пота и осыпая комьями земли из-под копыт.

Через мгновение все стихло. Я еще не мог прийти в себя. Было ли это наяву? Или это во сне? Тишину больше не нарушил никто.

Молча, прислушиваясь, мы дошли до деревни. И так, толком и не придя в себя, я лег на приготовленную постель и заснул как убитый. И только под утро во сне полетели утки над головой. Я нажимал на курок своего бельгийского ружья, но его заклинило, и он не двигался с места — выстрела не было! Из кустов высунулась морда волка с желтыми глазами и белесыми щеками, которого я видел в Москве, когда к нашему эшелону эвакуированных прицепили вагоны с Московским зоопарком и я без разрешения мамы бежал смотреть.

И опоздал на обед. Нас кормили в Москве из настоящих тарелок с ложками супом из прозрачного бульона с фрикадельками и зеленью. Получив подзатыльник от мамы, в бульоне глазами, полными слез, я видел желтые немигающие глаза огромного волка, которые следили за мной безжалостно.

Волчья морда высунулась из кустов и оскалилась. А я все нажимал на курок, и он не двигался с места, и выстрела не было. Волк хриплым голосом сказал: «Пойдешь на утреннюю зорьку?» — «Да! Пойду!»

Егерь тряс меня за плечо. Милая рыжая красавица ставила на стол тарелку вареных домашних яиц, вкус которых я помню до сих пор, ком деревенского масла и разливала по кружкам заварку цветочного чая с тонким запахом зверобоя, мяты, листа черной смородины и еще чего-то близкого и родного. Когда она добавляла из краника кипящего самовара кипятка в кружки с заваркой, мне показалось, что я чувствую тончайший аромат ее рыжих волос с запахом свежего ветра после грозы.

Ни волка! Ни войны! Ни военной Москвы! Мир и счастье кругом! И я, отдохнувший, бодрый и... красивый юноша!

Ополоснувшись ледяной водой из колодца, сажусь к столу.

— Только я больше стрелять не буду! Возьмем гончего и найдем твоих уток, — сказал я егерю.

Из будки в саду, потягиваясь и дружелюбно виляя хвостом, выбрался семимесячный гончий пес. Мне он понравился. Мы быстро нашли с ним общий язык.

И каково же было удивление егеря, когда я со щенком на поводке, заходя с подветра к местам падения стреляных вечером уток, за полчаса при помощи славной гончей собаки нашел их всех, сбитых. И мы торжественно отпраздновали домой. «Что с утками-то будешь делать? Они у меня в корзине поставлены в погреб на лед. Да и этих забирай, я еще настреляю!» — с нескрываемой любовью поглядывая на своего пса, сказал егерь.

Душевно распрощавшись с милыми хозяевами, поспешил на первый автобус в Михалкино. И пересел на рейс Новоржев — Псков, к обеду уже был в Пскове, к немалому удивлению домашних. Ощипав уток и освежаяв их с моей помощью, они сказали: «Больше не носи». С зайцами им было проще: я профессионально снимал шкурки, натягивал их на правилки, свежевал и мариновал в домашнем виноградном вине тушки с пряностями, да и зачастую сам готовил.

К вечеру этого же дня я был опять в Новоржеве, благо проезд бесплатный по ревизорскому удостоверению Совмина РСФСР. А утром был на работе с бригадой ревизоров. Как ни в чем не бывало. Счастливый! «Мне бы твои заботы!» — сказал начальник управления, узнав о моих «подвигах».

Юрий МАСЛЕННИКОВ
д. Ермолино

СТРАСТИ ВЕЛИКОГО ИСПАНЦА

Валерий ПАНКРАТОВ

КАПРИЗЫ СУДЬБЫ

Счастливому безоблачному десятилетию 1780-х годов в жизни Гойи приходит конец. Дальше радости будут чередоваться с горестями. Его оптимизм постепенно тает. Он все острее ощущает творческую неудовлетворенность, окончательно теряет прежний интерес к гобеленам. Директор мануфактуры жалуется, что Гойя «ничего не хочет писать». В действительности художник устал от заказов, переутомился и теперь жаждет полной творческой свободы.

Непонятно, как к 1792 году из всеми уважаемого мастера он превратился почти в изгоя. Конечно, арест Людовика XVI во время его бегства в Варенн в 1791 году породил множество изменений в Испании. Отставка нескольких высоких покровителей Гойи сказалась на его настроении. Спустя некоторое время он оказывается в Андалусии. Художник выехал туда, не получив официального разрешения главного придворного камергера герцога де Фриаса. Кое-какие сведения наводят на мысль, что Франсиско был замешан в неудавшейся попытке спасти Людовика XVI. Письма друзей этого времени полны всяких недомолвок. Но одно ясно: Гойя серьезно болен. Слава Богу, заболевание не связано с его амурными делами, хотя на этот счет были всякие предположения. Тяжелые приступы головной боли вызвали потерю зрения и слуха. Благодаря заботам окружающих, через год восстановилась координация движений, отступила слепота, но слух исчез навсегда. Новое не-

Окончание. Начало см. в № 7, 2005 г.

Ф. Гойя. Собаки и охотничье снаряжение

привычное состояние порой доводило его до бешенства. Знакомый доктор как-то уклончиво, но достаточно прозрачно намекнул на возможность осложнения болезни вплоть до сумасшествия.

И Гойя решил, что лучшее лекарство — свидание с родной Сарагосой. Сначала обнял Мартина. Потом навестил мать. Встреча была непростой, но сняла тяжесть с сердца. Он написал ее портрет. Она была счастлива, хотя иногда ворчала на него, как в детстве. На следующий день они вместе с Мартином отправились на охоту. На душе у глухого стало еще легче.

В 1795 году Годой успешно проводит переговоры. Подписывается франко-испанский Базельский договор. Фаворит получает титул «Князя мира», а Гойя — заказ на портрет герцога Альбы и его супруги в полный рост.

Французские романтики изобрели историю об интриге между герцогиней и глухим живописцем — еще один миф, поводов для появления которого накопилось предостаточно. Гойя сделал с нее несколько портретов и, безусловно, не мог не восхищаться прелестями великосветской красавицы. Не Мария Луиза была настоящей королевой, а Каэтана Альба. Когда она проезжала по улицам, все припадали к окнам. Жалко лишь, что испанские женщины не улыбаются. Как много упустил упрямый арагонец, не поехав в Санкт-Петербург. Там бы он задохнулся от «вечной женственности» северных мах.

Тайна связи Франсиско с правнучкой «кровавого маршала» так и осталась неразгаданной. Она дает повод для всевозможных догадок, порой сенсационных. Некоторый свет на их истинные

взаимоотношения проливают письма Гойи к Сапатеру, в которых он делится с ним своими воспоминаниями.

После кончины герцога Альбы летом 1796 года вдова пригласила художника в свое роскошное имение Сан-Лукар де Беррамеда на берегу Атлантики. Он подъехал к вилле на закате и боялся, что застанет у нее много гостей. Но никто не появился. А она не скрывала радости от встречи с ним и обняла в присутствии мажордома. Для носящей траур Каэтаны выглядела слишком веселой. Наутро Гойя встретил ее со свитой на аллее: дуэней, пажом, арапкой, собачкой Доном Хуанито и несколькими кошками. Она была тщательно одета, и он принял это на свой счет. Они пошли гулять все вместе по садам — разноцветная кавалькада, с обеих сторон которой подняв хвосты шествовали породистые коты. Вечером она принесла гитару, и он пел ее любимые сонеты и тонадилы. Незабываемо!

Но отчего-то в душу Гойи особенно запал эпизод, когда герцогиня зашла к нему в мастерскую и попросила сделать ей грим: «Конечно, это доставило мне большее удовольствие, чем писать ее на холсте».

Каэтана появляется два-три раза и в рисунках так называемого Санлукарского альбома, начатого Гойей на природе и продолженного в Мадриде. Фигурирует там и некая полуобнаженная маха!

Франсиско вновь изображает Каэтану в 1797 году в большой картине. На ней наряд махи: мантилья и черная юбка. В выражении глаз — сочетание печали, высокомерия и таинственности. На пальцах правой руки два перстня. Один в память о только что умер-

шем муже — «Альба». На другом читателем — «Гойя». Указательный палец повелительно направлен вниз, где на песке написано «Solo Goya» («Только Гойя»).

После таких чувственно-напряженных сеансов успокоить может только домашний очаг. Поначалу так и случилось. Гойя поселился с семьей в доме № 1 по улице Десэнганьо в старом холмистом квартале на северо-востоке Мадрида, где он проживет почти сорок пять лет. Именно там 2 декабря 1784 года у него родится сын Франсиско-Хавьер Педро, единственный из его 8 детей, кто выживет. Но семья не стала постоянной отдушиной для его главы. Брак не был счастливым из-за непрекращавшихся любовных походов Франсиско и тяжелого характера жены. Их взгляды на искусство тоже не совпадали. По этой причине Гойя часто уединялся, причем не с кистью, а с ружьем, находя успокоение в соприкосновении с природой. Порой звучало его сакральное признание: «Да я бы лучше стрелял, чем писал картины».

Октябрь 1799 года наконец принес Гойе звание Первого живописца короля с жалованием в 50 000 реалов. «Короли от меня без ума», — читает Сапатар скромное признание приятеля. Вообще же художник и не очень преувеличивал: ему многое прощалось. Ис годами он оставался великим скандалистом. По Мадриду ходили слухи о его бесчисленных дуэлях. Когда молва дошла до короля, тот немедленно вызвал к себе бузотера и запретил ему высказывать отношения при помощи шпаги.

— Но ведь дуэли не запрещены для ваших подданных, — напомнил королю Гойя.

— Для подданных — нет, а для вас — да.

— Но почему, ваше величество?

— Потому, дон Франсиско, что подданных у меня много, а Гойя — один.

Без сомнения, звание «первого живописца короля» выведет художника на время из душевной дисгармонии, но легендарная серия из 80 офортов под общим названием «Капричос» уже будет закончена и даже начнут продаваться их воспроизведения. Всего продадут 27 комплектов: вмешается инквизиция, обеспокоенная обличительным характером творения. Все могло погибнуть в огне, если бы не французский посол Ф. Гиймарде, спрятавший на антресолях посольского здания весь тираж «Капричос». В знак признательности Гойя напишет портрет этого бургундского врача, ставшего дипломатом.

Инквизиция однако не унималась, настаивая, чтобы король запретил «Капричос». Гойя решил перехитрить оскорбленное духовенство и предложил Карлу IV перечислять всю выручку от продажи офортов в казну. Трехдневный спор монарха с Церковью закончился его победой. Крамольные картинки разошлись по всей Европе огромными тиражами. Опустошенная

казна исправно пополнялась.

— Как тебе это удалось? — спрашивали Гойю. — Неужели король мог одобрить карикатуры на себя и свою семью?!

— Просто он их не заметил. Самые обличительные я убрал из папки, — улыбался проказник.

Далее все переплетется еще любопытнее: Гиймарде влюбится в молодую маркизу де Санта Крус, сводную тетку герцогини Альбы. Сохранилось свидетельство, что и Гойя увлекся некой маркизой С., скорее всего той же самой дамой. Хорошо, что обошлось без дуэли.

В 1800 году Гойя продал свой дом любящей Годю Пепите Тудо и написал с нее «Обнаженную маху» и «Маху одетую». Любитель пикантностей Годой изобрел хитроумное устройство, которое соединило два полотна друг с другом, и они могли на шарнирах поворачиваться лицом к зрителю. Так на месте одетой махи неожиданно появлялась маха обнаженная, отчего гости приходили в неописуемый восторг. Для тех времен демонстрация голого женского тела в Испании была неслыханной вольностью, и от желающих полюбоваться «средневековым стриптизом» не было отбоя. Из-за незнания фактов или ради сенсации недобросовестные писаки утверждали, что «Обнаженная маха» писалась с герцогини Альбы. Вряд ли имеет смысл тратить время на опровержение бреда. После падения Годю «Обнаженную маху» до 1900 года будут прятать в темной комнате Академии Сан-Фернандо, а затем передадут вместе с «Махой одетой» в музей Прадо.

А у Гойи новая горе: в июле 1802 года влюбленный живописец оплакивает внезапно скончавшуюся Казтану. Тело успешной выставили во дворецовой капелле. Однако у Гойи не хватало сил видеть ее мертвой. Он обходит не только дворец, но и весь этот квартал. В день похорон, одевшись поскромнее, художник смешался с толпой в ожидании погребальной процессии. Какой-то прохожий узнал его и шепнул ему на ухо:

— Ее отравила королева. Об этом все говорят.

Через год Гойю ждет невосполнимая потеря: умирает Сапатар — больше, чем друг. Только от этого можно рехнуться. Он с трудом пытается успокоить себя:

— Слава Богу, рука действует, глаза видят. Глухому композитору хуже. Музыкант должен слышать звуки. Живописец обойдется и без ушей!

А охотник? Охотнику слух тоже никогда не мешал. Охота для Гойи не только развлечение, но и утешение. Дон Карлос сочувствует несчастному и пускает его в свои просторные заповедники. Лесничие почтительно приветствуют художника, встречая его с ружьем под мышкой в королевском парке Каса дель Кампо, задумчивого, как будто прислушивающегося к собственным мыслям.

НА РАСПУТЬЕ

С 1803 до 1808 года Гойя не получает заказов от двора. Он полностью отдается портретному искусству и создает в этом жанре истинные шедевры.

В 1807 году Наполеон вторгается на Иберийский полуостров, французские войска захватывают Мадрид. Королем Испании Наполеон назначает своего брата Жозефа Бонапарта, и Гойя, как и все другие, вынужден присягнуть ему на верность.

В марте 1808 года наместник императора Мюрат оккупирует огромную территорию от Старой Кастилии до Каталонии. Мадридский двор дрожит от страха. Годой спасается бегством от разъяренных жителей. Карл IV отрекается от престола в пользу своего сына Фердинанда VII. Гойя пишет портрет короля Жозефа и продолжает зарабатывать на жизнь портретами влиятельных испанцев и французов, рисует мах и жанровые сценки. Ему пришлось изобразить и самого Наполеона. Обеспокоенный положением своих войск в Испании, император изъявил желание лично познакомиться с обстановкой на месте, а заодно и получить портрет кисти лучшего, как ему сказали, придворного живописца. Гойя за один сеанс выполняет портрет завоевателя, но в глубине души признается, что так до конца и не проник в тайники этой загадочной личности.

А Наполеон в свою очередь недоумевал, почему французская армия столкнулась в Испании с такими серьезными трудностями при таком бездарном короле. В отличие от Гойи Карл IV произвел на него удручающее впечатление. Во время всей их встречи в Байонне он говорил только об одном: «Охота — единственное, ради чего стоит жить. В любую погоду сразу после мессы и завтрака я с ружьем выезжаю в поле, в полдень обедаю и опять охочусь до сумерек».

Наполеон снисходительно слушал странные откровения испанца, про себя отмечая, как повезло этому ничтожеству с народом. Вслуш лишь заметил, что местность вокруг, к сожалению, мало пригодна для охоты. И Карл, кажется, жалел об этом больше, чем об утраченном троне.

В голове Франсиско царит глубокий раздор. С одной стороны, друзья влекут его в стан французов. И для этого есть все резоны. Они упразднили инквизицию, разогнали монахов. С другой — судьбу его (испанца) родины решают иностранцы. И постоянно с помощью оружия. Внутри мыслящего человека, гражданина и художника вызревает мысль о военной теме. Пока же он еще не готов показать человеческие мучения и смерть. Чтобы всмотреться в ее глаза, приучить себя к ужасам, Гойя обращается к натюрморту.

Специалисты насчитали всего одиннадцать гойевских натюрмортов, написанных в 1811 году, похожих по манере исполнения, почти одинаковых по

размерам. У них есть еще одна общая черта: все они проникнуты ощущением присутствия смерти. Художник отлично знал фламандские натюрморты XVII столетия. Но там «тихая природа» источает радость жизни, изобилие форм, красок и фактур. Здесь натура, действительно, безжизненна. Она леденит вас своим холодом неподвижности, пресеченной человеком жизни.

А предмет изображения один и тот же: мертвые рыбы («Золотая макрель», «Ломти лососины»), битая дичь («Белкасы», «Утка», «Битые зайцы»).

Осенью 1811 года наступает страшный мадридский голод. Гойя успевает завершить ужасающую серию. Иначе где бы он нашел «героев» натюрмортов: «Мертвый индюк», «Ощипанный индюк и скворода», «Голова теленка», «Голова и части разделанной телючей туши», «Освежеванная бычья голова». Оставалось бы только с охотничьим ружьем добывать себе натуру, но силы были уже не те.

Художник прекрасно подготовил себя к «Desastres de la Guerra» («Бедствия войны»). Человеческие трупы в офортах очень похожи на одеревеневшую дичь натюрмортов. Эффекты света и тени поистине выразительны!

В 1813 году Наполеон с остатками своей «великой армии» бежит из России и терпит поражение под Лейпцигом. Его крах неминуем. Жозеф Бонапарт спешно покидает Мадрид — на трон садится Фердинанд VII. Он сразу же реставрирует абсолютную монархию. Страх перед репрессиями вынуждает эмигрировать 50 тысяч испанцев. Гойя, в глазах Фердинанда тоже предатель, решает остаться. Теперь он обращается к монарху с письменным предложением «кистью увековечить достопамятные события славного восстания против европейского тирана». Его величество проявляет великодушие. Гойя пишет шесть портретов Фердинанда.

Картины «Восстание 2 мая 1808 года» и «Расстрел 3 мая 1808 года» — это своеобразная икона в память испанского Соппротивления. Король оценил поступок живописца — милостиво назначил ему жалованье, но памятные полотна велел отправить в запасники. Возвеличивание народа не входило в его стратегию.

Эти работы и «Дезастрес» не были единственным откликом Гойи на пережитые Испанией события. В лагере английского генерала Веллингтона, изгнавшего французов, художник пишет портрет триумфатора и снова проявляет свой пылкий нрав. В ответ на нелестное замечание англичанина о его живописи Гойя хватает пистолет, и только присутствовавший на сеансе сын мешает ему выстрелить в обидчика.

АНИМАЛИСТ ПОНЕВОЛІЕ

Исследователи творчества Гойи избегают прямого вопроса, был ли он анималистом. Действительно, в его

время любой уважающий себя живописец посчитал бы оскорбительным носить это «низкое» звание. Но, как и многие художники, Франсиско не мог себе позволить не уметь изображать животных. Прежде всего хотя бы потому, что королевская чета должна была выглядеть величественно, а стало быть, верхом на красавцах конях. Королева Мария Луиза, эта крайне несимпатичная женщина, готовая отравить своего близорукого супруга, чтобы выйти замуж за Годоя, обладала все же одним достойным качеством: она была блистательной наездницей. Гойе доставляло огромное удовольствие писать ее верхом на горячем жеребце Марсиале в мужском седле. Можно было бы ограничиться одним-двумя сеансами, но «зловредный» художник не смел отказать себе в удовольствии хотя немного покомандовать самой королевой. Затянутая в лейб-гвардейский мундир, она ловко гарцевала перед ним, высоко подняв гордую, смелую голову.

Вообще если на портрете была знатная дама, то рядом с ней появлялась вездесущая болонка. Если была представлена сцена псовой охоты, свое законное место на холсте занимали greyхаунды. Ну а в охоте по перу не обходилось без легавых. И тех и других художник хорошо знал, т. к. сам держал несколько четвероногих.

Картон «Охотник у источника» представляет собой, на pewno, исключение: молодой человек приятной наружности охотится один, без собаки. Он присел отдохнуть, утолить жажду. Ружье лежит на камнях, взгляд охотника устремлен за пределы картины.

Боевой бык занимает у Гойи привилегированное положение. В 1793 году он посылает в Академию картины, восемь из которых посвящены эпизодам из жизни этого животного. Между 1815 и 1816 годами художник печатает еще 33 офорта под общим названием «Тавромахия» (Искусство корриды). Публике предлагается нечто необычное. Так, в листе 84 зафиксирован момент самой отчаянной смелости известного тоreadора Мартинчо, сидящего на стуле со связанными ногами и собирающегося нанести быку смертельный удар. При этом Гойя сознательно нарушает законы пространственной перспективы.

В листе 89 художник пренебрегает эстетическими нормами при изображении несчастного случая, когда бык прыгает через ограждения, калечит многих людей и убивает градоначальника.

На картинах с боями быков Гойя всегда изображал арену и публику. На офортах серии «Тавромахия» их практически не видно. Автор всецело концентрирует свое внимание на борьбе человека и животного («Быстрота и дерзость Хуанито Апинани на арене Мадрида», лист 20).

Корриду Гойя полюбил в раннем детстве и на всю жизнь. Он не просто пассивно любовался опасным сражением

с разъяренным быком. Еще в Риме присоединившись к труппе бродячей корриды, молодой тореро с гордостью подписывает свои письма: «Франсиско де Лон Торос» («Франсиско Бычий»). Он никого не боится и готов защищать свою честь со шпагой в руках. На эскизе для gobelena нарисована сценка, где бесстрашный Гойя вместе с друзьями укрощают молодого бычка («La Novillada», 1780). Юноши подталкивают его к ограде. Один размахивает плащом. Остальные наблюдают.

В серии эстампов «Капричос» из 80 листов животных предостаточно. С их помощью очень удобно критиковать человеческие заблуждения и пороки, особенно в среде напыщенных идаляго. 15 % испанского населения объявляли себя дворянами и уклонялись от всякого труда. Для Гойи все они — самые натуральные ослы. «Он знал сочинение Лебрена о сходстве человека с животными» (М. В. Алпатов).

Картину «Бой быков» (1812—1819) отличает невероятная быстрота мазков и удивительное сочетание черных и красных красок на песочном фоне. Кажется, что это произведение XX века.

На склоне лет, живя в Бордо, где сосредоточилась многочисленная испанская диаспора, Гойя больше не берет заказов и работает в свое удовольствие. Его увлекают эксперименты с техникой литографии, он использует ее для своей новой серии из четырех гравюр, известной как «Бордосские быки». В них с помощью карандаша, бритвы и шабера восьмидесятилетний художник добивается невиданных эффектов в изображении форм, поз и освещения.

Котов же Гойя считал зловредными тварями. По крайней мере они кажутся такими в «Портрете донна Мануэля Осорियो Манрике де Суньяга». За спиной милого малыша в красном, играющего с сорокой, три кота жадно следят за пернатой жертвой. Что это? Знак опасности, таящейся под покровом идиллии? Гойя любил детей, и в «Портрете донна Мануэля...» он изображал не наследника, а ребенка. Такой взгляд вызван нежностью, которую Гойя-отец испытывал к своему сыну и внуку Мартино. Франсиско видел, что Хавьер избалован, но в его портрет вложил всю свою любовь. Вот он стоит, картинно выставив одну ногу, юноша, еще совсем подросток. Обаятельный щеголь, у ног которого жеманно примостилась белая комнатная собачка с красным бантиком.

Это заметно и в семейном портрете королевской семьи, где между августейшими супругами стоит симпатичный мальчик, возможно сын фаворита Годоя.

С возрастом из-за глухоты пение птиц стало недоступным для Франсиско. Зато он неизменно любовался пролетом куликов, который почему-то так и не зарисовал.

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ИЗГНАННИК

В июне 1812 года умирает жена Гойи Хосефа. Опись имущества показала, что состояние художника внушительно и оценивается в 360 000 реалов. Отец должен разделить его с сыном Хавиером, которому исполнилось двадцать восемь лет. Из избалованного малыша он превратился в щеголеватого мужчину. Живописцем не стал, прельстившись профессией рантье.

А Гойя верен себе. Пережив наполеоновское нашествие, он переезжает в дом на противоположном берегу Мансанареса. Среди мотивов этого странного передвижения «ищите женщину». Еще в 1813 году пожилой, но неутомимый конкистадор дамских сердец завел связь с молодой замужней женщиной Леокадией Вейс, родственницей своей невестки, что вызвало неизбежные раздоры с сыном. Сначала Леокадия поселилась у Гойи в качестве экономки. Чтобы скрыть истинный характер своих взаимоотношений, «молодые» ведут замкнутый образ жизни.

Размеры приобретенного дивного поместья в 10 гектаров позволяют оградить себя от соседей, которые называют это место «Quinta del Sordo» — «Дом глухого».

Дочь Леокадии (скорее всего и Гойи) влюбленный художник учит рисунку и живописи: у ребенка очевидные способности. Гойя много работает в разных жанрах. 4 апреля 1820 года после очередной тяжелой болезни он оставляет Академию. В стенах «Дома глухого» рождается мир теперешнего Гойи — пустынный и бессмысленный. На стенах двух комнат он пишет 14 страшных сцен и с ними отгораживается от остального мира. Никогда раньше ощущение одиночества не проявлялось так, как в картине «Собака». Ни один художник до Гойи не отважился изобразить «ничто». Вся видимая реальность низведена до зияющего цветового пятна. Вот так и человек по существу находится во власти природных сил, будучи неспособным ничего им противопоставить.

Летом 1823 года взявший власть в

свои руки король решает отомстить врагам монархии. Гойя в смятении. Сильно обеспокоенный собственной безопасностью, он под предлогом лечения на Пломбьерских водах перебирается в Бордо, где собралось уже множество его «офранцузенных» друзей. К нему присоединяются Леокадия Вейс с дочерью. И на чужбине Гойя не перестает писать. Там ему нравится многое: окрестные поля, климат, кухня, независимость и спокойствие. Но по Мадриду он тоскует.

— Дай ему волю — укатил бы на левом муле, — замечают близкие.

Короткие поездки в Испанию не приносят удовлетворения. А тут еще новые недуги. В письме успокаивает Хавиера, что, как Тициан, проживет девяносто девять лет. Друзья как могут подбадривают старика:

— Дон Франциско, что ты все сидишь с кистью? Поохотился бы! Прокипятил бы кровь!

— Нет, дорогие. Поздновато: от охотника у меня осталась только моя фуражка.

Ф. Гойя. Охотник (эскиз)

Ф. Гойя. «Только Гойя»

Эбздорские охоты

А. КОНДАУРОВ

Автор «Эбздорских охот» Анатолий Кондауров

Произведение Потапа

Любое серьезное дело, а тем более продолжительная охота в местах отдаленных, требует продуманности в сборах.

Если охота — не просто увлечение, а диагноз, то с годами накапливается такой потенциал опыта, что неизбежна — согласно еще не написанной таежной психологии — профессиональная деформация в виде самонадеянности, когда начинаешь пренебрегать известными мелочами, а именно они в лесу становятся существенными и главными.

Наперед зная это коварство, я сделал проще: обратился к старым, проверенным годами спискам; осталось их подкорректировать. Но прежде следовало заказать сварщику две печи.

Сколько переклепали, переварили их на моей жизни и сколько их я переведал — не счесть. Сейчас я точно знал что надо заказать; самые последние уточненные чертежи аккуратно хранились в заветной тетради.

Потап, он же дипломированный сварщик, внимательно разглядел представленные мной чертежи — все как положено: общий вид в изометрии, размеры даны в миллиметрах — и сказал коротко, как отрубил:

— Сделаем! Ноу проблем!

— Потап, сударь мой дорогой! Ты, право, не спеши. Сделай «один в один», без всяких своих фантазий. Знаешь,

вот сколько бы я ни просил твоих коллег сварщиков, все равно сделают что-нибудь от себя: то дыру вырежут для котелка и потом весь в саже обедаешь, то отверстия в дверке или боках прожгут — для тяги и не для нее; ты уж, голубчик, не мудри, сделай по чертежу, не отступай от размеров.

Потап терпеливо и снисходительно слушал и зачем-то пристально рассматривал бумаги, то поднося их к глазам, то удаляя на расстояние вытянутой руки, и умудренно помалкивал.

— Ты уж постарайся, — не унимался я, не понимая напряженной сдержанности моего подрядчика.

— Сделаем. В срок и без булды! — добавил новые слова Потап, свернул аккуратно чертеж и запихал в карман брезентовой куртки.

Удачно размещенный заказ вызвал к расслаблению. Теперь можно было спокойно готовить грузы, а их было — как ни ужимайся — довольно много: лодочные моторы, канистры, палатки, сети, продукты, всяческая мелочевка вплоть до медицинской аптечки.

Сборы — это уже начало охоты.

Перво-наперво проверяю оружие. Нет, я не собираю его и не вскидываю к плечу, целясь в воображаемую жертву, как делают многие салаги. И не перебираю пальцами тугие и скользкие, как огурчики, патроны; для меня важно убедиться: на месте ли ружейный

ремень, цевье, просматриваю год зарядки патронов.

И рюкзак меня интересуют только в двух местах: нет ли дыр в карманах и крепки ли на разрыв ляжки.

С харчами проще: сыпучие — в полиэтиленовые бутылки: ни влага, ни мышь не страшны, остальное во фляги; когда они опустеют, в них можно сложить добычу.

Сапоги для лодки надо взять, естественно, на три размера побольше, а лучше самодельные, из глубоких литых калош бродни, обязательны и меховая шапка-ушанка, шарф, капковый водоспасательный жилет.

Сети беру с ячейей крупной, начиная от 70 мм, поплавки съемные, кибас из железных колец.

Все это и еще многое, что нудно перечислять, добросовестно упаковывается, увязывается, и на душе — умиротворение от непроходящей уверенности в успехе.

Лишь где-то в подсознании нет-нет да и кольнет мыслишка: «Что будет новенького, щекотливого? Где же сейчас та добыча, которой суждено добыться: ходит, спит, плавает?» Еще не ясный интерес, загадочность, непредсказуемость живут вместе и параллельно со сборами.

Перевязанные для надежности прочным фалом грузы аккуратно стеллажом размещаются на веранде. Остается только то, что укладывается в последний день: одежда по погоде и продукты из морозильника.

За два дня до отъезда я поспешил к предварительно предупрежденному о визите Потапу. Он ждал меня, был радостен, не в меру словоохотлив, в неизменной брезентовой куртке.

— Вот они, Лексеич, твои ненаглядные, сварил точь-в-точь, все по чертежу и размеру. Только ты в своей изометрии задние ножки того... обкоротил...

Я увидел своих ненаглядных и, как говорят, окостенел.

Они стояли рядышком: два жирафчика — передние ножки, как у таксы, а задние — как у тельца.

Первая мысль: а как же посуда — кастрюли, чайник? Они же скатятся непременно!

Я не мог ни смеяться, ни говорить: очумел, обалдел, оцепенел.

С любопытством отметил, что стенки печки не прямоугольные, а как на чертеже — параллелограммом.

Потап стоял сбоку, победно поглядывал на меня, громко сопел, ожидая похвалы и гонорара.

— Чисто, чисто сработано, Лексеич, — тархтел он. — Все швы шлифанул «болгаркой», не придерешься. Только железа, блин, много ушло, неэкономно это — кроить боковины, да и с пат-

рубком для выходной трубы помучились: целый день пять мужиков кувалдой били, чтоб эллипс тебе сделать...

Вот тут ноги мои и прогнулись, и я стал оседать: я заметил, что приваренный двухсантиметровой толщины кусок трубы — патрубком был действительно сплюснен — точь как на чертеже!

Чтобы в натуре не расшибить себя о цементный пол гаража, я ухватился за крутые брезентовые плечи специалиста и забился в истерическом смехе.

Потап отшатнулся, потому что тако-го смеха он отродясь не слышал: сначала это были какие-то всхлипывания, клекотания, похожие на то, когда жадно пьешь пиво прямо из горлышка бутылки; клацанье зубов и наконец конвульсивные эпилептические дергания всем телом.

Когда припадок иссяк, я, весь мокрый от пота, едва слышно промычал:

— Потап, голубчик, ты уж никогда так не шути со мной.

Облавы

Пресытившись ежедневными богатыми уловами и рыбными экзотическими блюдами, мы переключились на облавную охоту. Механизм ее, этой охоты, был прост: подыскивалась речная излучина с узким перешейком, куда выставлялся стрелок, остальные с шумом и гамом, постукивая по деревьям, выступали с противоположной стороны в роли загонщиков.

Стоять наизготовку в засаде — престижно. И потому, по понятным причинам, на эту роль мог претендовать, бесспорно, только один человек. Наше безропотное смирение работать в тайге «стукачами» было воспринято этим человеком как должное.

Что делать? Мы распределились в загоне: по бокам, то есть придерживаясь берегов реки, шли Коля и Игнат, я, имея солидный опыт ориентирования в тайге, шел центром, челноча от одного фланга к другому.

Первый загон не удался, так как полуостров был слишком широк для гона, растянут на два с лишним километра, и когда мы с Колей направились на стрелка, напугавшего нас зловецом: «Чего зря орете?!» — выяснилось, что мы оставили где-то промысловика Игната, знавшего, однако, этот мыс в совершенстве.

Мы прождали его у костерка около часа, высказывая всевозможные версии, пока наконец Шефа не осенило: «Я понял, где он, бляха-муха!»

Директор завел мотор, погнал лодку вдоль берега и действительно через полчаса привез нашего проводника, хозяина Эбудорского стана — Игната.

Конфуз был очевиден: Игнат заблудился (на старуху — проруха), долго пропетлял и, выйдя на берег реки и определив, что до перешейка далековато, стал ожидать спасателей...

На второй день Игнат исправил свою ошибку, однако не рассчитал свою скорость и первым, значительно раньше нас, вышел на стрелковую линию, поэтому ему пришлось занять номер рядом с Шефом. Он позорно пропуделял бегущего из-под гона по тальниковой ложине красавца быка. В конце этого бесплодного дня мы без труда заметили, как Директор, пристально частенько поглядывая на подчиненного ему промысловика, беззвучно шевелил гу-

И я пошел полупьяной походкой к поджидающему меня грузовику, которому не суждено было загрузиться.

Не знаю дальнейшей судьбы моих ненаглядных жирафчиков, но впоследствии я горько жалел, что не выкупил их. К сожалению, в жизни случаются тяжкие минуты. Но достаточно было еще раз взглянуть на потаповские творенья — и жизнь бы озарилась ярким и радостным сиянием.

бами, очевидно стесняясь рвущихся наружу слов.

Игнат то ли в какой-то степени владел азбукой глухонемых, то ли интуитивно догадывался о возможном директорском тексте, но дольше обычного то хлопотал у дымящейся коптильни, то укладывал развалившиеся и находящиеся в наибольшем удалении поленицы. Наконец рано отправился спать в баню, где какое-то время подозрительно долго не храпел.

— Не водит ли он нас за нос? — высказал поутру предположение Директор, пока храп Игната еще явственно извергался из банных недр. — Ибо невыгодно ему сдавать чужакам дичь со своего огорода.

Вспомнив все не очень хитроумные уловки Игната, я вынужден был скло-

ниться к версии Шефа и мгновенно расстелил на своей спальной территории подробнейшие карты. Шеф, сверкая в предутренних сумерках линзами очков, как кобра, уставился в объективные документы. В это время еще сладко спавший Коля попытался последовательно перебросить через перегородку свои беспокойные ноги.

— Зря, парень, стараешься, — отвлекся я на секунду, но Шеф уже успел сделать предварительный анализ неудачных охот.

— Вот, Лексеич, где собака порылась: мысы хоть и темные, но слишком велики, зверь или остается в окладе, или уходит через реку. Испытаем сегодня здесь: вдоль двух озер, а на десерт этот мысок прочешем.

Я одобрил стратегический план Ди-

ректора и отметил, что казенные, на манер военных, его рассуждения не содержали сленговой «бляхи-мухи».

В знак благодарности Павлыч распорядился сделать существенную поправку: в загон отправлялись юноша и старый охотник, с которым я удостоивался чести стать рядом.

Не давая Игнату опомниться и резко сократив время утренней трапезы, Директор завез промысловика, подкрепленного молодежью, на начало гона, а мы вскоре прибыли на исходные позиции.

— Лексеич, ты контролируй левый конец озера, я — правый, — распорядилось начальство.

Я облюбовал засидку у поваленной осины. Отсюда хорошо просматривались подходы и округлое окончание узкого озера.

«А почему, собственно, это конец озера, а не начало? — от безделья стал я размышлять. — И вообще есть ли у озера начало и конец? А если озеро было бы круглым? Тогда где начало того конца, которым оканчивается начало?»

— Тихо, не бубни! — сделал мне замечание Шеф из своего скрадка.

Оказывается, я незаметно начал озвучивать свои мысли.

По прихоти природы озеро имело два равных узких — метров в пятьдесят — рукава, которые разделялись неширокой гливой и шли параллельно километра два-три и соединялись там, куда ушли наши добровольные загонщики.

Значит, мы были у начала озера, а там, где они сливались, был конец.

— Да тихо! — еще раз сказал Шеф. — Какой где конец?

Чтобы не испортить охоту, я вынужден был прекратить свои размышления.

Осень достигла своего апогея: осина слабо трепетала остатками листьев, полубожились и береза, только пихтовый подрост жизнерадостно и сочно зеленел голубовато-изумрудной хвоей в свете пробудившегося дня.

Для лучшего обзора я привстал, навалился грудью на холодный ствол поверженной осины и уставился вперед, в таинственно-напряженные лесные заросли, откуда вот-вот должен был выйти таежный зверь.

Томительно-долго тянулось время, гона еще не было слышно, и, устав сжимать в руках карабин, я приставил его рядом.

Павлыч тоже терял терпение, переминался с ноги на ногу, крутил своей крупной директорской башкой, увеличенной донельзя старой ондатровой шапкой.

«Хоть бы ты шапку снял, пугало огородное!» — подумал я.

— Что-что? — не понял Шеф.

«Господи, да как он слышит мои мысли на двадцатиметровом удалении, экстрасенс хренов?» — удивился я.

— Не понял, — попытался уточнить мой сосед.

— У тебя слуховые галлюцинации, —

вслух сказал я. — А я вот слышу гон.

Право, я не слышал никакого гона. Может, загонщики ушли в другом направлении: подозрение на Игната еще имело место.

Мы притихли, замерли, растворились в окружающем. И я услышал! Услышал первым, ибо Павлыч нехотел опять затоптался, захрустел.

Шажки были легкие, частые: топ-топ, будто ежик семенил по плотной лесной подстилке.

На меня вышел глухарь. Он гордо и величаво приблизился ко мне, на ходу пощипывая зеленые листочки. Лишь однажды он остановился, скосил на меня лиловый глаз и, приняв за чурбан, прошел между резиновым сапогом 43 размера и прикладом скорострельного карабина.

Не в силах повернуть голову, я так и не смог проследить, куда утонула самая древняя птица на Земле.

Вот и послышались реабилитирующие и долгожданные звуки отдаленного гона, глуховато так: стук-стук-стук, ох-ха, ох-ха!..

И вот тут совсем неслышно и, конечно, неожиданно-негаданно на стрелковый рубеж выплыла лиса-огневка. Заизвивалась, принохиваясь, все ближе-ближе. Я даже разочаровался: что, от нас уже и людьми не пахнет?

Павлыч тоже увидел Патрикеевну, грозно направил на нее черный ствол карабина, я даже поперхнулся: неужели можно стрелять в такую красоту?

«Тварь рыжая, куда ты, сволочь, прешь», — разозлился я.

Плутовка услышала движение моей мысли, тотчас привстала на задние лапы, покрутила носом и, сотворив невероятный высокий прыжок, скрылась, как призрак.

— Ну, бляха-муха, блин, на фиг и прикол! — тихо засленговал возбужденный рыжим видением Павлыч. — Затопала, как стадо мамонтов...

Нет, не мамонты топали! На нас ломились огромные туши лосей, мельтеша бурыми тенями в редких просветах. Вдруг замерли, резко метнулись с влобка гривы вниз, к директорскому берегу озера. Я уже не мог их видеть, надежда оставалась только на Шефа.

— Бам-бам-бам-бам-баммм, — пятькратно ахнул соседний карабин, полностью опустошая магазин. Пули стучали глухо, как по ватному матрацу: значит, легли все по цели.

В следующий миг я был рядом с Шефом, но моего участия не потребовалось: в смятой осоке горбилась, подрагивая, серебристо-коричневая туша.

Гон еще звучал, вселяя кровожадные помыслы, но для нас охота кончилась.

— На шашлыки хватит? — для программы спросил дрожащим голосом очень уж радостный Директор.

— Павлыч, проверим упитанность, — выдерживая солидность, внес я предложение, все-таки энергично протягивая Шефу руку для поздравления.

Б. МИХАЙЛОВСКИЙ

Этой публикацией хочу отдать дань признания и уважения человеку с поэтической душой, мужественной женщине-охотоведу Ирине Борисовне Соколовой. Она окончила МПМИ в год моего туда поступления — 1949-й. Проработав один год в Ленинграде, всю дальнейшую свою жизнь она посвятила Северу: Камчатке, Сахалину, Ямалу, Таймыру, Якутии, где работала в землеустроительных экспедициях системы «Росгипрозем». В Якутской экспедиции мы с ней и познакомились, проработав вместе несколько лет.

После моего отъезда из Якутии наши пути разошлись, и почти 35 лет я не имел о ней никаких сведений. И вот несколько лет назад, будучи уже в Кирове, я отыскал ее в Калуге через своего соседа и коллегу, а ее однокурсника Сашу Романова. Этот город стал ее последним причалом. Мы начали переписываться. Ее письма содержали уникальные сведения о тяготах экспедиционной жизни в тундровых условиях, быте и нравах коренного национального населения. И приходится удивляться, что пережила эта мужественная женщина. Хотя на свою судьбу она никогда не жаловалась и считала, что жизнь у нее удалась. Вот несколько эпизодов из жизни Ирины Соколовой, взятых мною из ее письма ко мне, где она описывает свой обычный полевой сезон. События относятся к лету 1966 г., а их место — приенисейские тундры Таймыра.

Таймыр для Ирины — особый регион. Здесь они с мужем — тоже охотоведом и художником Николаем Александровичем Свиридовым — поселились, здесь Н. А. Свиридов получил диплом Почетного жителя Таймыра за серию картин, посвященных этому суровому краю. Я тоже бывал на полевых работах в приенисейских тундрах Таймыра, и мы выезжали с Ириной в маршрут из одного поселка — Воронцово. Но я в 1955, а она — в 1966 году! Рассказ о моих таймырских скитаниях уже публиковал журнал «Охота и охотничье хозяйство» № 2 за 2002 год. Теперь слово Ирине.

«Для работы в бассейне Пясины меня еще в апреле забросили самолетом в поселок Воронцово на берегу Енисейской губы. Там стояла еще зима, домики были занесены до крыш, но уже на трубах повсюду распевали пуночки — предвестницы весны. Когда снег подтаял и тундра на две трети оголилась, мне выделили двух проводников: молодого иганасанина Пайку Туглакова и старого ненца Пимана Надэра. В при-

Рисунок Б. Игнатъева

Из жизни Ирины Соколовой

ложение к ним дали 4 грузовые нарты и 10 оленей. Это было самое комфортабельное путешествие — на нарте, которая, хоть и не быстро, скользила по мокрой тундре.

Пайка был хитроват и с ленцой, а Пиман не только трудолюбив и умен, но и удивительно благодарен и деликатен. Он у нас считался бригадиром, но никогда не поручал ничего тоном приказа, а как бы советовался, прибавляя к своему распоряжению слово «тарем», что означало: «Ладно?». Однажды на дороге у Пимана что-то разладилось в упряжке, и мы остановились. Я, пользуясь остановкой, стала собирать и описывать гербарий, а Пайка с ухмылкой закурил. И тут Пиман сказал с усмешкой: «Хороший у меня товарищ: один — кури, другой — бумага смотри!» Как пригвоздил.

За день мы преодолевали по 8 км. Затем отпускали оленей и ставили две палатки. Готовили на костре, а севернее, в зоне арктических тундр, где не было древесной растительности, — на примусе. В качестве горючего у нас была канистра керосина. Однажды в примусе сломался «венчик», направляющий огонь. Мои друзья, легко справлявшиеся с ремонтом нарт, совсем растерялись, и мне пришлось ремонтировать примус самой. Необходимую для ремонта деталь можно было легко сделать из консервной банки при помощи ножниц. Так я и поступила. И тем самоутвердилась в их глазах.

Оленей каюры пасли по очереди, ночами, а потом досыпали до 12 часов дня. Я же заполняла бланки, ложилась в свой олений спальник и при свете ночного солнца, приподняв край палатки, читала припасенные журналы.

Питались мы в основном гусями, которых, несмотря на плохое зрение, ловко стрелял влет Пиман. Хлеба даже не хотелось.

Через полмесяца маршрута нам преградила дорогу быстрая и глубокая река. Остановились на берегу, и Пиман стал искать мыс на нашем и противоположном берегах ниже по течению. Затем, надув резиновую лодку, он погрузил в нее часть имущества и взялся за весла. Вырузив поклажу на другом берегу, перетащил лодку вверх, чтобы упредить снос. И так он делал после каждого переезда. Пайке Пиман не доверял ни одной поездки, а сам переправлялся 9 раз.

Когда основной груз был переправлен, каюры связали цепочкой нарты и привязали к лодке. Пиман снова сел за весла, а Пайка держал нарты. Также потащили за собой и оленей, связав их

один за другим. Но те на середине реки вздумали повернуть назад! И Пиману стоило больших усилий переправить упрямых животных. Мы с Тоном (полуговаялая лайка Пимана) с замиранием сердца следили за всем этим. Тон еще при этом и выл, решив, что хозяин бросил его. Нас с Тоном перевезли последним рейсом.

Немного передохнув, мы вытащили все вещи на коренной берег и разбили палатки. И вот во время чаепития вдруг услышали отдаленный рокот со стороны уже пройденного нами маршрута. Вскоре заметили движение большой колышущейся массы и более четкие звуки — «хорканье» и перестук крайних копыт оленей, словно звук кастаньет. До нас дошло, что это нас нагоняют мигрирующие на север, к морю, олени, спасающиеся от гнуса. Олени устремились как раз к месту нашей переправы, и мы разглядели, что это были важенки с телятами этого и прошлого годов рождения, кочующие обычно отдельно от хоров. Оленей было около двух тысяч голов. Передние животные остановились перед водной преградой. Но задние все напирали и в конце концов вынудили передних оленей войти в воду. И вот все стадо поплыло. Важенки держали телят со стороны течения, уберегая их от сноса. Мы следили за этим грандиозным зрелищем, как за замороженными. К сожалению, я не засекала, сколько времени продолжалась переправа. Но вот все олени переправились и галопом ринулись в глубь тундры, согреваясь на ходу. Лишь одна важенка с теленком в нерешительности топталась на берегу, всматриваясь туда, откуда стадо только что пришло. Простояв так минут 20, она отправилась вслед за ушедшими соплеменниками. Вскоре мы поняли мотивы ее поведения: на противоположном берегу показался прошлогодний теленок-авлакан. Нерешительно потоптавшись у воды, он повернулся и трусцой направился назад по своему следу. Хотелось надеяться, что рано или поздно он примкнет к какому-нибудь другому стаду... Все эти события случились в ясный солнечный день 30 июня. Низкое солнце мягко светило на чистом голубом небе. И вдруг раздался раскат грома, хотя никаких облаков не было видно. Для рожденного зимой Тона это было потрясением, и он вполз к нам в палатку, хотя обычно спал вне нее. Пиман, не допускаяший нарушений дисциплины, хотел его выгнать, но я заступилась. Далее большие реки уже не преграждали нам дорогу, а малые мы пересекали на нартах.

Пиман хорошо ориентировался на местности, но моей карте не доверял. Если я говорила, что через два километра мы пересечем речку, Пиман недоверчиво произносил: «А ты, однако, тут была!»

В тот год был пик численности леммингов, и зверьки часто попадали под полозья нарт. Олени охотно поедали погибших зверьков для восполнения белка, которого очень мало в траве и ягеле.

Однажды на маршруте нам встретилось стойбище пастухов-оленоводов. Тогда-то мне и пришлось познакомиться с жизненной философией нганасан. Пайка, принадлежащий к этой народности, накинулся с бранью на зашедшего к нам в палатку молодого пастуха. На мое замечание, что нельзя так поступать с гостями, Пайка ответил: «Надо всегда ругать человека, а то он подумает, что ты слабее него!»

Переждав дождь и выпив чаю, мы решили у пастухов переночевать. Тут-то мне и пришлось допустить несколько оплошностей. Я развесила свое мокрое белье в чуме, а хозяева выбросили его наружу, развесив на кусты. И еще: не имея привычки сидеть на полу, я присела на деревянный ящик у входа, который хозяйка тут же выдернула из-под меня. Это оказался «буфет» с посудой! Так по крохам я знакомилась с обычаями ненцев.

Как-то Пайка подстрелил оленя. И мы наслаждались нежным оленьим мясом, сырыми почками и желеобразным костным мозгом из оленьих голеней. Но сначала, освежая убитого оленя, мои проводники начинают «согудать», т. е. выпускают кровь в брюшную полость, смазывают ею лица, затем, отрезая кусочки печени, макают их в кровь и съедают. Теплую печень я есть не смогла, а вот замороженную ранее меня научили есть в стаде, когда я изучала особенности зимнего питания оленей. Свои запасы мяса мы зарывали на ночь в так и не стоявшие за лето пласты снега на северных склонах холмов.»

На этом приключения Ирины Борисовны не кончаются. Были встречи с охотниками, и выход к побережью моря, и встреча с удивительными полигональными болотами, и отлов леща, и страх оказаться без оленей и Пимана... Но и то, что рассказано, дает представление о нелегкой судьбе женщины-охотоведа. Не каждый мужчина согласится так кочевать.

Уважаемая редакция! На страницах вашего журнала хотим поздравить главу нашего семейства, моего отца Кирпота Михаила Павловича, с 85-летием. Он, ветеран Великой Отечественной войны и труда, благодаря любимому занятию, бодро себя чувствует и успешно охотится. Добытый в этом сезоне кабан является его 233 по счету трофеем.

Листая с ним страницы любимого журнала, подшивки которого хранятся у нас с 1962 года, мы переносимся в мир природы, и неопишуемые чувства переполняют нашу душу. Пусть эти чувства прибавят моему отцу здоровья, а удача всегда сопутствует на охотничьей тропе. Короче, «ни пуха ни пера!».

С наилучшими пожеланиями дети, внуки и правнуки.

М. М. КИРПОТ,
Литва, г. Паневежис

Добрый день, уважаемая редакция! Зовут меня Зинченко Виталий Алексеевич, 1975 года рождения. Охочусь с детства, журнал выписываю с 1987 года, хотя читал его и раньше с большим удовольствием. У меня есть два старших брата — Славик и Леша. Родители, ожидая третьего ребенка, думали, что будет девочка. Мама не огорчилась, когда родился я, а вот средний брат Алексей чуть не заплакал: «Мама, а где же сестричка?»

По линии отца у нас все были охотниками, поэтому, подрастая, я постоянно слушал рассказы об охоте, видел трофеи — перепелов, диких голубей, уток, режее гусей, а также были зайцы, лисы, шакалы. Но самое

главное, отец (его зовут Алексей Михайлович) всегда привозил с охоты что-нибудь «от зайчика» — яблоко, грушу, пирожок..., которые мама давала ему с собой. Мы по своей детской наивности радовались, что «зайчик» всегда что-то передавал для нас, и не было ничего вкуснее этих подарков.

Я не пропускал ни одного рассказа или даже упоминания об охоте, ружьях или собаках. Мне не нужны были игрушки, не интересовали ни машины, ни электроника, я навсегда заболел охотой. В школе мальчишки меня не любили, потому что был не как все, считали чокнутым на своей охоте и природе. Да, я был помешан на охоте и очень этим гордился! Но отец был другого мнения, он говорил: «Хочу, чтобы хоть один из моих сыновей не был охотником». Он всячески пытался отдалить меня от охоты, чем еще больше привил любовь к ней.

Однажды к нам в школу пришел новый учитель географии Труфанов Сергей Иванович. Мы с ним не ладили с самого начала. Причиной тому было мое разгильдяйство, а он считался преподавателем очень требовательным. Позже это переросло в откровенную неприязнь, которая неизвестно к чему бы привела, если бы не случай, который свел меня с этим человеком на всю жизнь.

Сергей Иванович был у нас в селе одним из лучших охотников на лис. И вот он как-то взял меня с собой на охоту на Янкульскую гору. После натаски собак сказал, что сделает небольшой круг в надежде что-нибудь добыть, а я должен подождать его на месте. Но отойдя от меня примерно с километр, он ранил лису и ушел за ней, решив, что я не стану его ждать и уйду. Но я прождал его до темноты, а возвратившись домой, получил от родителей большой нагоняй.

На следующий день, когда я пришел к нему, учитель обнял меня и попросил прощения за свой поступок. После этого мы стали хорошими друзьями, хотя наша дружба и не давала мне никаких привилегий, географию я должен

был теперь знать гораздо лучше, чем раньше. Как мой лучший друг, наставник и учитель Сергей Иванович внес немалую лепту в воспитание меня как охотника и настоящего ценителя природы.

Будучи в армии, я служил в Тверской области. Места красивые: бесконечный лес, реки, много диких животных. Кабанов и оленей можно было видеть рядом с воинской частью. Мальчишкой я мечтал уехать в Сибирь, жить и охотиться в тайге, но во время службы меня так замучила ностальгия, что я стал писать стихи о своей родной степи.

Настоящую красоту ставропольской степи я начал понимать только находясь вдалеке от нее. Моя блудная душа нигде не могла найти покоя, хотя объездил я немало мест. Только в родительском доме, в родных степных просторах я чувствовал себя хорошо.

В. ЗИНЧЕНКО
Краснодарский кр.

Здравствуй, уважаемая редакция! Пишет вам семья из Тюменской области. Нам хочется поделиться с вами своим заветным желанием. Может быть, вы смогли бы чем-нибудь помочь.

Мы уже давно вынашиваем мысль жить где-то далеко от цивилизации, в лесу, заниматься хозяйством, охотой, охраной угодий. Некоторый опыт у нас есть: я когда-то работал егерем, поэтому не подумайте, что такая жизнь нам совершенно не знакома.

Может быть, какому-нибудь охотоведу Сибири-матушки нужна нормальная семья, готовая жить далеко от людей и заниматься порученным делом. Надеемся, вы обратите внимание на наше письмо. Адрес: 628454 Тюменская обл., Сургутский р-н, ул. Центральная, 10, п. Локосово. И. Н. Вершинину.

Уважаемая редакция! Высылаем вам небольшую заметку об интересном факте и фото. Мы оба постоянно читаем ваш журнал и имеем непосредственное отношение к проблемам, освещаемым вами, так как кроме того, что охотники, мы еще и сотрудники заповедника «Костомукшский» с многолетним стажем работы в этой системе.

В этот зимний день мы шли по следам трех лосей, которых подшумели накануне. На этот раз с нами были две западносибирские лайки. После двух часов тропления раздался лай собак по лосю, и вскоре зверь был отстрелен. Подойдя, мы увидели лоса с одним 5-сантиметровым рожек. Полуторник, бычок, решили мы, да какой крупный! Каково же было наше удивление, когда выяснили, что это — лосиха возрастом около 8 лет с признаками лактации.

После обсуждения этого факта с одним из сотрудников лаборатории зоологии Карельского научного центра РАН мы выяснили, что достоверных случаев добычи подобных особей в Карелии не было. В соседней Финлян-

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

дии, где за последние 30 лет отстреляно 1,5 млн. лосей, было только 10 случаев встреч лосих с признаками рогов. Финский специалист Туйре Нюгрен сообщила, что она ни разу такого черепа в руках не держала.

Череп рогатой лосихи будет отправлен в Петрозаводск и займет достойное место в коллекции Института биологии.

В. НИКИТИН, Б. КОШЕВАРОВ
Карелия

Спустя неделю после открытия охоты мы с сыном Михаилом приехали поохотиться на свое любимое место — Рузское водохранилище. Огорчало одно: мы не взяли с собой главного спутника наших охот спаниеля Джоя. Пес сильно порезал себе лапу, и пришлось оставить его дома, хотя он так собирался: прыгал за нами на трех лапах по квартире, лаял и заглядывал в глаза. Михаилу с трудом удалось вывести его погулять, пока я быстро перетаскивал охотничьи причиндалы в машину.

Очень жалко было собаку, но что делать, пришлось сматываться тайком, хотя Джой, конечно, все понял.

Приехали на место вовремя, постояли на вечерней зорьке, взяв двух крикух и одного чирка. Но как-то очень быстро и неожиданно на воду спустился туман, стало темно, и лет утки почти прекратился — подпортил туман нам зорьку.

Пришли к машине. Пока сын разжигал примус, я запалил небольшой костерчик. Так приятно и блаженно посидеть вместе с сыном у согревающего душу огонька наедине с родной русской природой... Сидели долго, говорили за жизнь, курили и просто молчали, и нам было очень хорошо вместе.

Утром я проснулся, посмотрел на часы, вроде рассветать уже должно, а за окнами машины сплошная мгла. Открыл дверцу, высунулся и ахнул: туманище — ну просто сплошное молоко. Какая охота, когда в нескольких метрах ничего не видно! Прошло порядочно

времени, прежде чем немного посветлело. Решили все-таки идти, сколько можно валиться. Вообще-то в таком тумане сразу начинаешь чувствовать себя ущербным: плохо видишь, плохо слышишь, как-будто в уши запихнули ватные тампоны, места, по которым ходили десятки раз, стали совсем незнакомыми.

Подшли к берегу, водичка под ногами захлюпала, остановились в раздумье... И тут недалеко в белой пелене мелькнули двигающиеся пятна — утки. Вскидываем ружья и стреляем, можно сказать, не прицельно. Утки-тени растворились в тумане. Вдруг слышим слабый крик со стороны водохранилища. Замираем и слушаем, крик повторился: «Люди, не уходите, стойте на месте, я в лодке, заблудился в тумане, не знаю, куда плыть, кричите иногда, я буду плыть на голос!» Надо выручать человека, стали кричать, а Михаил даже выстрелил из ружья вверх. Так мы перекликались около получаса. Наконец увидели расплывчатое тем-

ное пятно, которое через несколько минут превратилось в лодку, в ней сидел человек. Лодка носом ткнулась в берег, из нее выскочил незадачливый путешественник, подбежал к нам, стал жать руки, обнимать и благодарить срывающимся от волнения голосом. Когда он немного пришел в себя, поведал о своем приключении.

На базу он приехал еще вчера, вечером очень удачно половил щук недалеко от базы. Утром решил еще потемному доплыть до того же места и снова попытать счастья. Но, естественно, не попал: туманная мгла, никаких ориентиров, тишина полнейшая. Решил вернуться на базу, но заблудился и стал плавать по водохранилищу в разных направлениях. Так проплавал несколько часов, пока не услышал наши выстрелы. Мы пожелали ему «ни хвоста ни чешуи», а он нам «ни пуха ни пера», и разошлись. Настроение у нас было очень хорошее и на душе приятно — сумели помочь человеку.

Ю. ШЕВЯКОВ
Москва

Всё для охоты, рыбалки, туризма Производство и оптовые поставки

Сокол
порох, патроны

**ЗАО Межобластная промышленная база
охотничьих и рыболовных товаров**

т/ф (095) 748-28-00, (095) 748-24-22

<http://www.dol.ru/oxotbase/sokol>

e-mail: sokol_hunter@mail.ru

т/ф (095) 748-22-15, 522-38-11, 527-70-31

143987, Московская область, г. Железнодорожный, ул. Дачная, д. 28

Д о с т а в к а п о Р о с с и и

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

На привале

Беркут и кеклик

До конца шестидесятых годов, пока не стали перед посевом травить зерно ядохимикатами, в Чаткальских горах водилось большое количество беркутов. Они собирались в огромные стаи, часами кружили в воздухе над какой-нибудь вершиной в поисках добычи. Позже из-за скопления яда в их организме при поедании грызунов и птиц, употреблявших это зерно, количество беркутов резко снизилось за каких-нибудь полтора-два года. Тогда же почти полностью исчезли огромные стаи диких скалистых голубей, в предгорьях, возле колхозных полей, появились многочисленные тушки павших зайцев и лисиц.

К счастью, в пору моей охотничьей юности, когда их еще было много, мне посчастливилось неоднократно быть свидетелем захватывающего зрелища — охоты беркутов на кеклика. Как охотятся с прирученным беркутом на лисиц и волков, видели почти все по телевизору, а как охотится дикий беркут в горах на кекликов, в своей родной стихии, видели редкие счастливики.

Беркут, мощная грозная птица, войдя в пике, способен развивать огромную скорость, и редко кому удается спастись от его огромных острых когтей. Его жертву не спасают ни быстрые ноги, ни крылья, разве что хитрость.

Кеклик — куропатка со специфическим пестрым оперением, красным клювом и ногами, весом 450—600 граммов, очень плотная и подвижная птица из семейства куриных, обитающая у нас, в горах Средней Азии и Кавказа. Очень привлекательный объект для охоты не только из-за вкусного мяса, но и из-за быстрого бега, особенно в гору, и стремительного, чаще неожиданного взлета.

Однажды теплым октябрьским днем во время охоты на кекликов в отрогах Чаткальских гор, в районе поселка Сумсар, я услышал пронзительный тревожный крик кеклика, затем шум быстро хлопающих приближающихся крыльев. Поворачиваю голову в ту сторону и вижу редкую картину.

Сверху, со скалы, вниз по склону с истошным криком, отчаянно хлопая крыльями, летит кеклик. За ним на полусогнутых, прижатых к туловищу крыльях, как стрела, выпущенная из лука, на большой скорости молча несется беркут. Спасаясь от погони, кеклик несколько раз закладывал крутые виражи вокруг вершушек острых скал. Беркут, несмотря на свои внушительные размеры и вес, все так же молча легко проделывал то же самое, постепенно сокращая расстояние до жертвы.

С моего места вся эта драма на фоне белоснежных горных вершин и иссиня-черного безоблачного неба была видна как на ладони. Мне казалось, что участь кеклика решена и уже ничто его не может спасти.

Увидев меня, в поисках спасения кеклик решает на отчаянный шаг: он сворачивает в мою сторону в надежде, что беркут испугается человека. Но не тут-то было, беркут как привязанный последовал за ним. Я мог бы спокойно остановить эту драму одним выстрелом, ведь они пролетели мимо всего в нескольких метрах, обдав меня упругой воздушной волной, но я не стал вмешиваться в таинство жизни природы. Раз это все в ней происходит, значит так и должно быть! Я предпочел не двигаясь молча наблюдать за погоней.

Трагическая развязка неумолимо приближалась. Когда до кеклика осталось около метра, беркут начал выпускать свои когти, до этого прижатые к туловищу для увеличения скорости полета. Но тут, продолжая истошно

кричать, кеклик делает крутой вираж, складывается в комок и, как пушенное ядро, сходо врезаются в большой колючий барбарисовый куст. Пробив его насквозь, ударившись о землю с той стороны, вскакивает на ноги и, отряхнувшись, шустро прячется под стоящий рядом плотный колючий куст шиповника.

А что же наш беркут? Пока он сообразил что к чему, было уже поздно. Не успев вернуться, он попытался затормозить, раскрыв пошире крылья, но это не помогло. На большой скорости со всего маху он ударился грудью о колючий куст, вдавив его крону внутрь всей массой своего тела. Я явственно ощутил, как десятки длинных, острых колючек вонзаются в его грудь. Пытаясь освободиться, беркут заклекотал, задержался. После нескольких попыток, отталкиваясь когтями и концами крыльев, он кое-как оторвался от куста и, медленно взмахивая крыльями, несолоно хлебавши полетел прочь.

А что же наш кеклик? Немного посидев, оглянувшись и убедившись, что опасность ему не грозит (меня он уже в расчет не брал), вылез из-под куста и резво побежал вверх по склону. Забравшись на вершушку близлежащей скалы, он гордо и весело запел свою песню: «ке-ке-ке...»

Он радовался жизни и солнцу.

В. КОРДОВАТОВ
г. Тольятти

Дотоучлибка

Мой дом — моя крепость

Фото А. Кондаурова
г. Тольятти

НА ПРИВАЛЕ

Трагедия на Шугуре

Темная осенняя ночь опустилась на небольшой тувинский поселок. Моросил дождь, дул порывистый ветер. Улицы были пустыни, лишь два человека, постоянно озираясь и выбирая неосвещенные участки, двигались в сторону Енисея. Полчаса назад они бежали из местной колонии. Выйдя на берег, беглецы посоветовались, выбрали лодку с веслами покрепче, сбили камнями замки и поплыли вниз по реке.

Анатолий, инспектор охраны заповедника, с утра находился в приподнятом настроении. Сегодня заканчивалась его вахта на кордоне Шугур, что на границе между Тувой и Красноярским краем. Прямо от избушки до самого горизонта простирались горы, покрытые вечными снегами. До ближайшего населенного пункта несколько часов на моторке. Рядом с кордоном, весело играя на перекатах, протекала горная речушка Безымянка.

Анатолий вышел из избушки, спустился к воде. Прислушался, ожидая услышать шум моторки, на которой должна была придти смена. Время подходило к обеду, когда он услышал на реке шум, который шел не снизу и не от моторки, а сверху и от весельной лодки. Это удивило и насторожило инспектора. Откуда в этой глухомани взяться весельной лодке? Может, с мотором что случилось? Анатолий поднес бинокль к глазам — мотора на лодке он не рассмотрел, зато разглядел двух человек, которые не столько гребли, сколько хаотично били веслами по воде... Инспектор перехватил карабин поудобнее и стал поджидать незваных гостей.

Когда лодка ткнулась носом в берег, мужчины продолжали сидеть в ней, оцепенев от холода. Видя их состояние, Анатолий закинул карабин за спину и по одному перетаскивал их в избушку. Растопил печку, согрел похлебку, разлил по кружкам водку. За все это время не было сказано ни одного слова. И лишь когда горячая еда и водка возымели действие, разговор понемногу начал налаживаться. С первых же слов Анатолий, опытный таежник, сообразил, кто перед ним... Теперь моторка со сменой ему была особенно нужна. Но она все не шла. А тем временем солнце скрылось за горами, стало быстро темнеть. Анатолию пришлось устраиваться на ночлег в одной избушке с «гостями». Он уложил их спать на свои нары, сам же лег на топчане возле выхода, держа под рукой зараженный карабин. Беглецы, намаявшиеся за долгий путь, уснули быстро.

Ранним утром с центральной базы заповедника вышла моторка и взяла курс на Шугур. В лодке находились три инспектора охраны. Один управлял моторкой, другой, сменщик Анатолия, закутавшись в шинель, дремал, третий осматривал в бинокль проплывающие мимо горы. Через несколько часов пути начал барахлить мотор, на полном газу глох и заводился лишь после длительных усилий. В конце концов мотор заглох намертво. Инспектора на веслах подошли к берегу, двое стали ковыряться в моторе, третий тем временем на всякий случай начал налаживать на берегу ночлег. К вечеру мотор отремонтировали, но в темноте не поплыли — можно наскочить на топляк. Крепко закусили, поговорили об Анатолии, которому придется дежурить лишние сутки, и завалились спать, решив тронуться в путь на рассвете. До кордона Шугур оставалось три часа ходу.

Как ни крепился Анатолий, но под утро на какое-то время все же забылся. А когда очнулся, прямо в глаза ему смотрел темный зрачок его карабина. Грянул выстрел... Завладев оружием и избавившись от свидетеля, уголовники решили устроить засаду недалеко от избушки: они уже поняли, что должна придти смена. Пересчитав патроны, залегли за большим валуном. Теперь у них созрел план: дожидаться моторку и, завладев оружием и бензином, прорываться по реке в город, где легче затеряться. Но время тянулось медленно. Решимость беглецов та-

Обугленные деревья и потрескавшиеся от пожара камни — молчаливые свидетели произошедшей трагедии.

яла с каждой минутой. В конце концов нервы не выдержали. Набрали ворох сухой травы, которой со всех сторон обложили избушку, и подожгли. После этого прыгнули в лодку инспектора, завели мотор и понеслись вниз по реке, оглядываясь на столб пламени, в котором сгорал человек, спасший их от верной гибели.

Чуть рассвело, моторка со сменой тронулась в путь. Через два часа пути инспектора ощутили свежий запах гари, а еще через некоторое время из-за поворота реки вылетела и понеслась мимо них моторка, в которой, низко пригнувшись, сидели двое. Один держал карабин наизготовку. Инспектора знали в этих местах все лодки наперечет и поэтому, увидев лодку Анатолия, развернувшись, устремились в погоню. Беглецы стали стрелять по преследователям, пули вспарывали воду то слева, то справа от лодки. Дело принимало опасный оборот. Сменщик Анатолия открыл ответный огонь, одна из пуль угодила в мотор. Стрелок выбросил карабин в воду и поднял над головой руки. Инспектора подошли вплотную, связали преступников, взяли лодку Анатолия на буксир, предвзительно посадив в нее одного охранника, и продолжили путь на Шугур.

Страшная картина предстала перед глазами инспекторов, когда они прибыли на кордон. От избушки осталась лишь куча дымящихся головешек. Черные обугленные деревья и камни, потрескавшиеся от сильного жара, дополняли угрюмый пейзаж. Беглецы сидели в лодке, не смея взглянуть на дело своих рук.

Вдруг сменщик Анатолия передернул затвор и медленно пошел к лодке. Если бы вовремя не опомнились товарищи и не остановили его, то расправа произошла бы немедленно...

Старший группы по рации связался с центральной базой, доложил обстановку, получил соответствующие указания, и лодки двинулись в обратный путь, в конце которого их уже поджидал наряд милиции...

Мне довелось побывать на кордоне Шугур ровно через год после трагедии. Я прибыл на катере, который доставил стройматериалы и оборудование для обустройства нового кордона. Здесь ничего не изменилось с того страшного дня: все так же среди потрескавшихся камней стояли черные обугленные деревья. Избушку решили поставить чуть в стороне.

Пробыл я на кордоне Шугур несколько дней и покидал его с тяжелым чувством. Когда катер отошел от берега, в глаза бросился свежий сруб новой избушки. Из трубы шел дым — новый инспектор уже обживал место. Жизнь на кордоне Шугур продолжалась.

Л. МАМОНОВ. Фото автора

ЖИТНЁВ Д. Пришла пора	1
НАУМОВ О. Оружие + патрон — залог успеха	5
КРЫЛОВ В. Охотничьи страницы жизни (интервью)	6
КУЧЕРЕНКО С. Олень-цветок	10
МАЛОВИЧКО Л., ФЕДОСОВ В. Осенний пролет вальдшнепов	14
РУКОВСКИЙ Н. Охотничье-промысловые звери России и охота на них. Заяц беляк. Заяц русак.	16
ХРАМЦОВ В. Берлоги, медведи и я	20
СЕВАСТЬЯНОВ А. Охотничьи зори	22
ПАВЛОВ М. В долгожданном августе	24
ШОКАРЕВ Ю. Зверовые и птичьи пищажи	28
АЗАРОВ А. Экипировка охотника	30
ЛИСЕЙКИН С. Опыт эксплуатации ТОЗ-87	32
МАСЛЕННИКОВ Ю. Деревня Лжун	34
ПАНКРАТОВ В. Страсти великого испанца	36
КОНДАУРОВ А. Эбурдорские охоты	40
МИХАЙЛОВСКИЙ Б. Из жизни Ирины Соколовой	42
Письма читателей	44
На привале	46
ШИШКИН В. Кукушки	48
Реклама	9, 19, 27, 33, 45

Вниманию наших авторов!

Налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; номер паспорта; когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН, номер страхового пенсионного свидетельства. Просим прислать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланные рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются.

На первой, второй и четвертой страницах обложки:
Фото А. Дигилевича к статье Д. Житенёва «Пришла пора»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина
(ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин,
А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева,
А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев,
В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Л. Н. Иконникова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 03.06.2005 г. Подписано к печати 30.06.2005 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 2 70 20 экз. Заказ 3816. Цена 30 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,

Садовая-Спасская ул., 18

Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени

«Чеховский полиграфический комбинат»

142300, г. Чехов Московской области

Т/ф (501) 443-92-17, т/ф (272) 6-25-36

E-mail: chpk_marketing@chehov.ru

В случае обнаружения полиграфического брака

обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати

12.10.90 № 452

КУКУШКИ

Не много найдется людей, ничего не знающих о кукушке, не обращавших внимания на ее кукование в весеннем лесу, не слышавших о гнездовом паразитизме этой птицы. Но многим ли любителям природы известно о существовании не только **обыкновенной**, но и **глухой** кукушки (слух у нее в порядке, песня лишь менее звучная, чем у обыкновенной), о гнездящихся на Дальнем Востоке еще трех видах кукушек и, наконец, об отряде кукушкообразных (около 150 видов). Родственниками настоящих кукушек (130 видов) считают южноамериканских гоацинов и африканского турако, или бананоедов. Кукушки, вероятно, одни из самых древних лесных птиц. Как у дятлов, два пальца лапы обращены назад, два вперед. Подбрасывание своих яиц в гнезда других птиц свойственно примерно половине всех видов кукушек, остальные справляются с родительскими заботами сами. Представители отряда встречаются на всех континентах, кроме Антарктиды. Наиболее распространены у нас обыкновенная кукушка (см. карту гнездового ареала) внешне напоминает мелкого ястреба с характерной поперечной полосатостью на брюхе, сероватым тоном большей части оперения, желтыми радужной и лапами. Размах крыльев 55–65 см, вес более 100 г. Самки лишь немного мельче самцов, имеют два типа окраски — серую и рыжую. Отличать серых самок от самцов можно по охристо-рыжеватому тону на зобе. Рыжие самки похожи на молодых птиц с поперечной полосатостью не только на брюхе, но и на спине, крыльях, хвосте, общий тон окраски ржаво-рыжий. У молодых на затылке и темени белые пятна. Самцы кукуют и глухо ухают. Брачный крик самки — звонкая трель «кли-кли-кли...». В средней полосе обыкновенные кукушки появляются в конце апреля — самом начале мая. Яйца кукушек находили в гнездах около 300 видов воробьиных птиц. Наиболее частыми воспитателями в европейской части ареала становились белая трясогузка, обыкновенная горихвостка, зарянка, дроздовидная и болотная камышевки, в азиатской части — черноголовый чечан, дубровник, степной конек, сибирский жулан и др. Загадочным остается часто удивительное сходство окраски яиц кукушки с яйцами в кладке птиц-воспитателей. Вылупляющийся, как правило, первым кукушонок выкидывает из гнезда другие яйца или вылупившихся птенцов. Но иногда части его сводных братьев удается уцелеть. В питании взрослых кукушек насекомые, в том числе мохнатые гусеницы, не поедаемые другими птицами, составляют основную часть рациона. Приемные родители выкармливают кукушат сообразно своим привычкам (животная, растительная или смешанная диета). На азиатской части ареала обыкновенная кукушка соседствует с глухой. Залеты глухой кукушки отмечались и в Европейскую Россию вплоть до Карелии и Прибалтики. Голос самца — глуховатое «дуду, дуду...». Белое поле на кистевом сгибе без поперечных полос (как у обыкновенной), спина темнее, полосы на брюхе шире, светлых пятен на наружном маховом меньше. У слетка глухой кукушки развит черный цвет на голове и груди. Очень похожа на два предыдущих вида гнездящаяся на Дальнем Востоке **индийская** кукушка. Голос самца — свистовая четырехсложная трель. На зобе развит рыжий цвет, на конце хвоста заметная черная полоса. На юге Приморья встречается **малая** кукушка, уменьшенная копия глухой. Голос самца — громкая 5–7-сложная двухчастная трель, сходная по интонации с фразой «винчестер купил». Заметно отличается от других видов, обитающих на Дальнем Востоке, **ширококрылая** кукушка. Темно-сизый цвет оперения верха и боков головы распространяется на спину и часть крыльев. На хвосте 4 поперечных темных полосы с рыжеватой каймой. Зоб рыжий, брюхо светлое. Окологлазничное пятно желтое, радужина красновато-бурая. У молодых продольные пестрины на светлом брюхе. Крик самца — учащающаяся к концу трель «джиу-джи, джиу-джи...». На юг России возможны залеты **хохлатой** кукушки (этот вид отмечали на Украине, в Молдавии, Армении, Туркменинии). Сходная по размерам с обыкновенной кукушкой, хохлатая отличается светлыми пятнами на темно-серых крыльях и спине, светлым (без полос) брюхом, желтоватым горлом, хохлом на затылке. В образе жизни наших кукушек много общего, основные различия касаются особенностей размножения, выбора воспитателя (у хохлатой это сорока).

В. ШИШКИН

